

ЛУЧШИЕ КНИГИ

Анна Джонсон

НЕБЕСНАЯ МУЗЫКА. СОЛНЦЕ

БОЛЕЕ 400 000 ПОКЛОННИКОВ

Небесная музыка

Анна Джейн

Небесная музыка. Солнце

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Джейн А.

Небесная музыка. Солнце / А. Джейн — «Издательство АСТ»,
2018 — (Небесная музыка)

ISBN 978-5-17-110809-0

Диана — певица, покоровшая своим голосом миллионы людей. Она красива, талантлива и популярна. В нее влюблены Дастин – известный актер, за красивым лицом которого скрываются надменность и холодность, и Кристиан — незаконнорожденный сын богатого человека, привыкший получать все, что хочет. Но никто не знает, что голос Дианы — это Санни, талантливая студентка музыкальной школы искусств. И пока на сцене одна, за сценой поет другая. Что заставило Санни продать свой голос? Сколько стоит чужой талант? Кто будет достоин любви, а кто останется ни с чем? И что победит: истинный талант или деньги?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110809-0

© Джейн А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	67
Глава 5	81
Глава 6	96
Глава 7	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Анна Джейн

Небесная музыка. Солнце

Кристине Федоровой и Расиме Рахматуллиной – с благодарностью.

*Все события и герои, а также место действия вымышлены.
Любые совпадения случайны.*

Пролог Секунда до бездны

*Небо сжималось в точку,
и я летела,
То ли стремилась вверх,
то ли падала вниз.
Крылья мои окропила
звездная пыль,
Тушь расплавленным солнцем
текла по лицу,
И полумесяц застыл
черным камнем
в глазах.
Я потерялась,
и выхода нет —
Только небо.
И вечность.
И голос.*

Группа «Стеклянная мята»

Срочная пресс-конференция Дианы Мунлайт должна начаться в шесть часов вечера, однако, несмотря на то что до шести осталось всего пять минут, никто не спешит выходить и делать заявление. И даже когда стрелки часов показывают начало первого, пресс-конференция все еще не начинается.

Зал переполнен журналистами: кто-то переговаривается между собой, кто-то печатает на ноутбуке, набрасывая текст будущей статьи, кто-то на всякий случай проверяет аппаратуру, стоящую напротив невысокой сцены, на которой высятся пустые стол и стулья. Однако никто из журналистов понятия не имеет, для чего их столь *внезапно* пригласили в роскошный конференц-зал отеля «Гранд-Кардон». И что такого *необычного* могло произойти с молодой, талантливой и, бесспорно, ставшей за короткое время популярной певицей?

Никто не знает.

Есть лишь предположения. Одни считают, что мисс Мунлайт скажет о своем избраннике или даже замужестве, другие думают, что она объявит о внезапном окончании карьеры, третьи делают ставки на то, что Диана начнет обвинительную кампанию против «Биг-Скай Рекордс» или даже... против отца. А почему бы и нет?

Десять минут седьмого. Пятнадцать. Двадцать.

Никто так и не выходит – ни певица, ни ее менеджер, ни продюсер. Лишь нервно переговариваются о чем-то работники отеля и просят собравшихся подождать, ссылаясь на непредвиденные обстоятельства. Что за обстоятельства, не поясняют.

Все это и раздражает, и интригует. По крайней мере, эти чувства испытывает сидящий в первых рядах Маршалл Ленингтон – светловолосый молодой мужчина в очках, с кривой полуулыбкой, выпирающим кадыком и пронзительными глазами. Он работает в скандально известном журнале «Миллениум» и специализируется на звездах, неплохо получая за то, что раскрывает их тайны и умело подает на белом блюде голодной до зрелищ общественности. Маршалла в шутку называют Псом – за его отличный нюх на секреты и скандалы. Именно Маршалл смог добыть скандальные фото измены актрисы Лесли Стромберг своему мужу-сенатору, именно

он стал автором сенсационного материала, разоблачающего махинации киностудии «Темпл Пикчерс», именно он раскрыл миру правду на Джуно Рейли, рассказав о его связи с мафией и любви к совсем молодым мальчикам. Правда, в целях безопасности пришлось публиковаться под псевдонимом, но все же Маршалл собою гордится. Он – настоящий профессионал. Папарацци – и гордится этим.

А вот до Дианы Мунлайт Маршалл так и не добрался, хотя нутром чувствовал – с ней что-то не так. Слишком чистой, почти непорочной кажется она. Отстраненной и в то же время прямой, не знающей, что такое лесть, ложь и притворство. Но в шоу-бизнесе так не бывает – ступивший в грязь не остается чистым. Грешки водятся за всеми – Маршалл в этом уверен. Шкафы небожителей переполнены скелетами и трещат по швам – стоит лишь тихонько постучать, и скелеты вывалятся сами.

Двадцать пять минут седьмого. Тридцать. Никого нет.

Кто-то из знаменитостей откровенно побаивается и избегает Маршалла, кто-то пытается завести подобие дружеских отношений, кто-то даже пробует подкупить – но журналист занимается своим делом «из любви к искусству» и правде. А кто-то его просто презирает и в лицо говорит о том, что он – полное дерьмо. Диана Мунлайт такая. И это даже восхищает Маршалла, но, тем не менее, он хочет узнать ее *получше*. И именно поэтому он сейчас находится здесь.

Кто ты такая, Ди?

Соответствует ли твой образ действительности?

Или?..

Маршалл терпеливо ждет появления мисс Мунлайт или ее представителей, потому что уверен – им есть что сказать. И он почти уверен, что это заявление будет связано с Дастинном Лестерсом. Маршалл давно подозревает между ними связь, однако доказательств этому нет. Зато у него есть отличный материал про Лестерса и Ричарда Фелпса, участника группы «Пепельные цветы».

«Пепельные цветы» Маршалл недолюбливает. Когда они были на пике популярности, он заканчивал старшую школу, и многие девчонки сходили по ним с ума, что жутко раздражало. Но к кому Маршалл испытывает глубокую антипатию, так это к Лестерсу. Когда-то давно девушка, с которой они вместе учились в колледже, выбрала не его, а Лестерса, тогда еще обычного официанта, стучащегося во все двери киностудий. Маршалл так и не простил Сальму. Но даже то, что они не виделись уже несколько лет, не мешало ему продолжать думать о ней – разумеется, втайне от всех. Тот, кто любит чужие секреты, непременно хранит свои. Ну а Лестерс – Лестерс очень обрадуется статьям и фото, которые удалось сделать Маршаллу. Эта мысль его греет.

Сорок минут седьмого. Все слишком затягивается. Но интерес не утихает. Только лишь обостряется.

Журналисты переговариваются громче и громче, кто-то даже спрашивает, есть ли смысл тут торчать. Ему отвечают, что смысл есть и что пресс-конференция вот-вот начнется.

Маршалл спокоен. Он уверен – что-то произойдет. Просто надо подождать – а уж это искусство постигнуто им сполна.

Его голову снова занимают мысли о семье Мунлайт. Кроме Дианы, Маршалла крайне интересуют ее старший брат Аарон – тот, кого пророчат в преемники Николаса. До недавнего времени Аарон считался одним из самых завидных женихов страны: богатый, красивый, умный, не замешанный в скандалах – просто образец для подражания. А не столь давно женился на аристократке Елене Манфорд, дочери барона Манфорда. Не пара, а идеал – по крайней мере, с виду. Бренд. Разрекламированный и эксклюзивный.

Про Елену Маршалл ничего сказать не может, кроме того, разумеется, что она чертовски хороша, и это при том, что никогда не делала пластику – он проверял этот факт. А вот Аарон Мунлайт не такой уж и образец для подражания, как оказалось. Совсем не такой.

Думая о нем, Маршалл чувствует, как на его губах играет легкая полуулыбка. У Маршалла есть кое-что на Аарона. И это «что-то» может взорвать новости – главное, получить оставшиеся доказательства и дождаться нужного момента. Он уверен – это будет бомба. Правда, Елену несколько... жаль. Впрочем, она сама выбрала себе такую жизнь и такого мужа. Желающих было множество, и ей... повезло больше, чем остальным.

Маршалл знает, что не стоит связываться с семьей Мунлайт – Николас Мунлайт слишком значимая и влиятельная фигура, и знает, что никто не согласится опубликовать *такую* статью. Однако в эпоху Интернета легко можно будет распространить эту информацию по Всемирной паутине. Главное, знать, как это сделать, и тогда даже Николас Мунлайт не сможет остановить лавину.

Маршаллу нравится ощущать себя выше тех, кто считает себя хозяевами жизни. Ему кажется, что его дело – правое. Он уравнивает этот мир.

Время продолжает медленно двигаться вперед.

– Зря пришли? Мунлайт не придет? – спрашивает сидящий рядом зеленый юнец из «Нью-Корвен Мейл», газеты с большим тиражом, которая постоянно дискредитирует себя фейковыми новостями. Маршалл презрительно называет такие «газетенками». Он, конечно, роется в чужом грязном белье, и роется тщательно, но он всегда уверен в том, что пишет.

– Надеюсь, что придет, Том, – отвечает Маршалл, поигрывая шнуром от бейджа, на котором значатся его имя и издание, в котором он работает. Он напряжен, хоть и старается не подавать виду – уверен, что что-то происходит. Но что, что? Маршалл ненавидит оставаться в неведении.

– О чем она хочет сказать? Есть мысли? – спрашивает Том, поглядывая на наручные часы.

Маршалл пожимает плечами – делиться *своими* мыслями он не намерен.

– Без понятия, Том, совершенно без понятия. Ты нервничаешь, – замечает он. – Торопись?

– Немного, – признается Том. – Сегодня у меня назначено интервью с одной дамой. И я боюсь опоздать.

– Забей на интервью, – добродушно советует Маршалл. – Тут ты можешь получить эксклюзив. А там...

– Тут могу, а там – точно получу. – Видя, как скептически смотрит на него коллега, Том выдает: – Эта женщина утверждает, будто родила дочь от... – имя он шепчет едва слышно, и Маршалл приподнимает бровь от удивления. Это весьма неожиданная информация.

– А ты уверен, что она не сумасшедшая? – спрашивает он. – Ты же знаешь, постоянно находятся «родившие» то от миллионера, то от звезды. Либо сумасшедшие, либо охотницы за деньгами и славой.

– Уверен, – кивает юнец Том. Он доволен собой. И доволен тем, что смог похвастаться перед таким коллегой, как «Пес» Ленингтон. Однако он не замечает, какой блеск появляется в светлых глазах Маршалла. И не видит, как тот набирает сообщение одному из внештатных коллег, с которым часто работает в паре. Он просит срочно подъехать к отелю «Гран-Кардон» и проследить за Томом – его фото, сделанное украдкой, Маршалл тоже присылает коллеге.

Своего он не упустит. А юнцу будет урок – не делись с кем попало новостью, особенно если она грозит стать сенсацией.

Без пятнадцати семь. Так никого и нет. Но пресс-конференцию все не отменяют.

Журналисты волнуются. Не то чтобы они не привыкли ждать – на недавнем закрытом саммите союзных государств аккредитованные журналисты прождали более восьми часов, прежде чем политики вышли на интервью огласить список соглашений и компромиссов, к которым пришли при обсуждении. Однако Диана Мунлайт – это не политик. Всего лишь певичка.

«Почему ты не занимаешься настоящей журналистикой?» – звучит в его голове женский голос, и Маршалл едва заметно хмурится. Он отгоняет мысли о той, кому принадлежит голос, не замечая, как постукивает пальцами с коротко обрезанными ногтями по жесткому подлокотнику кресла.

Глупость. И эта девчонка – тоже глупость.

Без десяти семь его телефон начинает вибрировать – звонят из редакции и сообщают срочную новость: Ричард Фелпс, бывший участник группы «Пепельные цветы», также собирает пресс-конференцию. Это же сообщение получают и многие другие коллеги Маршалла. Фелпс уже давно и носа не показывает в родном городе, чем он занимается – никому не известно. Поговаривают, что он просяживает деньги матери, а недавно купил виноградник где-то во Франции. Сладкий Ричард не хочет вспоминать о своем прошлом, хотя остальные горят желанием сделать это. Из кумира прошлых дней (кумира для малолетних девчонок, разумеется) Фелпс сделался человеком-тайной, и тех, кто желает разгадать эту тайну, немало.

Почему Фелпс решился на пресс-конференцию, никто не знает. Никто даже не догадывался, что он в Нью-Корвене – информации о том, что Ричард вернулся обратно, нет никакой.

Что он хочет сообщить прессе, по какой причине, с чем это связано – все остается неясным. Пожалуй, для всех, кроме Маршалла, и он усмехается про себя, слыша разговоры коллег. Это еще один эксклюзивный материал, которым он владеет – узнал обо всем из-за Лестерса, совершенно случайно. Но каково же было его удивление!

Его телефон снова вибрирует – приходит сообщение:

«Пожалуйста, не надо! Я тебя очень прошу. Пожалуйста. Я все что угодно сделаю. Не трогай Лилит», – пишет та, которая некоторое время снабжала его интереснейшей информацией.

Маршалл не отвечает – все еще помнит ее вопрос, почему он не занимается «настоящей журналистикой». Возможно, эти слова задели его. А может, они задели что-то другое внутри него – не струны гордости или самолюбия, а что-то другое... Более потаенное.

Глупости. Все это – глупости.

Ему ничего от нее не нужно.

Ровно в семь все-таки объявляют, что пресс-конференция Дианы Мунлайт переносится на неопределенное время, и все могут быть свободными.

Ничего не понимающие журналисты покидают величественные стены «Гранд-Кардона». Они только зря потратили время, не получив ничего.

Маршалл все-таки разочарован. Он был уверен – *что-то* будет.

Он стоит на позолоченном солнцем тротуаре около входа в отель, щурясь из-за ярких лучей. Ему нужно дозвониться до коллеги и сказать о том, что планы меняются – Том еще не вышел на улицу. Нестерпимо хочется курить, и печет спутанные чуть волнистые волосы – пора состричь их, да некогда. Еще Маршалл все-таки думает позвонить той, которая прислала ему сообщение, а следом за ним еще одно, и еще, и еще. Только он их не читал.

Однако он не успевает набрать даже коллегу – ему самому звонят. Номер на экране не определился, но Маршалл отвечает, внимательно следя за выходом из отеля – не хочет пропустить Тома.

– Слушаю, – сухо говорит Маршалл, попутно хлопая себя по карманам в поисках пачки сигарет.

– Здравствуйте, – раздается незнакомый женский голос – он спокоен и словно обволакивает его. – Маршалл Ленингтон?

– Он самый, – отвечает журналист, прикрывая глаза ладонью – в этом городе слишком много солнца. – Кто вы и что хотите?

Он слышит короткий вздох, будто та, которая звонит ему, набирает воздух поглубже в легкие – так делают, когда решаются на что-либо. А потом слышит:

– Прошу извинить за внезапный звонок. Меня зовут Елена Мунлайт, и я хотела бы встретиться с вами.

Маршалл не верит своим ушам. И даже отстраняет телефон от уха, чтобы еще раз взглянуть на экран.

Та самая Мунлайт? Елена Прекрасная, как ее за глаза называют в их тусовке? *Она?..*

Быть не может.

– Для чего вам нужна встреча, миссис Мунлайт? – спрашивает он.

– Приватный разговор, мистер Ленингтон.

– Вот оно как, – задумчиво тянет он. – Но вы понимаете, что ваш звонок... несколько необычен и внезапен? Я даже могу... – Он делает длинную паузу, соображая, что происходит.

– Заподозрить меня в том, что я не та, за которую себя выдаю, – спокойно реагирует Елена Мунлайт. Предположительно Елена Мунлайт, разумеется. Но интуиция Маршалла подсказывает ему, что это все-таки она.

– Да. Что...

Уточнить, что за приватный разговор, он не успевает – к отелю стремительно несется черный мотоцикл и опасно тормозит рядом с Маршаллом, едва не взрезавшись в отъезжающее такси. Им управляет парень в кожаной куртке и в кожаных перчатках с отрезанными пальцами, а позади него, крепко обняв за пояс, сидит девушка в джинсах и клетчатой рубашке.

Из-под ее шлема торчат красные волосы.

Парень слезает с мотоцикла, снимает с себя шлем и громко кричит, привлекая внимание журналистов, которые еще не успели уехать:

– Пресс-конференция будет! Слышите меня? Эй! Возвращайтесь, мать вашу! – И берет девушку в шлеме за руку.

Маршалл узнает его.

И думает, что они все сумасшедшие.

Он не может не вернуться обратно, но прежде договаривается с Еленой Мунлайт – предположительно Еленой Мунлайт – о встрече. И бежит следом за коллегами. Такое пропустить Маршалл «Пес» Ленингтон точно не может.

Журналисты спешно возвращаются в «Гранд-Кардон», явно оставляя постояльцев гостиницы в недоумении.

Солнце светит легко и ярко. Но ведущая прогноза погоды, появившаяся на огромном медиафасаде одного из небоскребов, говорит, что после вчерашней грозы ожидается сухая погода и потепление.

Следом запускается реклама трейлера нового фильма Дастина Лестерса, в котором он играет рок-стар. А затем – реклама духов «Северное сияние», лицом которых является Диана Мунлайт.

Мята, морской бриз, грейпфрут, древесные нотки и ночные цветы, озаренные лунной дорожкой.

Пресс-конференция начинается.

*Ровно секунда до бездны —
Прошу тебя, только
не отпускай.*

*Даже если была бесполезной,
Я горела. Последнее
правило тайн*

Позабыв.

Глава 1

Янтарь и аквамарин

Осень как смысл жизни.

Ты как моя осень.

Но однажды я бы хотел попасть в весну.

Этой ночью я нахожусь дома одна и переглядываюсь с тусклыми звездами, сидя на подоконнике с гитарой в руке. Я пытаюсь поработать над лиричной песней, которая почему-то связана в моей голове с образом Кристиана Уилшера, но ничего не получается. Я не слышу музыку – Небесное радио в последнее время работает из рук вон плохо. То с помехами, то вообще молчит. И без него музыка получается... пресной.

Я играю на акустике партию за партией, мысленно бракуя каждую из них – все не то, все совершенно не то. Я не могу выстроить единую мелодию. У меня не получается сделать ритмический контраст, да и вообще, мне не нравится ритмический рисунок. Аккорды то и дело сбиваются, тональности оказываются не теми, штрихи смазаны. Легато, вибрато, свип, тэппинг, баррэ – все не то. Я словно слышу музыку сквозь вату – до меня доносятся лишь ее глухие отголоски.

Вокруг меня – гора листков с аккордами и ходами, в каждом из них – море исправлений, а иные и вовсе смяты. То и дело мне вспоминаются слова Эммы Мунлайт.

«Глупая, глупая Санны Ховард. Ты понимаешь, что делаешь? Ты же ставишь крест на себе. Думаешь, отказав мне, ты будешь жить прежней жизнью? Нет».

Эти чертовы слова врезались в мою память. И я против воли помню их.

Не хочу думать, что я боюсь. Не хочу верить в ее слова. И не хочу верить в свой страх.

Она была уверена, что я соглашусь петь за ее дочь. И была уверена в том, что деньги – это тот крест, на котором я легко соглашусь быть распятой. Но я не собираюсь вбивать гвозди в руки.

Я не собираюсь вбивать гвозди в свое сердце.

И в свою мечту.

Пошли вы, миссис Мунлайт. Вы просто очередная высокомерная сука.

Я откладываю гитару и перевешиваюсь через окно в густую тьму ночи. Я никогда не боялась темноты, зная, что ее легко победить, но сегодня мне кажется, что она таит в себе опасность – не зря погас фонарь.

Хочется написать сообщение Кристиану, но я сдерживаю себя. Не стоит. Я не должна навязываться.

Я оставляю гитару в покое, делаю себе крепкий кофе и перехожу на миди-клавиатуру, но результат все тот же. Ничего не выходит. Я не слышу музыку, а музыка не слышит меня. Все получается не так, как нужно. Возможно, у меня исчезло вдохновение, но я всегда верила в то, что вдохновение – лишь начальная форма мотивации, яркая, как росчерк молнии. Оно пропадает довольно быстро, и остается лишь два пути: бросать начатое, ожидая следующей вспышки, или с помощью трудолюбия и упрямства дойти до конца.

Я всегда шла по второму пути, не боясь трудностей и даже находя в них удовольствие, но сегодня мне хочется все бросить. Однако я упрямо пытаюсь переломить себя.

Под утро кое-что все-таки выходит. И я посылаю парням пару записей – просто сообщение с короткими прикрепленными аудиофайлами. Они поймут, в чем дело. Всегда понимают. Кому-то это покажется диким, но для нас это нормально – поделиться материалом друг с другом хоть ранним утром, хоть поздней ночью. У идей нет чувства времени. А вдохновение существует вне границ реальности.

Чет не отвечает, и у меня есть подозрение, что он зависает где-то со своей новой подружкой, от которой просто без ума. Кто она, я не знаю. Но когда Чет говорит о ней, его глаза загораются так ярко, а улыбка становится такой счастливой, что мне кажется – он не в себе. Я не представляла, что такой человек, как он, может *по-настоящему* влюбиться. Чет замечательный друг, крутой музыкант и, вполне допускаю, отличный любовник. Но вот бойфренд он не самый лучший – в отношениях Чет привык *брать*. Все и сразу. Выпивать залпом. Опустошать. Сможет ли он *отдавать*, я сомневаюсь. Но, глядя на его счастливое лицо, думаю, что она его научит этому. А еще я хочу с ней познакомиться, хотя Чет даже имени ее не упоминает.

Оливер отвечает первым. Он пишет: «*Вроде бы ничего, кое-что доделать, и будет норм. Я на работе, обсудим завтра*». Но я понимаю, что ему не сильно понравилось. А может быть, он просто устал и хочет спать, но ему приходится стоять за барной стойкой в клубе.

Нейтан, которого я, кажется, разбудила, открыто заявляет, что это «полная фигня». Я пытаюсь выяснить, что именно кажется ему фигней, а он звонит и говорит, то и дело зевая в трубку:

– Санни, чувак, ты ведь можешь лучше. Это какой-то романтический трип.

– Все так плохо? – хмурюсь я, глядя в открытое окно, из которого в комнату льется прохлада. Небо еще темно-сапфировое, но далеко на востоке загорается утомленный жемчужно-дымчатый рассвет с бледно-лиловыми всполохами. Я вижу его в расщелине между домами.

– Скорее, странно, – откликается друг. – Мне понравились кое-какие твои фирменные фишки, но, черт, тэппинг просто криворукий. И мелодический рисунок... странный. Игра неуверенная. Ты можешь лучше, – снова повторяет Нейтан и зевает.

– Могу лучше, – эхом откликаюсь я. – Сегодня ничего не получается.

– Ты спала сегодня? – спрашивает Нейтан. – Если нет – совету.

– Да, я посплю несколько часов перед работой. Еще немного посижу – хочу найти нормальное звучание.

– Такое бывает, – говорит вдруг он. – Что ничего не получается. Просто отложи все и выспись, Санни. Поняла?

– Поняла, – чуть улыбаюсь я.

Мы прощаемся. Я следуя его совету и иду в душ.

Перед тем как заснуть, я смотрю в окно, невольно думая о Крисе, о матери и дочери Мунлайт и почему-то о Лестерсе. Ночь тает, и звезды, с которыми я переглядывалась время от времени, меркнут.

«Кто ты и кто я. Давай обойдемся без рассуждений о гордости и прочей шелухе. Будем мыслить реалистичными категориями. Просто подумай: кто ты и кто я. Какие возможности есть у тебя и какие – у меня. И что смогу сделать я, если захочу отблагодарить тебя или, напротив, уничтожить».

Ночью мне снятся Мэг и Эш.

По хрустальной радуге, переброшенной между двумя обрывами, они идут ко мне, держась за руки. А я стою босыми ногами на влажной темно-изумрудной траве и радостно машу им. Моих щиколоток касается подол широкой ночной рубашки, которую треплет ветер – как и мои волосы, собранные в низкий хвост. Небо над нами бархатное, густо-синее, подернутое дымкой рваных облаков – оно отражается в радуге, в которую бьют солнечные лучи. Но стоит опустить взгляд, и становятся видны дымные тени бездны, разверзшейся между обрывами. Они выются в воздухе, стараясь дотянуться до радуги, но ничего не получается.

Мы улыбаемся и кричим что-то друг другу – но что, я не знаю, потому что в моем сне нет звука. В нем властвует тишина. И я ничего не слышу: ни голосов, ни шума ветра, ни того, как на хрустальной радуге появляются трещины. Они бегут от противоположного края обрыва

следом за Мэг и Эшем, и те слишком поздно понимают, что сейчас случится. Замирают. И летят вниз – в одно мгновение.

Радуга рушится. Тени бездны радостно подхватывают сверкающие осколки.

Я падаю на колени, от бессилия хватая пальцами влажную траву.

Мою вязкую тишину пререзает страшный крик. И я просыпаюсь – распахиваю глаза и резко сажусь в кровати.

Сердце бешено стучит, дыхание сбито, на лбу – капли холодного пота. Я массирую ноющие виски, пытаюсь прийти в себя. Все, что я помню – это ощущение тишины, которую пронзает чей-то крик.

За окном ярко светит солнце – уже день. Я хватаю мобильник – до работы еще несколько часов, и я могу спокойно спать дальше, но не могу. Неприятное ощущение не покидает меня, и на сердце становится тяжело. Предчувствие ли это? Я не знаю. Знаю лишь то, что я должна довести до ума вчерашнюю песню. Песню для Криса.

Я встаю и иду на кухню – губы пересохли, и хочется пить. Однако едва я делаю несколько глотков кокосовой воды, как возвращается Лилит. Я слышу, как она открывает дверь и садится на пуфик рядом со шкафом. Почему-то она не проходит в гостиную, а остается на месте. Я иду к ней, не понимая, почему она осталась в прихожей. Всю эту ночь она провела вместе с Октавием, и что там у них случилось, я понятия не имею. Подруга просто написала сообщение, что переночует у него.

Лилит смотрит куда-то вниз, опустив длинные ресницы и сложив руки крест-накрест на коленях. Взгляд у нее отсутствующий. Обычно гладкие и тщательно вытянутые волосы слегка взлохмачены. А на губах – чуть припухших – играет странная полуулыбка.

– Эй, – спрашиваю я ее. – Ты в порядке?

Лилит поднимает на меня блестящие глаза и неожиданно ухмыляется.

– Более чем, – говорит она.

– Ты выглядишь странной, но довольной, – замечаю я.

Она улыбается шире.

– Ты пила? – спрашиваю я, с интересом ее разглядывая. С ней что-то не то, но что, я понятия не имею. – Или...

– Или... – кивает она и коротко смеется

– Вообще-то, я имею в виду травку, – с усмешкой говорю я.

– Это лучше травки, – машет она головой.

Я приподнимаю бровь.

– В смысле?.. Ты что...

– Мы провели потрясающую ночь, – перебивает меня Лилит и вдруг зажимает чуть припухшие губы ладонью, стараясь спрятать довольную и одновременно смущенную улыбку.

– С кем? С Октавием? – озадаченно уточняю я.

Она кивает. Ее бледные щеки наливаются розовым румянцем.

– Серьезно?!

– Да-а-а. Он потрясающий. Дева Мария, – молитвенно складывает Лилит ладони у груди.

А я вижу на ее шее красное пятно. Брови у меня приподнимаются сами собой.

Подруга ловит мой взгляд и понимает, на что я смотрю.

– Мне так стыдно. Но так хорошо... Наверное, я пошлая, – смущенно хихикает она, прикрывая шею.

– Не знаю, что сказать, – озадаченно улыбаюсь я. – Ты меня... удивила, подруга. Но, главное, чтобы тебе это нравилось.

Я действительно не знаю, что сказать. Вообще-то я не сторонник случайных связей, хотя, если вспомнить то, что было между мной и Лестерсом, можно подумать обратное. Но я и не

ханжа – если Лилит решила для себя, что ей это надо, значит, это правильно. Да и трудно, наверное, отказать такому мужчине, как Октавий.

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что для него провести ночь с фанаткой – бывшей или настоящей – обычное дело. А вот для подружки такая связь может обернуться трагедией.

– О, еще как понравилось, – сообщает Лилит, и в ее темных глазах загораются искры. – Ты не представляешь, какой он.

– Сладкий? – со смехом спрашиваю я.

– О-о-очень сладкий, – сообщает Лилит и зачем-то хлопает себя по щекам. – А я теперь – его девушка.

– В смысле? – ничего не понимаю я.

В это время дверь открывается, и на пороге появляется Кирстен. Вчера вечером она уехала к Эми, чтобы помириться, и в итоге осталась у нее ночевать. Правда, выглядит она сонно и с порога громко объявляет:

– Мы всю ночь играли в покер! Этот чертов Маршалл постоянно всех обставлял! Я лишилась почти всей налички!

– Какой Маршалл? – не понимаю я.

– Сосед Эми. У нее была небольшая тусовка. Зато мы с ней помирились, и она обещала извиниться перед вами сегодня... Ой, а ты тоже не ночевала дома? – удивленно спрашивает Кирстен у Лилит.

– Тоже, – хмыкает она. – И ты не поверишь, что со мной было.

– Что?! – весьма озадачивается Кирстен. Она ужасно любопытна. – Ну, говори! Говори-говори-говори!

Лилит как-то внезапно оживляется и тащит нас в гостиную. Мы с Кирстен сидим на диване, обняв подушки и попивая горячий кофе, а Лилит в лицах рассказывает о том, что произошло с ней вчера. О том, как они скрывались от папарацци, о том, какое предложение сделал ей Октавий, о том, как прошел вечер у Элинон Фелпс... Стоит ей только упомянуть мою любимую певицу, как у меня подскакивает пульс.

– Ты ее видела?! Ты общалась с самой Элинон?! – кричу я. Она для меня – звезда на музыкальном небосводе, и тот факт, что подружка вот так запросто общалась с ней, приводит меня в дикий восторг.

– Да, – кивает Лилит с блаженной улыбкой. – Знаешь, какая она клеевая?!

Она рассказывает о квартире Элинон, о ее гостях, о ней самой, и я расплываюсь лужицей от внутреннего упоения. Это отвлекает меня от всех дурных мыслей, от ненужных размышлений и тяжелого предчувствия. Мы улыбаемся, слушая Лилит, смеемся, когда она мимоходом шутит, пихаем друг друга локтями, когда речь заходит об Октавии. Кирстен пытается узнать подробности прошлой ночи, но Лилит, хоть и не хочет показывать этого, смущается.

– Расскажи, куда он тебя целовал! – требует Кирстен. – Где еще у тебя засосы?!

– Отстань! – кидает в нее подушкой Лилит. – Какая тебе разница?!

– Я хочу знать все! Все-все-все!

– Это тайна! – задирает носик Лилит. – И, вообще, это все – тайна. Никому не рассказывайте об этом, я вас умоляю! Иначе у меня будут неприятности.

– Все в порядке, – кладет ей на плечо руку Кирстен. – Лучше расскажи, сколько раз...

Лилит зажимает ей рот ладонью. Они в шутку начинают биться подушками, стоя на коленях прямо на диване, и это выглядит очень комично. Я сижу чуть в стороне – мои щеки уже побаливают от смеха и улыбок. В какой-то момент я понимаю, как сильно люблю Лилит и Кирстен и как дорожу ими. Пусть мне не повезло с матерью, но мне повезло с друзьями. Девчонки и парни из группы дороги так, будто они мои сестры и братья.

Бой подушками заканчивается ничьей.

– Что с тобой, Санни? – спрашивает запыхавшаяся Кирстен, приземляясь рядом и обнимая меня.

– Все хорошо, – отвечаю я.

С другой стороны садится Лилит и кладет голову мне на плечо.

Брюнетка, блондинка и рыжая – хорошая компания.

– Ты грустная, Ховард, – заявляет подруга.

– Тебе кажется. – Я кладу руки им на плечи. – Я всего-навсего устала.

– Санни просто завидует тебе – у нее не было такой бурной ночи! – хохочет Кирстен.

– Вот оно что? Эй, не грусти, подружка, – хихикает Лилит. – Давай попросим Чета, чтобы он тебе помог. Он ведь горя-а-чий парень. Про него в Хартли скоро начнут ходить легенды.

Я морщусь. Чета я всегда воспринимала как брата. И, кажется, это взаимно.

– Я же говорила вам – у него появилась подружка.

– Вот это новость, – хмыкает Лилит, не поднимая голову с моего плеча. – У него каждую неделю появляется подружка, а то и две.

– А в эту он, похоже, влюблен, – говорю я.

– Да ну, – не верит Кирстен. – Чет и любовь – это антонимы.

– Вся его любовь – ниже пояса, – подхватывает Лилит.

– Не знаю, что с ним происходит, – отвечаю я задумчиво, – но от своей последней девушки он просто без ума.

– Мне кажется, быть без ума – это его обычное состояние, – заявляет Кирстен.

– Просто он отшил тебя в свое время, и ты его терпеть не можешь, – смеется Лилит. Кирстен снова кидает в нее подушкой.

– Это все Санни виновата! – возмущается она. – Сказала ему, чтобы он не смел на нас смотреть. А я ему нравилась.

– Ну конечно! – Лилит ловко кидает подушку обратно и попадает прямо Кирстен по голове. Та возмущенно целится в Лилит, но подушка летит прямо мне в лицо. Я вскакиваю.

– Хотите войны? – задорно спрашиваю я, сдувая выбившуюся прядь с лица. – Тогда держитесь!

Мы устраиваем новый бой, а потом весело болтаем еще час. А затем я смотрю на время и понимаю, что уже опаздываю на работу в кафе – моя смена скоро начнется. Я бегу в душ, привожу себя в порядок и, закинув на плечо рюкзак, убегаю. Девчонки провожают меня и идут смотреть кино.

На работе я обычно отключаюсь от всех мыслей и просто механически делаю то, что нужно. Но сегодня этого не получается. В голову вновь лезут слова Эммы Мунлайт – сколько ни отгоняй, они все равно остаются со мной. Чтобы отрешиться от них, я пытаюсь думать о том, как поработать с песней для Криса. Выходит плохо.

В этот день я разбиваю кружку с кофе – поднос летит у меня из рук прямо в зале, и все посетители тотчас поворачиваются ко мне. Я извиняюсь и собираю осколки, и почему-то в голову приходит мысль, что жизнь – как посуда. Одно неверное движение, и она, упав, разлетится на части.

Я всегда считала себя бесстрашной, но понимаю, что боюсь разбиться. Боюсь потерять себя, став осколком.

Глупости. Не стоит думать об этом.

В конце смены мне прилетает сообщение от Чета, который говорит, что не сможет сегодня быть на репетиции, а следом пишет Оливер – он отравился и, похоже, тоже не сможет играть. Я и Нейтан не очень довольны, но смиряемся с положением дел. Репетировать будем завтра.

Ужасно хочется спать – то ли из-за того, что я проспала сегодня лишь несколько часов, то ли из-за серой дождливой погоды. Еще утром светило солнце, но уже в обед оно скрылось за

пеленой пепельных облаков, затянувших небо плотным туманным полотном от одного края до другого. Сейчас кажется, на этом небе нет ни единого просвета, ни одной лазейки для лучей. Цвета померкли, побледнели, словно разбавленная акварель, улицы наполнила влажная прохлада, рваными порывами подул ветер. Чудится, что вот-вот заморосит дождь.

Лета нет – на землю незримо опустилась осень, накинув на лица кружево меланхолии. Ощущение ее присутствия прочно впитывается в сознание и не отпускает. Дыхание осени сложно спутать с чем-либо еще, и мне не по себе – так, как бывает не по себе на темной безлюдной дороге, когда возвращаешься домой, то и дело оборачиваясь на каждый шорох.

Я иду к метро, растворяясь в огромной толпе спешащих куда-то людей. Немного прохладно в тонкой темно-фиолетовой футболке. И ощущение осени заставляет меня хмуриться – я дитя лета. Обычно по пути домой я погружаюсь в музыку, но сегодня в спешке я забыла наушники, поэтому слушаю индустриальные звуки мегаполиса. Шум моторов и визг колес, звонки телефонов и писк входящих сообщений, стук сотен каблучков и шуршание тысяч подошв. Шорохи, скрипы, механические голоса. Все сливается воедино, превращается в настоящую мешанину.

Голоса современных городов – неживые. И это немного пугает: почему неживое вытеснило живое? Разве это правильно?

Голосом моего родного города был шум моря. Иногда, просыпаясь в Нью-Корвене, я до сих пор хочу подойти к окну, распахнуть его, увидеть море и почувствовать его соленый запах – как раньше. А потом спуститься вниз на завтрак, который уже приготовила бабушка, и вступить в веселую перепалку с дедом, неизменно читающим газету за столом.

Но понимаю, что все это осталось в далеком прошлом. В моем детстве. В моем сердце.

Я не часто грущу, но *эти* две раны могут лишь зарости, но не исчезнуть.

В какой-то миг я понимаю, что со мной что-то не так. И останавливаюсь – в меня едва не режется какой-то парень и бормочет ругательства под нос.

Я спрашиваю саму себя, все ли со мной в порядке?

«Санни Ховард, у тебя нет повода отчаиваться», – говорю я себе и иду в круглосуточную закусочную. Купив хот-дог с сырным соусом, я сажусь за свободный столик – их тут всего несколько – прямо напротив окна. Ем и смотрю на улицу. Нью-Корвен, как и всегда, борется с опустившейся на него тьмой – пытается прогнать ее яркими огнями, которые светят отовсюду: с витрин, вывесок, рекламных щитов, окон. Но тьме все равно, она стучается над городом, медленно и бережно опуская на своих ладонях розовую луну. Город никогда не сможет победить тьму, понимаю я, зная, что голос тьмы – это молчание.

Совершенно неожиданно звонит телефон – именно в тот момент, когда мой рот набит. Звонит Кристиан, и я, прежде чем ответить на звонок, быстро-быстро жую.

– Да, – спешно говорю я наконец.

– Я уже думал, ты не ответишь, – раздается веселый голос Криса. – Как дела?

– Неплохо, – осторожно отвечаю я. – А у тебя?

– Отлично. Слушай, Санни, ты не могла бы помочь мне?

– Без проблем, – говорю я. – Что нужно сделать?

– Мне нравится, что ты соглашаешься помочь мне, даже не зная, что именно я попрошу, – веселится Крис.

– Если ты попросишь меня помочь тебе избавиться от трупа, я сообщу в полицию, – сообщаю я ему. Он смеется. Мне нравится его мальчишеский смех. Не то что ржание Лестерса, изредка похожее на икоту.

– Все не так плохо, – говорит Крис. – Я хочу купить новую квартиру. И мне нужно выбрать ее.

– Это здорово, но в чем может состоять моя помощь? – честно спрашиваю я. – У меня нет опыта в столь впечатляющих покупках.

– Нужно, чтобы кто-то составил мне компанию завтра, когда я буду смотреть квартиру, – отвечает он. – Я примерно знаю, что хочу, но одному мне скучно. Составишь компанию?

– Без проблем. Завтра у меня выходной, и днем я свободна.

Раньше частенько бывало, что я не брала выходные на подработках – не хватало денег, однако сейчас у меня в наличии есть неплохая сумма, которую заплатила мне миссис Мунлайт. С одной стороны, меня так и подмывает выбросить эти деньги, но с другой... Я понимаю, что деньги – это способ выжить. Без них Нью-Корвен проглотит меня. Я не в том положении, чтобы кидаться деньгами. В конце концов, я честно заработала их.

Все равно эта мысль то и дело обжигает меня изнутри – не сильно, но достаточно ощутимо, чтобы я вновь и вновь вспоминала о гордости.

– А вечером свободна?

– Вечером – репетиция.

– Можно как-нибудь попасть на нее? – вдруг задает Кристиан неожиданный вопрос.

– Думаю, да. Спрошу у парней, – отвечаю я.

Мне приятно его слышать и приятно его внимание, но я не понимаю Криса. То он молчит и не пишет даже, то вдруг зовет куда-то и хочет попасть на репетицию. То приближает, то отдаляет. Мне не по душе эти игры.

– Спроси. Я никогда не был на репетиции рок-группы.

В его голосе – энтузиазм.

– Если ты думаешь, что это шоу, вынуждена огорчить тебя, Крис, – я вывожу по салфетке узоры. – Мы репетируем, а не веселимся. Без наркотиков, секса и...

– Все ясно, – перебивает меня Крис все так же весело. – Только рок-н-ролл!

– Только он, – соглашаюсь я.

– Здорово. Это реально здорово, – в его голосе я слышу нотки восхищения. – Иногда я думаю о тебе и понимаю – ты нереальная девчонка, Санни. Спой для меня однажды? – вдруг просит он.

– Может быть, – чуть улыбаюсь я – стало немного теплее.

– Ловлю на слове. Во сколько мне завтра заехать за тобой? – спрашивает он.

Мы договариваемся на одиннадцать, болтаем еще немного и прощаемся. Я готова уже отключиться, но Крис вдруг говорит:

– Что с тобой?

Я немного теряюсь.

– Что ты имеешь в виду? – уточняю я, выходя из закуской и неспешно идя по тротуару. Прямо передо мной высится медиафасад небоскреба. Показывают новости, в которых – словно назло! – говорится о недавнем конкурсе «Твой рок». Я вижу продюсера Макса Уолтера и группу из трех парней и девушки, которая стала победителем конкурса. Девушка кажется мне знакомой – точно, мы встречались на последнем туре.

Несмотря ни на что, я рада за нее. Вероятно, она достойней.

Они достойней.

Но это не значит, что мы сдадимся. *Нет.*

– Чувствую, что что-то не так, – выдает в это время Кристиан. – Ты не такая, как всегда.

– Вроде бы такая, – устало отзываюсь я, поворачивая вправо и переходя дорогу. Медиафасад я больше не вижу.

– Где ты сейчас находишься? – спрашивает внезапно Крис.

– Рядом с метро. Добираюсь домой после работы.

– Какая станция? – не отстает он.

– Какая разница? – сдуваю я прядь волос, выбившихся из высокого хвоста.

– Я приеду к тебе и отвезу домой, – выдает Крис.

– Тебе нечего делать? – спрашиваю я с недоумением.

– Может, и так. Скажи, какая станция. И я приеду к тебе. – В его голосе я слышу уверенность. Крис из тех людей, которые настаивают на своем до последнего. Мне нравится это и не нравится одновременно.

– Санни, – его голос становится жестче, – какая станция?

Наверное, это было лишним, но желание встретиться с ним пересиливает доводы рассудка. И я отвечаю на его вопрос.

– Подожди меня полчаса, – говорит Крис. Судя по звукам, он спускается по лестнице. – Я приеду.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Я буду ждать тебя в сквере рядом с метро. Слева от него.

– Окей. Жди.

Он отключается, а я бреду к скверу – он небольшой, квадратный и являет собой единственный зеленый островок в округе. Тут стоят лавочки с коваными спинками, растут отцветшие весной кустарники, за которыми кто-то аккуратно ухаживает, и всюду гуляют люди, несмотря на очень позднее время. Чем нравятся мне центральные районы Нью-Корвена, так это тем, что жизнь здесь кипит круглосуточно и нет никакого деления на ночь и день.

Прохладно. Ветер то поднимается, то вдруг затихает и прячется, как игривая кошка. Я сижу и жду Криса, поглядывая на телефон. Время тянется медленно, как горячая карамель. В какой-то момент я встаю и начинаю прыгать на месте, чтобы согреться – помогает.

Полчаса прошли. Криса все еще нет. Я распускаю волосы – так теплее, и говорю себе, что еще пять минут, и уйду. Метро – круглосуточное, поэтому добраться до дома самой будет несложно.

Пять минут проходит, а его все нет. Я звоню Крису, но он не берет трубку. Ждать еще? Думаю, не стоит. Я резко встаю с лавочки и все-таки ухожу. Пересекаю сквер, и прямо передо мной неожиданно тормозит черный мотоцикл, которым управляет какой-то тип в кожаной куртке и в шлеме с зеркальным визором. Байкер поднимает лицевую часть шлема вверх и улыбается мне. Это Кристиан.

– Эй, Санни! – говорит он мне. – Садись назад.

И протягивает второй шлем – точную копию.

Я беру его в руки – увесистый, а Крис слезает с мотоцикла, снимает перчатку и проверяет, правильно ли я надела его. Он поднимает визор и смотрит мне прямо в глаза. Его глаза – цвета молочного шоколада, и в них есть озорные чертинки. Мы слишком близко стоим друг к другу. Наши лица ярко освещены светом фонаря рядом.

– Прости, что опоздал, Санни. Дороги этого города даже в это время перегружены, – жизнерадостно говорит Крис, и мое внимание почему-то устремляется на тонкий шрам на его подбородке. Еще пару часов назад я и не мечтала, что мы встретимся.

– Главное, что ты успел, – отвечаю я.

– Ты замерзла, – замечает он и касается моего предплечья ладонью – она горячая.

– Немного.

– Тогда надевай, – снимает он куртку и накидывает мне на плечи.

Наверное, это... слишком.

– Нет, не надо, – резко отказываюсь я.

– Говорю же – надевай, – хмурится он. Странно. Крис говорил, что со мной что-то не так, но ведь и с ним... тоже.

– Нет. Эй, зачем ты уходишь в эту глупую романтику, – дружески хлопаю я его по плечу. Что-то останавливает меня от такого поспешного сближения с ним. И – опять не вовремя! – вспоминается Лестерс, лицо которого перекошено от очередного приступа злости.

– А это не романтика, дурочка, – ухмыляется Крис. – Знаешь, как холодно гонять на байке даже летом? К тому же сегодня прохладно. Надевай, или заболеешь.

– Ты такой заботливый, – отвечаю я и все-таки надеваю кожаную куртку Криса. Она все еще хранит тепло его тела, и это... уютно. А еще от куртки едва уловимо пахнет табаком и весенним свежим морем, волны которого нагреты на солнце. Мне нравится этот мужской приятный запах. И нравится, что кожаная куртка защищает меня от прохлады. Но...

– Но тебе будет холодно, – говорю я.

– Я очень горячий парень, – отвечает он с усмешкой и кладет мою руку себе на грудь – она и правда очень горячая. Я слышу, как ровно стучит его сердце.

– Садись, Санни, и крепко держись за меня. Не отпускай, – заявляет Крис, опускает лицевую часть шлема и садится на мотоцикл. Я устраиваюсь сзади. В Нью-Корвене мне еще ни разу не довелось покататься на мотоциклах – только дома. И я порядком соскучилась по этому ощущению, когда ветер по телу и по венам разливается чувство свободы. Хотя там парни гоняли по пустынным загородным дорогам, а в Нью-Корвене что ни дорога – то пробка или затор.

Однако все оказывается не так уж и плохо. Мы едем по дорогам, то ускоряясь, то замедляясь, то объезжая машины, и я чувствую что-то вроде восторга, крепко держась за пояс Криса и пытаюсь согреть его своим телом – хоть немного. Наша полуночная поездка прекрасна, и я боюсь того, что это быстро кончится.

Я чувствую себя стрелой, выпущенной из лука, и ловлю кайф от того, что происходит. Однако я не совсем понимаю, почему Крис выбирает такой путь до моего дома – он направляется не к Южному Карлтону, а куда-то на северо-запад. А потом и вовсе тормозит на берегу реки, через которую перекинут дугообразный мост, ярко освещенный в ночи. Огни моста причудливо вытягиваются в темной воде, от которой идет холод.

– Почему мы приехали сюда? – спрашиваю я с недоумением, слезая следом за Крисом с мотоцикла. Тут довольно темно – фонари слишком далеко – и пустынно. Не самое романтическое местечко в городе.

– Иногда я приезжаю сюда подумать, – отвечает Крис, глядя на реку, в которой неожиданно отражается кусок луны – она все-таки смогла пробиться через пелену облаков. – Тут никогда никого не бывает. Ну, разве что бродяги, – ухмыляется он. – Но они держатся поближе к мосту. Тебе тут нравится?

– Не знаю, – осторожно отвечаю я, плотнее запахивая на себе куртку Криса, которая на несколько размеров больше, чем нужно. – Надо подумать. На море мне нравилось куда больше, – неожиданно говорю я, вспоминая его запах и шум волн.

– Хочешь, мы поедem туда? Прямо сейчас? – ошарашивает меня Крис и берет за руку, не снимая перчатки. Он забавно смотрится – полная экипировка байкера за исключением куртки. Куртка – на мне.

– А мы сможем это сделать? – спрашиваю я, думая, что он шутит.

– Я позвоню и скажу, чтобы готовили самолет, – еще больше огорошивает меня Кристиан и лезет в карман штанов за телефоном. Кажется, он серьезен.

– Что? Эй, не надо, – останавливаю я его. – Ты с ума сошел?

– Нет, – пожимает он плечами и с недоумением смотрит на меня: – Разве ты не хочешь на море, Санни? Рассвет мы можем встретить там.

– Лечись, приятель, – мрачно советую ему я. – Во-первых, я ясно сказала тебе – завтра у меня репетиция, а во-вторых... Это просто бред! – ничего не могу придумать я.

Он смеется.

– Ты бываешь такой странной, Санни.

Я закатываю глаза.

Река играет огнями, и луна искрится во тьме воды.

– Но мне это нравится, – продолжает Кристиан, глядя на нее.

– Нет, странный – это ты, – отвечаю я. – Хотя... Наверное, это просто разница в том, кто *ты* и кто *я*.

Я вспоминаю слова Дастина.

– Мы оба люди, – хмурится Крис. – Разве нет?

– Да. Но *разные* люди, – я склоняю голову, и волосы падают на шею. – Из разных слоев общества.

– Ты действительно считаешь это преградой? – изумляется он. Кажется, это искренне.

– А ты – не считаешь? Крис, ты можешь позволить себе махнуть на побережье или вовсе в другую страну, не думая ни о чем. А я – нет. Ты чувствуешь эту разницу? Для меня это непозволительная роскошь. Я должна оплачивать учебу, жилье, должна на что-то покупать еду, одежду, оплачивать счета...

– Да, я бездельник, которому нечем заняться, – вдруг сердится он. – Мне каждый сказал об этом. И ты тоже.

– Я не говорила этого, – тяжело выдыхаю я. Наш разговор вдруг пошел куда-то не туда. – Я говорю лишь о том, что не странная. Таких, как я, большинство. Таких, как ты, которые могут позволить себе многое, – мало. Понимаешь? Понимаешь, Крис? Мы – из разных Вселенных. Я не странная.

– Понимаю. Меня раздражает все на свете, – признается вдруг Крис. – Прости, Санни. Я хотел немного развеселить тебя и, по ходу, провалил задание.

– Все в порядке, – отвечаю я.

– Что у тебя случилось? – снова спрашивает он, резко переводя разговор на другую тему.

Я не могу рассказать ему правду. Хоть и очень хочу сделать это.

– Я перешла дорогу человеку, у которого есть власть и деньги, – всего лишь говорю я сухо. – Кому-то вроде твоего отца.

Крис поднимает грифельную бровь.

– Как умудрилась?

– Не согласилась на предложение.

– Всего-то?

Я неопределенно пожимаю плечами. *Всего-то.*

– Если у тебя будут проблемы, я помогу, – говорит Кристиан. – Поняла? Я хоть и бездельник, но... Но отец всегда мне поможет. Да и связи у меня есть. Поняла, Санни? – повторяет он, кладя ладони на мои плечи.

– Поняла, – улыбаюсь я. – Спасибо. А что с тобой?

– Что со мной?

– Ты ведь тоже странный. Мне кажется, что внутри тебя – целый огненный шар, который ты не можешь выпустить. И он сжигает тебя изнутри.

Кристиан внимательно на меня смотрит.

– Интересная метафора, – говорит он медленно. – Может, и так. Знаешь, есть очень важный человек. Почему важный, я и сам не знаю... Но он меня ненавидит.

– За что? – изумляясь, спрашиваю я, сразу понимая, что речь идет о девушке.

– За то, что я – это я. Я ему противен. Забавно, да? – хмыкает он. – Я старался быть хорошим. Серьезно, я старался. А теперь чувствую себя брошенной девчонкой, которой попользовались и выгнали утром из номера, предложив несколько сотен баксов.

– Интересное сравнение.

Мне не нравится слушать, что у Криса есть кто-то *особенный*. Мне самой хочется быть для него особенной, но что я могу поделать?

– Серьезно, мне кажется, что мною попользовались и выбросили. Отвратительно ощущение, – закуривает он. Дым призраком летит вверх и растворяется во мраке.

– Будешь? – спохватывается Крис и предлагает закурить и мне. Я отказываюсь.

– Если будет попадать на тебя, скажи, – добавляет Крис, имея в виду дым. Он курит так, чтобы я не вдыхала терпкий запах табака. Мне все равно.

– Ты делал так с другими? – спрашиваю я, зная ответ.

– Может быть, – пожимает он широкими плечами. – Но я старался... Как это сказать... Откупаться. Если я проводил с кем-то ночь, я дарил подарки. Девчонки всегда были в восторге. А мне нравилось чувствовать себя щедрым. Это забавно.

– То есть ты спал с кем-то, а потом благодарил подарками? – спрашиваю я.

– Это было неосознанно. Просто мне хотелось сделать приятное в ответ. Глупо, да? – он стряхивает пепел вниз, на сырую землю. – И желание позвать тебя на море тоже было продиктовано тем, что я хотел поблагодарить. Для меня устроить это легче легкого. А тебе – приятно. Правда ведь, рыжая мисс?

– У нас ничего не было, – усмехаюсь я. Жалею ли я? Не знаю.

– Это странно, но мне хватает, что ты просто рядом, – говорит он и тушит сигарету. А потом обнимает меня и просто прижимает к себе. Я теряюсь на мгновение, но обнимаю его в ответ, касаясь щекой его груди.

Никаких попыток поцеловаться, ничего лишнего. Просто объятия.

А потом мы просто кричим в ночи – кто громче. Кричим для того, чтобы освободиться от гнетущих эмоций.

И зажечь внутреннее солнце.

Это весело. Я надеюсь, что оставлю на этом берегу гнетущее меня предчувствие. А Крис – ощущение своей бесполезности и бессилия.

Только потом мы едем домой. Я не знаю, что мне думать о Кресе, но знаю, что он – хороший человек. Странно ли это? Я тоже не знаю. Я просто хочу спать.

Кристиан привозит меня к дому и, прежде чем мы прощаемся, берет за руку, заставляя едва заметно вздрогнуть – только он не замечает.

– Спасибо, – говорит Крис, глядя мне в глаза. – Сегодня эта встреча была важнее для меня, чем для тебя.

Я тихо смеюсь. И вовремя спохватываюсь, что не отдала ему кожаную куртку – она мне нравится: теплая и просторная.

– До завтра, – говорит Крис, салютует мне и уезжает в ночь. А я иду домой, ловя себя на мысли, что мне бы хотелось получить от него прощальный поцелуй. Почему? Я и сама не знаю. Мне хочется нежности и понимания. Горячих ладоней на спине и прикосновений губ к прохладной коже лица. Я не знаю, чего хочу больше – любви, романтики или ощущения того, что кому-то нужна.

Честно говоря, я думала, что Кирстен и Лилит уже спят, и то, что в квартире горит свет для меня полная неожиданность. Уже в прихожей я слышу голоса – много голосов – в том числе и мужских, уже знакомых. А когда захожу в гостиную, вижу целую толпу.

В одном кресле, закинув ногу на подлокотник, развалился Чет, у которого ухмылка от уха до уха. Второе кресло занято... Октавием, рядом с которым вьется, как бабочка вокруг лампы, Лилит. На диване расположились Хью и Уилл, в руках которых куча каких-то бумаг, и мужчина в строгом костюме и с умным лицом. А на подоконнике, как на троне, восседает Лестерс, с которым делает селфи довольная-предовольная Кирстен.

У меня от удивления немеют кончики пальцев.

Это что еще такое?..

Первым меня замечает сидящий ближе всех к дверям Чет.

– О! – говорит он нарочито громко. – Моя любовь пришла! Ласточка, а у нас гости.

Все замолкают и смотрят на меня.

– Какая я тебе ласточка? – с тихой насмешкой говорю я Чет. А потом спохватываюсь и объявляю на всю гостиную: – Добрый вечер!

Со мной недружно здороваются. Хью, Уилл и незнакомец возвращаются к бумагам. Лилит заговаривает зубы Октавию. И только Лестерс хорошо поставленным голосом театрально обращается к Чету – они как раз сидят напротив друг друга:

– А я ведь говорил тебе, дружище, что твоя подруга тебе изменяет. Опять ее привез какой-то незнакомый тип на байке.

Наверное, он видел нас с Крисом в окно. Только свой шлем Кристиан так и не снял. Мне становится смешно.

– Да ничего, – лениво отмахивается Чет, – у нас свободные отношения. Пусть развлекается. Я же знаю, что она вернется ко мне.

Дастин недовольно поджимает губы. А я грозно смотрю на Чета – что он несет? Друг лишь игриво подмигивает мне.

– Я так скучал, моя хорошая, – ласково говорит он. – Обнимемся?

– Что происходит? – повторяю я, сдвигая брови к переносице.

– Нужно подписать договор о неразглашении сведений, – отрывается от документов

Хью. – Мы почти закончили.

И снова отворачивается.

Что? Seriously?

Возможно, у меня такой недоумевающий взгляд, что Лестерс вставляет со своего подоконника как бы между прочим:

– Знаменитостям постоянно приходится заботиться о своей безопасности.

– Вынужденная мера, – вальяжно добавляет Октавий. Лилит тут же начинает мелко кивать. У меня такое чувство, что она сейчас его съест. Ну, или начнет облизывать, как кошка-мама своего котенка. Впрочем, у Кирстен вид не лучше – кажется, она очень довольна селфи с известным актером.

– Согласен, – откликается Лестерс. – Издержки профессии.

– Точно, – немедленно соглашается Октавий.

У меня такое чувство, что эти двое неплохо поладили. И когда только успели?

– Если вы так радуетесь о безопасности, – сухо говорю я, – могли бы просто прислать к нам юриста. И мы бы все подписали.

– Мы решили проконтролировать процесс, – отозвался с ноткой легкого раздражения Лестерс.

– Да, именно, – смахивает челку Октавий. Все-таки он слишком хорошенький для брутальной рок-стар.

– А хочешь чаю? – продолжает виться вокруг него Лилит. – А кофе? А хочешь, я сделаю булочки с корицей?

В какой-то момент Октавий просто берет ее за руку и усаживает к себе на колени – теперь кажется, будто хозяин держит ласковую надоедливую кошку, небрежно прижав к себе, чтобы не мешала и не лезла под ноги. Лилит не теряет, устраивается поудобнее, льнет спиной к его груди и откидывая назад голову. Я даже замечаю, как она прикрывает глаза, и меня это немного пугает. Нельзя влюбляться в этого человека.

Чет лениво встает со своего места и так же лениво обнимает меня. Кирстен хихикает.

– Как дела, дорогая? – спрашивает он сверхзаботливо. – Как прошел день? Кто подвез тебя домой?

– Мой второй парень, кто же еще, – не без тени раздражения отвечаю я. Я слишком устала, чтобы оценить игру Чета. Ведь он явно придурился.

– Надеюсь, меня ты любишь больше, чем его? – делает вид, что дует, Чет.

Я смахиваю с его плеча невидимую пылинку.

– Разумеется, дорогой.

Лестерс смотрит на нас, как на идиотов, и едва заметно качает головой. Кажется, мы ему не слишком нравимся. А мне не нравится он. Нет, иногда он бывает... нормальным – да, я вынуждена это признать. Но большую часть времени...

– Друзья, – громко говорю я, вставая ровно в центр гостиной. – Еще раз – я не совсем понимаю, что происходит. Но мне бы очень хотелось разобраться. Меня это напрягает – я возвращаюсь домой и вижу какой-то балаган. Словно и не к себе пришла.

Дастин спрыгивает с подоконника и идет ко мне. За его спиной Кирстен делает мне какие-то знаки. Кажется, она под большим впечатлением.

– Мы с ним, – кивает Дастин на Октавия, – не хотим, чтобы чей-то длинный язычок разболтал что-нибудь о нас широкой общественности. Только и всего.

– Да-да, пару минут, сейчас нужно будет всего лишь подписать кое-какие документы, – снова оборачивается на мгновение Хью.

– Мы ничего не разболтаем, – отвечаю я Дастину раздраженно. – Можно подумать, мы – информаторы для твоих любимых папарацци.

– Особенно если вспомнить те фотографии, – ехидничает он. – Конечно, это не вы.

– Не мы. Я подпишу твои чертовы бумаги, и убирайся. – Почему-то я начинаю злиться.

– Да без проблем, – кривит он губы в улыбке. – Или, ты думаешь, мне нравится тратить время на такие глупости? Иди лучше к своему парню, он скучает.

– Он мне...

Договорить я не успеваю – появляется Чет и снова пытается обнять меня, изображая пылкого возлюбленного.

– Милая, иди же ко мне, – шепчет друг. Он настолько плохо играет, что я удивляюсь, как опытный актер Лестерс поверил в это. Неужели не заметил фальши?

– Чет, хватит, – прошу я.

– Я так скучал... – Дует он мне в ухо. Ужасно щекотно.

– Перестань, – пихаю я его в бок.

– Почему ты такая злая? У тебя есть ген ведьмы? – спрашивает Чет, явно пытаюсь не захохотать.

– Твой парень говорит дело, – замечает Лестерс, который внимательно за нами наблюдает.

– Включай мозги, – ласково предлагаю ему я. – Это полезно и не больно.

– Что ты сказала? – теперь начинает злиться Дастин.

– Что слышал. С какого перепуга ты решил, что Чет – мой парень? Мы друзья.

– Ты уже отправила меня во френдзону? – ненатурально ужасается Чет. – Ласточка, как же так? Мне больно. – Он демонстративно хватается за сердца.

– Перестань над ним издеваться, – велю я ему. – Ты же видишь, что он не в себе.

– Кто? Я? – тут же возмущается Лестерс. – Я в себе, да еще как!

– Вы можете поставить свои подписи, – сообщают нам в это время.

Я, Кирстен и Лилит садимся на диван и внимательно читаем договор. Лилит заканчивает первой и говорит, что все нормально. Она ставит подпись и уходит в свою комнату вместе с Октавием – хочет ему что-то показать. А я назло долго сижу над договором, потому что это раздражает Лестерса. Меня забавляет его пристальный взгляд – он явно хочет просверлить во мне дыру.

– Долго? Ты еще долго? – то и дело спрашивает Лестерс.

– Я читаю, не мешай, – неизменно отвечаю я.

Чета также заставляют подписать договор – он случайно попал под раздачу. То, что Ричард и есть Октавий, для него сродни откровению. Сначала он не верит и смеется, думая, что мы разыгрываем его, а потом понимает, что перед ним действительно сидит известный музыкант, и меняется в лице. Чет просто взрывается от восторга, просит автограф и вообще смотрит на Октавия почти с таким же обожанием, как и Лилит. Он обожает «Красных Лордов».

Наконец подписи поставлены – в присутствии юриста, Хью и Уилла, которых, кажется, конфиденциальность Дастина и Октавия заботит больше их самих. Они же каждому из нас дают конверты с некой «благодарностью». Я не хочу ее принимать, но за меня это делает Кирстен.

– Ни черта не понимаю, что происходит, – сообщает Чет. – Но Окт, ты крутой мужик! Для меня честь познакомиться с тобой! Ховард, ты крутая!

Он тискает меня за щеку, и я снова ловлю неодобрительный взгляд Лестерса. Кирстен снова смеется. Ее это забавляет.

– Так, значит, ты не ее парень? – спрашивает Дастин, глядя на Чета, как на замызганную ящерицу.

– Не-не, Санни мне как сестра, а я не любитель инцеста. Прости, приятель, я не смог не разыграть тебя, – весело смеется тот. Я думаю, что Лестерс начнет возмущаться, но, похоже, ему тоже становится смешно.

– Забавно. А я уже думал, что у рыжей чокнутый дружок, – хмыкает он.

– У меня нет никаких дружков, – отвечаю я.

– Тогда кто это был? – спрашивает Дастин.

– Где? – не понимаю я сразу.

– На байке. Я все видел.

Вот же вьедливый!

– Друг, – пожимаю я плечами.

– Какой? – не отстает Лестерс. – Почему у тебя так много друзей?

– Какая тебе разница? – снова начинаю сердиться я.

– А ты ничего не забыла? – спрашивает вдруг он.

– В смысле? Если ты про подписи – я поставила их везде, где надо. – Я киваю на менеджеров и юриста, которые снова начинают что-то обговаривать напоследок. Если честно, я порядком устала и очень хочу спать.

– Одну мою вещь. Серого цвета, – на лице Дастина усмешка.

– А, боксеры? – вспоминаю я.

– Именно.

– Вы обмениваетесь нижним бельем? – тут же живо интересуется Чет.

– С ума сойти, – смеется Кирстен. – Какие подробности!

– Раз ты так просишь, сейчас отдам, – поднимаюсь я на ноги и направляюсь в свою комнату. Я иду по коридору мимо комнаты Лилит – дверь в нее распахнута – и вижу, как Октавий и Лилит целуются. С закрытыми глазами, увлеченно. Ее руки – на его шее, его – на ее талии. Они выглядят невероятно мило, и я не хочу их тревожить. К тому же мне немного неловко. Октавий вдруг подхватывает Лилит и опускает на стол, рядом с ноутбуком, не переставая целовать. Она обхватывает его ногами и запускает пальцы одной руки в его волосы, второй опираясь о твердую деревянную поверхность стола.

Это слишком личная сцена, почти интимная и, несмотря на это, очень нежная. Мне кажется, если бы Октавий не был суперзвездой, у них бы с Лилит все получилось. Они подходят друг другу.

Я почти уверена, что подруга без ума от него. И я ее не осуждаю.

Хотеть нежности – это нормально.

Хотеть любви – это правильно.

Хотеть человека – это естественно.

Я вспоминаю свой неслучившийся поцелуй с Кристианом. И становится чуть тоскливо.

Стараясь не обнаружить себя, я, неслышно ступая, ухожу из коридора, пятясь назад. И врезаюсь спиной во что-то мягкое.

– Ч-черт, – шипит это «мягкое». – Смотри, куда идешь, Франкенштейн.

Лестерс.

– Тихо, – прошу его я. – Там...

Я резко оборачиваюсь и прижимаю указательный палец к губам. Он понимает меня с полуслова.

– Ну, где они? – шепчет он.

– Кто?

– Боксеры?

– В комнате, – отвечаю я.

Это странно, но, насмотревшись на Лилит и Октавия (кто бы мог подумать, Лорд Октавий!), я понимаю, что тоже хочу этого: поцелуев, нежности, света, бьющего из груди. Хочу всего, что я не получила от Криса.

– Поцелуй меня? – зачем-то прошу я, неотрывно глядя в голубые глаза Дастина.

– Франки, – слабым голосом отвечает он, явно растерявшись. – Ты с ума сошла?

– Да, – смеюсь я, отгоняя от себя это желание-наваждение. – Точно.

– Впадать в твоём возрасте в маразм опасно, – предостерегает меня Дастин. Господи, зачем, вообще, я его об этом попросила? Его рот теперь не закроется.

Я делаю несколько шагов.

– Эй, – окликает меня вдруг Лестерс.

– Что? – оборачиваюсь я.

Он подходит ко мне – так близко, что я чувствую слабый аромат мяты. Обводит пальцем круглый вырез футболки, едва касаясь его, и сообщает хриплым шепотом:

– Я ведь и правда могу сделать это.

– Что? – не сразу понимаю я.

Вместо ответа Дастин склоняется ко мне, поднимает мою голову за подбородок и целует. Сначала неловко – наши зубы легонько сталкиваются, мы на секунду отстраняемся и пристально смотрим друг на друга. Дастин касается ладонью моей щеки, гладит, а я и сама не понимаю, как мои руки оказываются у него на плечах, обтянутых белой рубашкой. И мы снова тянемся друг к другу. Мимолетом тремса носами и снова целуемся.

У него на удивление горячие губы, с едва ощутимым вкусом ментоловых сигарет, а у меня – на удивление требовательные.

Все как в тот раз, когда мы были пьяны. Остро, терпко, с толикой горечи и привкусом безумия.

Да, это безумие – целоваться с парнем в полутемном коридоре. Это безумие – чувствовать желание к тому, кто еще недавно ужасно раздражал. Это безумие – хотеть чего-то большего, понимая, что это неправильно.

Я обнаруживаю для себя, что Дастина нравится, когда к его шее прикасаются губами. А меня сводит с ума то, как при этом натягиваются жилы на ней – особенно если он откидывает голову чуть назад.

Отстраняемся мы тоже одновременно – как по команде свыше.

– Зачем ты сделал это? – спрашиваю я. Губы требуют продолжения. В сердце – пожар. В ногах – предательская слабость.

– Не знаю. А зачем ты предложила? – задает встречный вопрос Лестерс. Мне нравится слушать его учащенное дыхание.

– И я не знаю, – отвечаю я с ровно таким же недоумением.

В это время мы слышим шаги – кто-то идет к нам из гостиной. И одновременно отходим друг от друга на шаг.

В коридоре появляется Хью.

– Дастин, – удивленно спрашивает он. – Куда ты пропал? Нам пора. Завтра рано вставать на съемки.

– Да помню-помню, – раздраженно машет тот рукой, но смотрит при этом на меня – удивленно.

– Потом отдашь, – сообщает он мне. И, прежде чем пойти следом за Хью, ломится в комнату к Лилит, явно решив разрушить им весь флер. Подруга почти тут же вылетает в коридор – щеки у нее пунцовые, а глаза пьяные. Следом выходит Октавий, волосы которого чуть растрепаны. Он поправляет футболку и идет следом за Лилит. Оба молчат.

Наша квартира пустеет. Мы остаемся вчетвером: я, Лилит, Кирстен и Чет, который сообщил, что будет у нас ночевать. Лилит несколько не в себе – кажется, она находится в такой же прострации, что и я. Зато Кирстен ужасно весело. Она поверить не может в то, что сфотографировалась с самим Дастином Лестерсом. Теперь она нам, конечно, верит. Но никому не может об этом говорить – ее, как и нас, связывает договор. А Чет не может перестать хохотать.

– Черт, черт! – хлопает он себя по колену. – Это просто жуть! Окт из «Лордов» – это Ричард Фелпс. Он просто затроллил весь мир! Какой же он крутой тип!

– Ты на него так смотрел, будто влюбился, – ревниво замечает Лилит. – Я не собираюсь им делиться.

– Иди ты, – отмахивается Чет. – Как же круто – я пожал руку Октавию!

– Все по классике? Не будешь мыть ее неделю? – спрашивает Кирстен.

– Как знать, – ухмыляется Чет. – Жаль, никому нельзя рассказать об этом...

Они еще долго обсуждают появление Октавия и Лестерса в нашей квартире, хохочут, спорят. А я ухожу спать, оставив друзей в гостиной.

Ночью начинается дождь, и сквозь сон я слышу, как капли стучат по окнам.

Мы под рубиновым дождем

застынем.

Возможно, просто не поймем.

И иней

покроет, холодом дразня.

Быстрее

прижмись ко мне, и я тебя

согрею.

Глава 2

Небесный перекресток

По законам моего сердца.

Дастин устроился на заднем сиденье машины непривычно молча и смотрит в окно, на ночной город. Но он не замечает, как мелькают его искрящиеся огни, не чувствует скорости, не слышит ничего, кроме стука своего сердца.

Он до сих пор слышит ее голос.

«Поцелуй меня».

Надо было сдержаться. Просто уйти. И забыть.

Но Дастин не смог. Она просила, и он сделал это. Поцеловал. Без желания доказать что-либо – ей или себе. А просто потому, что ему захотелось снова почувствовать тепло ее мягких губ и настойчивых рук.

Он смотрит на ладонь, лежащую тыльной стороной на колене. И почти видит в своих пальцах ее рыжие волосы. Это видение мимолетно, но приятно.

Жалеет ли он? Определенно, нет.

Хочет ли продолжения? И сам не знает – слишком все странно.

Поцеловал бы снова? Да. Да, черт возьми, да!

В этом проклятом коридоре он едва не сошел с ума, когда Санни была с ним. Каждое ее прикосновение отзывалось в его теле звуком разлетающихся на осколки хрустальных масок из его личного запаса. А поцелуй – глубокий и по-своему сумасшедший – заставлял забывать обо всем на свете.

Дастину почему-то больше всего запомнились две вещи. Как Санни мимолетом касается его живота ладонью, цепляя ногтями пряжку ремня и заставляя мышцы напрячься. И как падают изломанные плотные тени на ее лицо – создается контраст, и кажется, будто левая часть лица остается во тьме.

От нее всегда пахнет едва уловимо, но безумно приятно – он заметил это еще тогда, когда Санни упала на него на той крыше. Тогда он так ошалел, что не сразу пришел в себя. Но уже тогда отметил это для себя – у ненормальной рыжей странный, но притягательный аромат духов. Или это ее запах? Дастин не знает. Но вспоминает, как пахнут ее волосы и изгиб шеи.

Летний полдень.

Нагретая на солнце одежда.

Легкая пудровая дымка.

Волны теплого едва уловимого карамельно-травяного ветра.

Санни Ховард пахнет солнцем. Летом. Уютом.

Дастин улыбается своему желанию вновь обнять ее. Стать ближе к солнцу – заманчиво.

– Ты в порядке? – перебивает его мысли мягкий голос сидящего за рулем Хью.

– А? – не сразу понимает Дастин, что тот говорит. – Что ты сказал?

– Ты в порядке? – чуть громче повторяет Хью.

– Относительно, – пожимает плечами актер.

– Зачем ты к ней едешь? – спрашивает вдруг Хью. В его голосе – любопытство.

– К кому? – сердито выдыхает Дастин. Он все еще чувствует слабый солнечный аромат.

– Не придируйся. Санни Ховард, твое рыжее счастье, – смеется помощник менеджера. Санни ему нравится. Хью видит в ней свет – солнце бьет из-под ее ресниц. Он отлично научился видеть свет в людях, когда стал работать в шоу-бизнесе.

В темноте даже тусклый блик становится заметным.

Санни Ховард – настоящий луч солнца, рассекающий тьму.

Она нравится Хью. И он знает, что она нравится его другу.

– Скорее, несчастье, – ворчит Дастин. И откидывается на мягкую спинку сиденья.

– Она тебе нравится? – не отстает Хью.

– Не знаю.

– Что вы делали в том коридоре?

– Разговаривали.

– Точно? – в голосе Хью хитринка.

– Слушай, приятель, что за вопросы?! – взрывается наконец Дастин.

– Я видел, как вы целовались, – благодушно улыбается тот. – Было горячо. Я чуть не загорелся. – И он начинает усиленно дуть на руку, словно сдувая с нее пламя.

– Идио-о-от, – закатывает глаза Дастин. – Я просто проверял, играет ли она в нашей команде.

– В какой? – уточняет Хью. – «Черные вепри»?

– Гетеросексуалов.

– А-а-а, – весело тянет его менеджер. – И как? Забила гол?

– Нет, – усмехается Дастин.

– Ты забил? – продолжает спрашивать Хью.

– Притащился ты, и мы оказались в офсайде, – с досадой в голосе отвечает Дастин.

– Жаль-жаль. Милая девочка. Певица, верно?

Дастин кивает и думает, что никогда не слышал, как она поет. Да и игру на гитаре слышал лишь раз. В тот день, на крыше, когда Франки и ее черноволосая подружка думали, что никого, кроме них, там нет. Он сидел с другой стороны и курил, устав от всех, когда они пришли. И вынужден был слушать их болтовню. Что они тогда обсуждали? Его в фанфиках?.. Помнится, это сильно повеселило Дастина, и он даже едва не засмеялся вслух. А потом они перешли на обсуждение его личной жизни и характера, что ужасно его взбесило. И он не смог больше прятаться. Вышел.

Занятое первое знакомство.

Может быть, попросить Франки учить его играть на гитаре? Все равно для будущей роли рок-звезды он будет заниматься этим. С ней уроки будут забавными.

– Она играет на гитаре? – словно слыша его мысли, спрашивает Хью, продолжая мягко, но уверенно вести машину. – Профи?

– Учится в Хартли. И играет в своей группе.

И когда он, Дастин, успел выучить ее биографию?

– Может быть, тебе брать у нее уроки? – предлагает Хью.

– Я хотел брать уроки у настоящих мастеров. – Дастин делает вид, что его не устраивает это предложение. Ведь не может же он сказать Хью, что это отличная идея?!

А тот, кажется, прекрасно понимает его настоящие мысли и только неоднозначно хмыкает.

– Я поговорю с ней об этом, – обещает помощник менеджера. – Санни – неплохой вариант. К тому же она связана с тобой договором о неразглашении данных. Удобно и безопасно.

Дастин пожимает плечами. Ему ужасно хочется, чтобы Санни спела ему. Уверен, что ее голос прекрасен.

И тут же он вспоминает голос Дианы. Голос, покоривший его еще несколько лет назад, когда он был никем. Голос, который давал ему силы и наполнял уверенностью. Голос, который казался ему голосом ночного морского неба, укрытого звездной вуалью.

Ему кажется, что он предает ее. И надеется, что завтра при встрече снова почувствует то волшебство, которое всегда дарил ему ее голос. Это странно, наивно, ванильно даже, но это правда. Чужой голос может значить слишком многое.

– А ты не боишься, что она будет... как Сальма? – спрашивает вдруг Хью.

Лицо Дастина меняется, но он почти тут же надевает маску из холода и безразличия.

– Я просил тебя не говорить об этом человеке при мне.

– Окей, не буду, – отвечает Хью. Он смотрит на замолчавшего Дастина через зеркало заднего вида. Тот прикрывает глаза, давая понять, что разговор закончен. И Хью включает радио, чтобы не ехать в тишине. Сначала играет старая баллада о любви в исполнении известной рок-группы из восьмидесятых. А затем начинается программа, в которой ведущие беседуют с гостями из мира шоу-бизнеса. Сегодня в программе новички – какая-то начинающая группа, победившая в недавнем конкурсе «Твой рок». Название – «Стеклянная мята» – кажется Хью странным, но он не переключается на другую станцию, а слушает интервью. Ему нравится голос Николь – солистки группы. Да и их песня, которую ставят ведущие, нравится Хью.

Их машина подъезжает к дому Дастина ровно тогда, когда заканчивается передача. На подземной парковке Хью глушит мотор. И Дастин открывает глаза – непонятно, то ли он спал, то ли думал о чем-то.

– На месте, – весело рапортует Хью и оглядывается на заднее сиденье.

– Что по расписанию утром? – вдруг спрашивает Дастин.

– В восемь – интервью для журнала «Блеск», – вспоминает Хью. – В час – встреча с представителями рекламного агентства. Помнишь, реклама спортивной зимней одежды? В пять – ужин с продюсером твоего нового фильма.

– Интервью можно отодвинуть вниз? – не отвечая на вопрос Хью, спрашивает Дастин.

– Попробую. Зачем? – интересуется Хью.

– Давай выпьем сегодня. И посмотрим футбол.

С этими словами Дастин первым выходит из машины. Уже в лифте ему приходит позднее сообщение от Дианы.

А на балконе в квартире Дастин видит в небе темную бездну, в которой ярко сияет спутник.

* * *

Поцелуи способны лишать покоя. Это *факт*.

Даже если это поцелуи того, кто тебе не нравится. Это тоже *факт*.

Но разве может тот, кто безразличен, *настолько* волновать твою душу и тело? Может быть, это лишь показное равнодушие, и на самом деле этот человек нравится тебе? Или это *всего лишь вымысел*?

Я до сих пор чувствую губы Дастина Лестерса на своих губах.

И до сих пор хочу продолжения этого безумного поцелуя в полутьме коридора.

В тот раз оправданием был алкоголь. А что в этот?.. Никаких оправданий, никаких логических доводов, никаких объяснений, только взаимное притяжение.

Он и я. Его руки и мои. Мое дыхание и его.

Вместе.

Я долго думаю о том, что произошло, лежа в постели и слушая дождь за окном. Сна ни в одном глазу. На щеках все еще румянец – я чувствую, как горит кожа. Интересно, как звучит любовь?

Какая музыка у любви?

Какие ноты берет ее голос?

Наверняка от высоких пронзительных октав она с легкостью переходит к пылающему шепоту.

Голос музыки не нуждается в автотюне – он прекрасен даже в своем несовершенстве.

Когда я засыпаю, по привычке обнимая подушку, мне кажется в полудреме, что я обнимаю Дастина. И почти чувствую на своей спине его руки. Я ухожу в царство сна, окутанная сияющей нежностью. Словно Дастин сейчас со мной.

Я не помню, что мне снилось, но просыпаюсь все с тем же странным ощущением щемящей нежности, которая остается со мной все утро, развеявшись только вместе с ароматом свежего кофе. В этот день снова играет Небесное радио – и на него я трачу все свое утро, чтобы потом спешно начать собираться на встречу с Кристианом.

Если честно, мне не слишком хочется ехать куда-то с ним сейчас, но я обещала ему. А свои обещания я выполняю. Поэтому быстро привожу себя в порядок, одеваюсь, затягиваю волосы в высокий хвост и натягиваю кеды.

– Куда спешишь, Ховард? – зевая, спрашивает Лилит, кутаясь в длинный халат. Она сегодня выпалась – ее смена в кафе будет во второй половине дня.

– К тому красавчику, который приехал к нам пьяным! – говорит, смеясь, Кирстен. – Я его вижу под окнами.

– Эй, Санни, – начинает беспокоиться Лилит. – Если у вас свидание, надень что-то женственное! Хочешь, я дам тебе обалденное платье?!

– И помаду, возьми хотя бы помаду! – вмешивается Кирстен. – И духи!

– Отстаньте, – отвечаю я. – Мы просто едем посмотреть квартиру.

– Ваше будущее любовное гнездышко? – хохочет Лилит.

– Он покупает себе квартиру и просит помочь, – отвечаю я, завязывая шнурки.

– Помочь в чем? – насмешливо спрашивает Кирстен. Она в курсе, кто такой Крис Уилшер. – Таким, как он, помогают лучшие менеджеры по работе с клиентами в лучших агентствах недвижимости.

– Не знаю, – пожимаю я плечами. И все-таки беру из рук подруги бутылек с духами. Они мне не очень нравятся – слишком сладкие, с апельсиново-цветочными нотами.

– Ты ему нравишься, однозначно, – говорит Кирстен, пытаясь сунуть мне помаду и пудру. Помада матовая, красная, легко ложится на губы. Я смотрю на себя в зеркало, и мне нравится мое отражение.

– Точно, Ховард, – поддерживает ее Лилит. – Он на тебя клюнул. Иначе, что он так к тебе прикипел? Да еще и пьяным в любви признавался. Не упускай свой шанс, Ховард!

– Он красив и богат! Это будет преступление, если ты его пошлешь! – не умолкает Кирстен.

Я со смехом шлю их куда подальше. Дружески, разумеется. Девчонки не обижаются – переглядываются и смеются.

– У вас что-нибудь было? – спрашивает Лилит с интересом.

– Я же не ты, – легонько щелкаю я ее по носу. – Все, ухожу! Пока!

И я бегом спускаюсь вниз, а они кричат мне вслед, что я должна его уложить.

Крис уже ждет меня – сегодня он не на мотоцикле, а на машине. Он стоит у багажника, скрестив ноги, засунув руки в карманы, и, улыбаясь, смотрит на меня.

– Привет! – говорю я громко. Крис вытаскивает правую руку из кармана и неспешно поднимает в знак приветствия.

– Привет. Отлично выглядишь, – говорит он.

– Ты тоже, – улыбаюсь я в ответ.

Сегодня мы оба в джинсовом, хоть и не сговаривались. На мне – джинсовые шорты и короткая джинсовая жилетка, под которой обычная белая футболка с ярким карминовым принтом. На нем – голубые потертые джинсы и джинсовая рубашка с небрежно закатанными рукавами. Я уверена – все это стоит кучу денег, хоть и смотрится неброско. Такие, как Крис Уилшер, одеваются только в модных брендовых магазинах.

Почему-то я вновь вспоминаю слова Лестерса о том, что *мы* всегда будем отличаться от *них*.

Почему я думаю об этом, я не знаю.

– Все в порядке? – почему-то спрашивает меня Крис.

– Да, – отвечаю я. – Все хорошо.

– У тебя сегодня грустные глаза, – замечает он. Я внимательно смотрю в его глаза и заключаю про себя, что тоже не могу назвать их веселыми.

Кристиан галантно открывает дверцу своей спортивной машины – на этот раз темно-фиолетовой, с откидным верхом, и я сажусь в салон, обитый мягкой, молочного цвета кожей. Крис устраивается рядом, и машина срывается с места.

– Какой у нас план? – интересуюсь я.

– Посмотрим пару апартаментов в одном месте, – расплывчато говорит Крис. – Скажешь, как тебе. А потом рванем тусоваться.

– Зачем тебе мое мнение? – прямо спрашиваю я, не говоря, что не хочу тусоваться.

– Мне интересно, что ты скажешь.

– То есть я единственный человек, который может что-то сказать тебе по поводу покупки квартиры? – усмехаюсь я. Не верю. Нет, серьезно, здесь что-то не так – девчонки заметили верно. Только я точно знаю, что он не запал на меня. После вчерашнего разговора у реки я уверена в этом. В жизни Криса есть особенный человек – та, в которую он влюблен.

– Не единственный, – смеется Крис, глядя на дорогу. Водить и байк, и машину у него получается одинаково хорошо. – Но твое мнение мне важно.

– Серьезно? – со скепсисом переспрашиваю я.

– Серьезно, – подтверждает он. – Мне могут попытаться впахнуть дерьмо за огромные бабки. И отец с братом снова скажут, что я – идиот.

– У вас плохие отношения? – осторожно пытаюсь узнать я.

– Неа, – легкомысленно отвечает Крис. – Просто они уверены, что я раздолбай. И не в силах самостоятельно купить даже квартиру. А ты кажешься умной, Санни, – подмигивает он мне.

– Я никогда в жизни не покупала квартиры. Понятия не имею, как это делается.

– Зато ты можешь сказать правду – одна из немногих. И просто поставить на место.

– Тебе нравятся те, кто может поставить тебя на место? – спрашиваю я с усмешкой.

– Может быть. А может быть, мне нравишься ты, – подмигивает он мне. – А я тебе нравлюсь?

Я лишь смеюсь в ответ. С Крисом легко и свободно. И я все еще помню, как он вступился за меня на вилле Мунлайтов, но признаваться ему в симпатиях я не спешу – слишком уж все неоднозначно.

Крис с легкой душой болтает о чем-то, я отвечаю. В какой-то момент он фоном включает радио, и я слышу знакомые слова:

– ...А сейчас вы услышите дебютную песню «Стеклянной мяты»...

Я вспоминаю, что «Стеклянная мята» – победители того самого конкурса, на который я так надеялась вместе со своими парнями. Нет, я рада, черт побери, рада за этих ребят, но не понимаю, почему на сердце становится все тяжелее.

Очередное упоминание о нашей неудаче раздражает. Как и дымчато-серое неподвижное небо без единого просвета.

Крис почему-то вдруг переключает радио на другую станцию – будто чувствует что-то. Теперь играет легкое кантри из семидесятых.

– Я не обидел тебя вчера? – спрашивает он. Я ловлю себя на мысли, что мне нравится его профиль.

– Нет. А должен был? – говорю я.

– Не должен. Но, кажется, я часто обижаю людей, не понимая этого. Слушай, Санни, – он поворачивается ко мне, перестав следить за дорогой. – Если тебе нужны деньги, скажи мне.

Мне становится весело, и я не могу сдержать смех.

– Ты действительно не понимаешь, когда обижаешь людей, Крис.

– В смысле? Я все-таки обидел тебя? – в его голосе искреннее недоумение.

– Мне не нужны деньги. Я не настолько бедная, чтобы принимать их от тебя, Уилшер. – Я снова смеюсь. – Поэтому заткнись.

– Как скажешь, – виновато улыбается он. – Но я просто хотел помочь.

Мы снова болтаем ни о чем, стоя в пробке. Единственное, что меня раздражает снова, это сообщение от Оливера: он просит отменить репетицию – у него что-то случилось дома. Мы соглашаемся, но я предупреждаю, что на следующей неделе мы будем репетировать каждый день. У нас скоро выступление в клубе, и мы не должны провалить его. Парни соглашаются.

Огромная высотка в одном из самых дорогих районов Нью-Корвена, к которой мы подъезжаем почти час спустя, кажется мне знакомой. Но я никак не могу понять, что это за место. Лишь когда мы входим в огромный светлый холл, похожий больше на холл какого-нибудь шикарного отеля, я вдруг вспоминаю. Точно! Это же дом Лестерса! Дом, в одной из роскошных квартир которого я провела целую ночь. И это дом, где живет Тейджер.

Я поверить не могу, что Кристиан решил купить квартиру именно здесь. И даже уточняю на всякий случай, правильный ли адрес.

– Правильный, – отвечает Крис уверенно. И в это же время к нам подлетает женщина с каштановыми волосами и в деловом брючном костюме. Это представитель крупного агентства недвижимости, которая с нетерпением ждет Кристиана Уилшера. Ее улыбка ярче солнца. Она окидывает меня быстрым безразличным взглядом, сканируя стоимость моей одежды и телефона в руке, а после все ее внимание переключается на Криса. Она разговаривает с ним, умело балансируя на грани между профессионализмом и подбострастием, не забывая улыбаться и показывать время от времени какие-то документы. В своем деле эта женщина ориентируется прекрасно, но так же она прекрасно понимает, как следует вести себя с такими клиентами, как младший сын Уилшера.

Я скучаяще рассматриваю холл и почему-то думаю – а что будет, если мы встретимся с Дастином? Однако я знаю, что встреча с ним невозможна – слишком мало шансов. Скорее всего, он на очередных съемках или на каком-нибудь интервью.

Я снова вспоминаю *наш поцелуй*, и меня бросает в жар.

Это было слишком прекрасно.

– Ваше обращение к нам было довольно внезапным, мистер Уилшер, – слышу я, когда мы направляемся к лифтам. И делаю вывод, что купить квартиру – это его неожиданный порыв. Крис – человек порывов. Он словно морской ветер. Неожиданно появляется, гонит волны вперед, к берегам, и так же неожиданно исчезает.

– Называйте меня просто Кристиан, – мягко просит он – не любит официоз.

– О да, конечно. Кристиан, ваше обращение было слишком внезапным, – повторяет агент. – Хотя, конечно, мы рады видеть вас нашим клиентом. Это большая честь. Конечно же, мы подготовили несколько ярких и интересных вариантов для вас. Но, может быть, после того как посмотрим апартаменты здесь, я все-таки покажу вам не менее заманчивые и по-настоящему эксклюзивные предложения в других элитных жилых комплексах района?

– Нет, – перебивает ее Крис. – Мне интересен *этот* дом.

Я не понимаю, почему он хочет жить именно в этом доме. Агент, кажется, тоже. Она мечтает предложить другие варианты, более подходящие, по ее мнению, столь богатому клиенту, но его желание для нее – закон.

Мы едем наверх.

Я смотрю на улыбающегося мне Криса и ловлю себя на мысли, что не помню ощущений от *его поцелуя*. И это меня пугает. Потому что поцелуй с Дастином я помню слишком хорошо. Это пугает не меньше.

Мы выходим на этаж выше квартиры Лестерса и оказываемся в ее точной копии, разве что оформлена она по-другому.

– Прошу, проходите, – говорит агент, приглашая нас. – Это первые апартаменты, с которыми я хочу познакомить вас, Кристиан. Сразу хочу заметить, что данный жилой комплекс был построен по плану архитектурного бюро самого Мэтта Бассетта, а над интерьером апартаментов трудились известные дизайнеры...

Она сыплет именами, которые должны произвести впечатление на Криса, но я их впервые слышу. И он, кажется, тоже. Куда больше имен меня потрясает внутреннее убранство квартиры. Отделка мрамором и деревом выглядит весьма эффектно. Высокие потолки и панорамные окна создают впечатление воздушности пространства. А просторные и красиво обставленные комнаты заставляют задуматься, сколько же стоят эти апартаменты?

Я боюсь представить, сколько.

– Общая площадь – две тысячи семьсот квадратных футов, – продолжает тоном экскурсовода агент. – Внутреннее пространство включает в себя гостиную, кухню, столовую, три спальни, две ванные комнаты и санузел. Окна выходят на запад – вы всегда сможете полюбоваться закатами, кроме того, вам круглосуточно будет доступен великолепный панорамный вид на центральные районы города. В распоряжении владельцев лаунж-зона с бильярдом, зимний сад и открытая терраса на крыше, лобби-бар, фитнес-центр, частный ресторан, бассейн, подземная парковка, прачечная, круглосуточная консьерж-служба...

Она перечисляет еще кучу всего, заливаясь птичкой об инфраструктуре, захлеб рассказывая что-то об интерьере и о знаменитых жильцах. Я вздрагиваю, слыша о Лестерсе. Для меня он как-то незаметно стал психом, «Круглосуточной доставкой пиццы» и парнем, которого хочется придушить и поцеловать (можно и в обратном порядке). Странно менять точку восприятия и осознавать, что все-таки Дастин Лестерс – звезда кинематографа. Меня вдруг осеняет – я думала, что Лилит лучше не общаться с Октавием, потому что ничего хорошего из этого не выйдет. А ведь сама нахожусь в таком же положении, что и она.

Так, стоп. Она-то без ума от своего Сладенького. А я...

– Нет, – говорю я вслух.

Крис и агент удивленно смотрят на меня.

– Вам не нравится дизайн кухни? – мягко спрашивает она, хотя я понимаю – на мое мнение ей плевать. Главное, чтобы был доволен Уилшер.

Я растерянно улыбаюсь.

– Нравится. Но слишком большой контраст с гостиной и остальными комнатами, – нахожусь я. Мягкая классика действительно разнится с хай-тек оформлением кухни.

– Дизайн без проблем можно изменить. Если, конечно, Кристиан пожелает, – уточняет агент, явно давая понять, что прислушиваться будет только к его мнению.

Я не осуждаю эту женщину, имя которой даже не запомнила. Это ее работа. Просто снова чувствую эту пропасть между собой и Крисом.

Она продолжает свою «экскурсию» дальше. А мы молчим. Крису, кажется, скучно, а я с удивлением рассматриваю комнату за комнатой.

Хотела бы я тут жить?

Не знаю. Может быть. Тут здорово. Просторно, светло, по-своему уютно.

Но... Прежде чем я смогу позволить себе подобное, пройдет еще много времени. Я верю, что «Связь с солнцем» всего добьется. Мы станем рок-звездами.

Нельзя переставать верить в себя. Это предательство своего сердца.

Застыв на балконе, я смотрю в серую небесную гладь. Наверное, в ясные дни небо отсюда кажется еще ближе и краше. И город – историческую часть – видно как на ладони. А вон за теми небоскребами прячется родной Хартли. Я уже скучаю по учебе.

Лестерс каждый день может видеть эту чудесную панораму.

– Как тебе? – спрашивает Крис, когда мы выходим из квартиры.

– Круто.

– Купила бы эту квартиру?

– Почему бы и нет? – пожимаю я плечам. – Если у тебя есть деньги...

А потом я слышу, сколько стоит это счастье. Несколько миллионов долларов!

– Ты с ума сошел? – честно спрашиваю я Криса. – Отдавать столько денег за квартиру?!

Агент смотрит на меня осуждающе. А Уилшер смеется.

– Дело не в деньгах, – говорит он. – Тебе здесь нравится?

– Нравится, но...

Продолжить я не успеваю – вижу, как открывается лифт, и оттуда выходят Диана и Дастин в сопровождении мужчины в черном костюме, который на ходу что-то рассказывает им. Кажется, это тоже агент по продаже недвижимости.

Они тоже порядком удивлены нашей внезапной встречей.

Мы останавливаемся друг напротив друга. Что Лестерс делает здесь вместе с Мунлайт? Что происходит?

– Ого, какая встреча, – улыбается Крис, но мне не нравится выражение его глаз. Что-то здесь не так. Я не верю в совпадения.

Диана смотрит на нас недобро. В ее взгляде – напряжение. В моем, наверное, тоже. И я стараюсь не смотреть на нее – слишком живы во мне воспоминания о нашей последней встрече. Слишком сильно въелись мне в память слова ее матери.

– Что ты тут делаешь? – требовательно спрашивает у меня Лестерс. Кажется, и он недоволен встречей.

– А ты? – уничтожающе смотрю я на него.

– Я тут живу.

– А я помогаю Крису найти квартиру.

– Зачем? – темнеют глаза Лестерса.

– Как-никак Санни – моя девушка. – кладет мне на плечо руку Крис. – И ее мнение для меня многое значит.

Диана едва слышно фыркает.

– Вот оно что. А я помогаю найти квартиру Ди, – говорит Лестерс и кладет руку на ее плечо. Меня это ужасно раздражает, и я обнимаю Криса за пояс. Надеюсь, мы выглядим достаточно влюбленно.

– И как, нашел квартиру для... Ди? – интересуется Крис, в его голосе – ехидство, а взгляд – пустой. В нем – бездна. И это пугает. А еще пугает, что эту бездну вижу только я.

Крис открывается все глубже.

Богатенький сыночек с ветром в голове или человек с бездной во взгляде? А, может быть, все вместе?

– Мы посмотрели пока только один вариант, – отвечает Лестерс. – Сейчас увидим второй.

– Почему в твоём доме? – спрашивает Крис.

– Потому что так мы будем рядом друг с другом, верно, Ди? – спрашивает Лестерс у Мунлайт.

Вот придурок! Меня бесит то, что он – с ней. Вчера был со мной, а сегодня – с ней.

Ее он тоже целует так же нежно, как и меня?

Или для каждой новой девушки у него разные поцелуи?

– Верно, – чуть хрипловато отвечает Диана и говорит, глядя в глаза Крису: – Мы встречаемся.

Крис смеется. А я вдруг все понимаю. Теперь я знаю причину срочной покупки Уилшером квартиры в этом доме.

И как я раньше не догадалась?

Меня наполняет злость, разгоняя кровь и заставляя пульс в висках стучать громче. Но я сдерживаю себя.

– Вот оно что. Мы встречаемся, вы встречаетесь. Торжество любви, верно? – заявляет Уилшер и целует меня в щеку. Я изо всех сил улыбаюсь, хотя внутри все пылает от гнева.

– Не жизнь, а романтическая комедия, – отвечает Лестерс.

– Может быть, устроим двойное свидание? – спрашивает Кристиан шутливо. – Как в романтических комедиях. Вы и мы.

– Почему бы и нет? – вдруг соглашается Дастин и смотрит на часы. – У меня будет еще несколько свободных часов в расписании.

Словно вчера между нами ничего не было.

Я хочу придушить обоих, но все еще молчу.

Диана тоже хмурится. Кажется, ей не хочется делить Дастина с нами. А я не хочу видеть ее.

– Дастин, – подает голос Мунлайт и касается его локтя. – Я не хочу.

Она смотрит на него взглядом беспомощного котенка.

– Извините, двойного свидания не будет. Ди не в настроении, – тут же говорит Дастин.

– Дело не в настроении. А в том, что я не хочу проводить время с мусором, – внезапно выдает Диана.

И я чувствую, как вспыхивает черными огнями бездна в глазах Криси.

– Может быть, мы продолжим, Кристиан? – нервно вклинивается в разговор наш агент по продаже недвижимости, которая успела перекинуться парой слов с коллегой. Кажется, они оба не в восторге от встречи. – У нас еще несколько...

– Я хочу эти апартаменты, – вдруг громко заявляет Крис. – Беру.

– Но... – явно теряется агент, – мы же еще видели не все, и...

– Я сказал – беру, – в голосе Криси – решимость. Его взгляд пронзает Диану. – Или вы плохо слышите?

Уилшер будет владеть апартаментами прямо над апартаментами Лестерса. Умора.

– Какого дьявола ты мешаешь мне? – спрашивает Мунлайт. Я вижу, что она в ярости, которую отлично скрывает.

– Я-а-а? – отлично изображает недоумение Крис. – О чем ты, Ди?

– Никогда не называй меня Ди, – выплевывает она и поворачивается к своему агенту. – Я беру эти апартаменты.

– Что? – изумляется он. – Мисс Мунлайт, но...

– Оформляйте документы, и как можно скорее, – велит Диана властно.

– Это моя квартира, – громко оповещает всех присутствующих Кристиан. – Идите к черту, мисс Мунлайт.

Он явно наслаждается ситуацией. Бездна в его глазах светится. Мне смешно, хотя злость на них всех никуда не уходит.

Диана хотела подобраться поближе к Лестерсу. А Крис – поближе к Диане. Занимательно.

Я единственный лишний элемент в этом треугольнике. Паршиво. Но я все еще сдерживаюсь.

– С ума сошел? – шипит Диана. – Опять ты все портишь.

– Слушай, приятель, – укоряющее смотрит Лестерс. – Хватит играть в идиота.

– Я просто купил квартиру, которую посмотрел, – отвечает тот. – Верно же? – обращается он к агенту, которая явно обеспокоена таким поворотом дел.

– Квартира – моя, – безапелляционным тоном заявляет Диана, держа Дастина за локоть. – И если вы не оформите документы как можно быстрее, я обещаю, что у вашей конторы будут проблемы, – не глядя на своего агента по продаже недвижимости, обещает ему она.

– Моя, – не отступает Кристиан.

– Слушай, хватит, – пытается образумить его Дастин.

– Это я могу сказать тебе, – щурится Уилшер. – Мы с Санни пришли первыми.

– Мусор, – повторяет Диана.

– Что ты сказала? – не своим голосом переспрашивает Крис. – Повтори.

– Ты – мусор, – легко повторяет она.

– Уверена? – его голос теперь совсем чужой. И эта бездна... Это точно милашка Крис Уилшер?

– Уверена, – улыбается Диана.

– Странно, что тебе было хорошо с мусором.

– Заткнись.

– Ты даже кричала оттого, как тебе было хорошо, – продолжает Кристиан.

– Я сказала – заткнись. Закрой свой поганый рот, Уилшер, – велит Диана.

– Хватит, – говорит Дастин, прежде чем Крис снова успевает что-то сказать. Он делает шаг вперед – Диана остается за его спиной, бледная от гнева. Я вижу, как она сжимает пальцы в кулаки в бессильной злости.

– Если хочешь получить эту квартиру, Ди, – не успокаивается Крис, – поцелуй меня. Крепко. По-взрослому. Как раньше.

Он явно переходит все границы.

– Хочешь, я тебя поцелую? – спрашивает вдруг гневно Дастин – он окончательно вышел из себя.

Он берет Криса за грудки.

– Заткнись, извинись перед Дианой и Санни и проваливай.

Его слова удивляют меня.

– Может быть, мы решим этот вопрос как-то иначе? – обреченно спрашивает наш агент.

– Да-да, – подхватывает ее коллега. – Может быть, обдумаем все в нашем офисе?..

Их не слышит никто, кроме меня.

Кристиан лишь смеется – или смеется бездна в его глазах?

У Дианы в глазах – лед, который вот-вот начнет таять, превращаясь в слезы.

Дастин сжимает руку в кулак – я вижу, как выступают вены под его кожей на тыльной стороне ладони. Второй он продолжает удерживать Криса за ворот джинсовой рубашки.

– А что, чувак, обидно, что у тебя ничего не было с Ди? – спрашивает его Уилшер, который, кажется, потерял все ориентиры. – Она только кажется холодной. Знаешь, что она любит?

Он что-то шепотом говорит Дастину. А тот вдруг бьет его по лицу. С силой. Крис едва не падает – он с трудом удерживается на ногах.

– Пожалуйста, перестаньте, – просят оба агента, явно не понимая, что делать. Это особые клиенты. И к ним нужен особый подход. Но какой?

Дастин хочет продолжить, но Диана буквально повисает на его руке – хоть что-то разумное! Дастин замирает на месте. А она что-то говорит ему – я не слышу. Разбираю только слова: «Не надо».

Кристиан выпрямляется, держась за подбородок. Медленно проводит пальцами по нему и видит кровь – Дастин рассек ему губу. На его лице появляется кривая улыбка.

Я точно знаю, что это улыбается бездна.

И эта бездна вот-вот бросится на Дастина – Крис медленно идет к нему, глядя исподлобья и продолжая улыбаться.

Не знаю почему, но мне кажется, что может случиться что-то непоправимое. И я обнимаю Криса. Прижимаюсь щекой к его груди, в которой как сумасшедшее бьется сердце.

– Нет, – говорю я, цепко хватаясь за его плечи – мышцы напряжены так, что я чувствую это сквозь джинсовую ткань.

– Отпусти, – просит он меня слабым голосом. – Я убью его.

– Нет, – повторяю я как заклятье. – Нет. Нет.

– Санни...

– Нет.

Мой голос тих и тверд.

Я чувствую, как мышцы его плеч чуть расслабляются. Постепенно Уилшер приходит в себя. Бездна отступает. Прячется. Но она знает, что я видела ее. И она запоминает это.

Кристиан касается моих рук – чуть выше локтей. И мягко отстраняет меня от себя – я позволяю ему сделать это, потому что чувствую, как бездна отступает. Возвращается тот, кого я знала. Крис Уилшер.

Один из лифтов открывается, и на площадке появляется охрана – трое крепких мужчин с суровыми лицами. Наверное, они увидели, что происходит, на камерах.

– Все в порядке? – осведомляется один из охранников, представившись начальником службы безопасности. Агенты начинают что-то объяснять им, явно пытаюсь замаять ситуацию. Те внимательно слушают – никому не выгодно, чтобы конфликт разгорелся.

– Забирай, – говорит вдруг устало Кристиан, перед тем как скрыться в лифте вместе со мной. – Забирай, как ты обычно делаешь.

Диана смотрит на него, как на настоящий мусор. Лицо Дастина тоже нельзя назвать особо дружелюбным – он явно сдерживает себя только из-за Мунлайнт.

Я молчу, не понимая, что и когда пошло не так.

– Я покажу вам еще один замечательный вариант, Кристиан, – спешно предлагает агент и нажимает на кнопку вызова лифта. Она явно боится, что клиент вновь сцепится с Лестерсом, и хочет быстрее увезти нас.

Перед тем как створки лифта закрываются, я и Диана обмениваемся далекими от симпатий взглядами.

Презрение.

Злоба.

Страх.

Я не сразу понимаю, почему в ее глазах тоже есть место *страху*.

Лифт поднимает нас еще выше.

Крис молчит, бессильно опустив руки, агент щебечет, пытаюсь сделать вид, что ничего не произошло, а я смотрю на одно из трех своих отражений – стены лифта зеркальные и такие чистые, будто их каждый час полируют специальным средством.

Через несколько этажей Крис и агент выходят из лифта. А я и все три моих отражения остаемся на месте.

Вместе с пониманием, что Кристиан в порядке, ко мне приходит гнев.

– Ты успокоился? – спрашиваю я его тихо. Он молча кивает. Бездны в его глазах больше нет – волноваться больше не о чем.

– Спасибо, Санни, – так же тихо говорит он, делает шаг вперед, не давая створкам лифта сомкнуться, и касается кончиками пальцев моей ладони – в благодарность. Я чувствую его искренность. Она похожа на темное ночное небо, падающее вместе со звездами.

Жар моей ярости Крис не чувствует.

Я не знаю, что сильнее – клокочущая черным вороном ярость или разочарование, терзающее шею накинутой на нее серой бархатной удавкой.

Как он посмел?

Эй, ублюдок, как ты посмел это сделать?

Уилшер пытается обнять меня – легко и почти невесомо.

– Нет. – Мой голос звенит от гнева. – Не трогай меня.

– Санни, – пытается что-то сказать он и отстраняется, чтобы заглянуть мне в глаза. Но в этом нет смысла. Я сбрасываю его руки с моих плеч. Замешательства Криса мне хватает, чтобы двинуть коленом ему между ног. Я ходила на курсы по самообороне – спасибо, бабушка! – и знаю, как бить.

Крис, корчась от боли, невольно отступает. Он понимает, за что я ударила его. И он принимает это как должное – я вижу это по его глазам.

Мы оба знаем, что он заслужил это.

Створки лифта вновь пытаются сомкнуться, однако Крис не дает им этого сделать – они отползают назад, а он сам снова заходит в лифт и нажимает кнопку первого этажа.

– Санни, выслушай меня, – просит Крис.

Я молчу. Просто молча смотрю на него, сложив руки на груди.

Ну, говори. Попытайся себя оправдать. Если, конечно, сможешь.

– Кристиан, а как же апартаменты?! – доносится до нас изумленный крик агента, которая совершенно перестает понимать, что происходит.

– Я беру их, – не поворачивая головы, отрывисто сообщает Крис. – Оформляйте документы – или что там надо? И как можно скорее. Деньги переведу сегодня.

Лифт едет вниз.

Мы остаемся втроем: я, он и целая пропасть под нами.

– Ты ведь даже не видел эту квартиру, – усмехаюсь я, чувствуя лопатками холод, исходящий от зеркальной поверхности лифта. Я не хочу чувствовать этот проклятый холод. Я хочу, чтобы его чувствовал Кристиан.

– Плевать, – сообщает он, не отрывая от меня взгляда.

– Тогда зачем позвал меня, Уилшер? Раз тебе плевать? – я тоже пристально на него смотрю. Возможно, я пытаюсь отыскать в глазах цвета молочного шоколада ту самую бездну, но безуспешно.

– Прости, Санни, – говорит Крис. – Я такой мудака.

Он трет ладонями лицо. Его графитные брови страдальчески искривлены.

– Это ведь она, да? – спрашиваю его я прямо. К черту притворство.

Кристиан на миг опускает взгляд.

– В нее ты влюблен? – допытываюсь я, зная, что каждое мое слово ему как соль на рану. –

В Диану Мунлайт?

– Почему ты так решила? – сквозь зубы спрашивает он.

– Серьезно, Уилшер, ты думаешь, что я дура? – раздраженно спрашиваю я. – По тебе было видно, как ты ревнуешь Диану к Дастину.

– По тебе тоже, – вырывается у него.

– Что я ревную Диану?..

– Лестерса к Диане, – хмыкает Крис.

Я криво улыбаюсь. Вовсе нет.

«Поцелуй меня».

Я снова вспоминаю то, что было вчера.

– Ты поэтому позвал меня сюда? – спрашиваю я, тряхнув волосами, как будто отгоняя незваные мысли.

Он ничего не говорит. Просто снова смотрит мне в глаза. Мне кажется, что ему неловко. Или я хочу, чтобы мне так казалось?

– Дело ведь не в твоих отце и брате, – продолжаю я. – Дело в ней. В твоей любимой Диане, которая отталкивает тебя.

Крис продолжает молчать.

– Ты хотел заставить ее ревновать ко мне. Еще тогда, на острове в Лампфорте. И сейчас. Но знаешь, я не куколка для твоих игр с Мунлайт. Понял?

Хочется врезать ему еще раз – по-мужски, сильно и крепко, как Лестерс.

– Не обижайся, – зачем-то просит Кристиан и осторожно улыбается – как на пробу.

– Ты такой забавный, – насмешливо отвечаю я. – Если бы все проблемы в мире можно было решить таким образом, то и проблем бы не было во всем мире. Украли бумажник? Не обижайся. Засадил кулаком в глаз? Прости. Обстреляли твой дом? Ой, это по ошибке, не бери в голову.

Он нервно смеется.

– Прости меня, – говорит Кристиан. – Знаю, что поступил как дерьмо. Я и есть мешок с дерьмом. Только красивый мешок, – уточняет он зачем-то. – Меньше всего на свете я хотел обидеть тебя.

– А больше всего? – уточняю я. Усталость все больше и больше наваливается на мои плечи.

– Ее, – просто отвечает Крис.

– Вот как.

Меня это неожиданно злит еще больше. Ярость словно рубиновое вино в бокале – того и гляди выплеснется.

– Думаю, мне нужно выйти.

Створки лифта распахиваются, но Крис не дает мне выйти. Он стоит напротив, перекрывая путь своей рукой, которой опирается о зеркальную поверхность.

– Убери, – прошу я.

Вместо ответа Крис нажимает на кнопку какого-то этажа, и лифт снова летит вверх.

– Ты не права, Санни – я не хотел заставить ее ревновать, – продолжает Уилшер. – Я хотел доказать ей, что у меня есть не только она. – В его голосе слышится запал. – Узнал, что она покупает квартиру в одном доме с Лестерсом, и решил помозолить ей глаза. Показать, что не подыхаю без нее. Понимаешь?

– Нет, – честно отвечаю я.

Теперь я готова придушить не только Кристиана. Я дико злюсь на всех троих.

На Дастина – за то, что он был *с ней*.

На Криса – за то, что он думал только *о ней*.

На Диану – за то, что она сумела забрать *их* сердца.

Я ненавижу быть лишней – ненавижу с самого детства, когда поняла, что я лишняя в жизни матери. Я ненавижу навязываться. Я ненавижу доказывать, что я достойна чьего-то внимания.

Ведя меня в это место, Крис думал только о том, как бы насолить Мунлайт, не беря меня в расчет. Не беря в расчет мои чувства. И какого дьявола Лестерс делает тут с этой девицей, решившей, что ее деньги могут все?

– Я же говорил вчера, что часто обижаю тех, кто рядом, даже не понимая этого, – горько усмехается Крис. – И вот опять. Обидел тебя.

– Ты меня унизил, – вырывается у меня, и я бью его кулаком по плечу. – А теперь заявляешь, что не хотел, и мило улыбаешься. Это лицемерно, Уилшер! Ты – гребано словам дасти-нанный лицемер.

– Да, я гребанный лицемер, – эхом отзывается Уилшер.

- Ты мог заранее мне обо всем рассказать.
- А ты бы согласилась? – спрашивает он.
- Не знаю, наверное, нет, – честно отвечаю я. – Но это было бы честно. Я ненавижу лицемерие. И разочаровываться – тоже. Ты забросил неплохой двухочковый, Кристиан Уилшер. Он громко выдыхает – кажется, сам начинает злиться.
- Санни, я же сказал – не хотел тебя обидеть. Я не думал, что это тебя обидит.
- Просто ты слишком много думал о себе, – соглашаюсь я. – И, наверное, о Мунлайт.
- Створки лифта распахиваются. Крис снова нажимает на кнопку какого-то этажа. И мы снова мчимся вниз, глядя друг другу в лицо. Я и он.
- Что между вами было? – ровным тоном спрашиваю я. Крис дал понять, что они спали. – Вы встречались?
- Нет. Несколько лет назад провели вместе ночь, и с тех пор я по ней сохну, – ответил Крис с вызовом – не мне, а самому себе. Кажется, ему было не слишком приятно осознавать тот факт, что сохнут не по нему, а сохнет он.
- Безответная любовь? – спрашиваю я. Как так могло случиться, что человек, который нравится мне, влюблен в ту, которую я ненавижу?
- Я не понимаю этого. Причуды судьбы, не иначе.
- Что-то вроде этого. Я жалок? – спрашивает вдруг Крис.
- Сколько личных вопросов во время катания в лифте. Впору смеяться, но мне не хочется.
- Любовь не делает нас жалкими, – отвечаю я, – даже если это безответная любовь. Жалкими нас делают наши поступки. Сегодня...
- Я не договариваю. Крис и так понимает ответ.
- Не знаю, что на меня нашло, Санни, – почти жалобно произносит он. – Но я не хочу, чтобы из-за этого мы перестали общаться. Послушай, я знаю, что выгляжу жалко, но дай мне еще один шанс. Шанс доказать тебе, что я могу быть хорошим другом.
- Другом... Тот, кто мне нравился, хотел быть мне другом.
- Я не хочу, чтобы ты сейчас что-то доказывал мне, – хмурюсь я. – Сейчас мне нужно побыть одной. Если ты, конечно, не хочешь, чтобы я двинула тебе еще раз.
- Мы вот-вот прибудем на первый этаж. Кататься туда-сюда я больше не хочу. Поэтому я кладу ладонь на его предплечье, снова чувствуя, как напряжены мышцы. И он опускает руку, не понимая моих действий.
- Ты не должен быть таким, – говорю ему я и перемещаюсь к створкам.
- В это же время они раскрываются, и я выскальзываю из лифта. Крис хочет выбежать следом за мной, но ему мешает сделать это заходящая внутрь пожилая пара.
- Лифт вновь уезжает наверх – теперь без меня. А я, переполненная кипящей яростью, которую не показывала Уилшеру, иду прочь из этого места, чувствуя себя преданной. Кристиан не давал мне обещаний и не признавался в любви – мы общались как друзья. Но я все равно чувствую себя использованной бумажкой. И Лестерс бесит не меньше. Какого черта он продолжает ошиваться вокруг Мунлайт?
- Я все еще в ярости? Да, но она отступает.
- Больно ли мне? Как знать. Кажется, я еще не до конца осознаю случившееся. Я слишком разочарована.
- Быстрым шагом я выхожу на улицу и иду по тротуару – с одной стороны вдоль него тянется дорога, с другой – ряды аккуратно подстриженных деревьев. От переполняющих чувств я пинаю носком кеда одно из них, и лишь ощущение легкой боли, отдающей в голень, приводит меня в чувство. В это время звонит телефон – Лестерс желает поговорить со мной.
- Что? – резко выдыхаю я в трубку.
- Франкенштейн, ты в порядке? Этот псих...

– Слушай, ты, голубиная почта, – злобно отвечаю я, почти наяву видя, как Дастин и Диана порхают, держась за ручку. Странно – я зла и на Криса тоже, но не могу быть с ним так груба, как с Лестерсом. – Хватит мне звонить. Хватит меня доставать. Лучше займись мисс Лунной радиацией. А меня оставь в покое.

– Вообще-то я за тебя вступился, – рассерженно произносит Дастин.

– Вообще-то тебя об этом никто не просил. До свидания.

– Франки...

Я отключаюсь и вдруг слышу, как кто-то зовет меня по имени – в три голоса.

– Санни! Санни! Санни! – кричат Джонатан Тейджер и его племянники Питер и Элтон, дружно высовываясь из окон алой «Бугатти». Я замираю на месте и улыбаюсь им.

– Давай к нам! – машет мне Тейджер.

– Давай, давай! – вопят мальчишки.

– Здесь нельзя долго стоять, – добавляет композитор.

Я вдруг оглядываюсь назад, вижу, к своему удивлению, как на улицу выбегает Крис, и сажусь в машину, на переднее сиденье рядом с Джонатаном.

Мы срываемся с места. Но я вижу, как Крис бежит за нами. Наверное, я должна злорадствовать, но у меня нет на это сил.

В салоне играет тихая музыка и пахнет чипсами.

– Ты приходила к нам? – тут же спрашивают мальчишки.

– Нет, – отвечаю я. – К своему другу.

– А почему не к нам? – ноют они с заднего сиденья. – Мы тебя ждали! У нас новая железная дорога! Почему ты к нам не приходишь, ты же обещала!

– А ну, тихо! – прикрикивает на них весело Джонатан. Он такой же взлохмаченный, как обычно. И от него веет дружелюбием. – Рад видеть тебя снова, Санни, – обращается он уже ко мне. – Опять была в гостях?

Я киваю. Не хочу говорить об этом, и Джонатан, кажется, это понимает. Поэтому переводит тему.

– Куда тебя подвезти? – спрашивает он, крепко держа руль. Я обращаю внимание на его ладони – типичные «музыкальные» ладони с длинными пальцами. Наверняка его рука может взять гораздо больший интервал на фортепиано, чем моя.

– К любой станции метро, если можно, – отвечаю я.

– Слушай, а может, ты сможешь нам? Выбрать подарок для Саманты. Сегодня годовщина нашей свадьбы, – сообщает композитор.

– О, поздравляю, – искренне говорю я. Мне нравится их пара – она теплая и нежная. – Могу помочь. Без проблем.

– Тогда отлично! – Лицо Джонатана сияет. – Едем за...

– Собакой! – хором перебивают его племянники.

– Мы купим ей собаку! – громко кричит рыжий Питер.

– Дога! – восторженно сообщает темноволосый Элтон.

– Нет, бультерьера, – совершенно не согласен с ним брат.

– Ты сам как бультерьер! Чучело! – хохочет Элтон и тут же получает тумачков от Питера.

– Мы едем покупать кошку, мальчишки. Кошку, а не собаку, – закатывает глаза Джонатан.

– Мы хотим собаку! – вразнобой кричат братья, не забывая тыкать друг друга под ребра.

– Перестаньте, – морщится Джонатан и мило улыбается мне: – Никак не могу с ними справиться. Сущие дьяволята.

– У нас будет собака, собака, собака! – не успокаиваются мальчишки.

– Мы едем за подарком не вам, а Саманте. И ей мы подарим кошку, – вновь пытается объяснить им Джонатан. Но Питер и Элтон упрямо скандируют про собаку.

– Вы мне надоели, молодые люди. Я оставлю вас без сладкого на ужин, – пытается пригрозить мальчишкам Джонатан. Но должны ли они бояться того, кто тайком от Саманты покупает им чипсы? Ясное дело, что нет.

– А ведь у вас есть кошка. Прелесть, правильно? – вспоминаю я.

– Саманта говорит, что Прелести скучно, – смеется Джонатан.

В салоне «Бугатти» шумно и весело, и отчего-то мне становится чуть теплее на сердце. Я отвлекаюсь от темных мыслей, от обиды и гнева, от Криса и Дастина. И просто улыбаюсь, слушая перебранки племянников с дядей. Мне необычно, но отчего-то приятно осознавать, что Джонатан любит свою жену, а она – его. И что ему в удовольствие сделать Саманте приятное. Я вспоминаю своих бабушку и дедушку – они всегда ворчали друг на друга и изредка даже ругались, но часто рассматривали во дворе звезды над морем, под руку гуляли по шумящему побережью или сидели на пляже, укрывшись одним пледом.

Джонатан пытается пойти на хитрость и предлагает шумным племянникам поиграть в «Жуткого Боба»:

*Жуткий Боб уже в пути.
Он детей хочет найти!
Первый, кто откроет рот,
Жуткому Бобу на ужин пойдет!*

– Кто первым скажет хоть слово – за тем придет Жуткий Боб, – повторно объявляет Тейджер, явно гордый собой.

– Дядя, ты сам первый заговорил! Жуткий Боб придет за тобой! – хохочут его племянники, и мне тоже становится смешно. Молчать они соглашаются только в обмен на какую-то игрушку.

В машине становится тихо.

– Как там твоя группа, Санни? – спрашивает меня Джонатан.

– Все хорошо, – бодро отвечаю я. – Репетируем.

– Не расстраиваешься из-за конкурса? – осторожно уточняет композитор. – Он был... не слишком честным.

Я тут же вспоминаю группу «Стеклянная мята», которая победила в нем – их ведь уже взяли в ротацию.

– Нет, – улыбаюсь я. – Да бросьте, Джонатан. Они молодцы, что смогли пробиться. А что касается нечестности... Я не могу их судить. Не хочу. И даже не хочу думать об этом.

– И правильно, Санни, – кивает Джонатан. – Иногда лучше не думать о том, что творится в мире шоу-бизнеса.

– Много грязи? – спрашиваю я.

– Достаточно, чтобы испачкаться самому, – отвечает он. – Ладно, не будем о плохом. Я хочу послушать вашу группу. Устроишь?

– Да без проблем!

За разговорами мы добираемся до питомника со скотиш-фолдами¹, и нас встречают дружелюбные хозяева – мистер и миссис Бейлор. Они с энтузиазмом рассказывают нам о породе и ее особенностях, заставив замолчать даже Питера и Элтона. Поначалу мальчишки недовольничали – они так мечтали о собаке – большой и сильной, а их привезли к котяткам. Однако стоило им увидеть маленькие пищащие кремовые и дымчато-серые комочки с голубыми глазами и трогательными крохотными ушками, как Питер и Элтон растаяли. Они осторожно гладили котят и даже пытались с ними играть.

¹ Скотиш-фолды — шотландские вислоухие кошки.

Я сажусь на корточки и тоже беру на руки одного котенка – его шерсть такая мягкая, а сам он уморительно-смешной. Я смотрю на него и улыбаюсь, чувствуя тепло в ладонях. Обожаю кошек.

Миссис Бейлор вдруг спрашивает у Джонатана:

– Для кого вы берете котенка, мистер Тейджер? Для сыночек или для дочки?

– А? – непонимающе смотрит на нее композитор и смеется. – У меня нет детей. Это мои племянники и... – Он переводит взгляд на меня и подмигивает: – И племянница.

– Ах, вот оно что, прошу извинить, – смущается хозяйка питомника. – Вы просто чем-то похожи – особенно с мисс – потому я решила, будто они ваши дети.

– Да ничего, – беспечно машет он рукой. – Вообще, я хочу сделать подарок жене. У нас годовщина.

Я отпускаю котенка, и он бежит к своей матери. Мне неловко из-за того, что меня назвали дочерью Джонатана, но в то же время неожиданно приятно. Не то чтобы я хотела отца – я давно свыклась с мыслью, что он бросил мою мать, – но это круто – пусть даже на миг представить, что такой классный и талантливый человек как Джонатан Тейджер – мой отец.

Если бы я была его дочерью, моя жизнь могла быть совсем иной.

Я отмахиваюсь от этой мысли, как от досадного недоразумения. Нельзя жить иллюзиями.

Питер и Элтон спорят, какого котенка нужно взять. У каждого из них появился свой фаворит. Питер хочет единственного в помете рыжевато-кремового котенка с шустрым нравом и янтарными глазами. А Элтону безумно нравится котенок тигровой расцветки с игривыми лапками и медовыми глазами. Братья не собираются друг другу уступать – они уже успели полюбить котят. Доходит до того, что они едва не рыдают от злости.

– Берем обоих, – решает наконец Джонатан. Он, кажется, ужасно утомился.

Мальчишки кричат от радости – их глаза светятся от счастья. Но сразу же замолкают – хозяйка питомника делает им замечание.

Обратно мы едем с двумя котятами, которые все время пищат – Питеру и Элтону приходится все время успокаивать их и вести себя почти примерно.

– Вы уверены, что это подарок Саманте, а не мальчишкам? – спрашиваю я у Джонатана.

– Уже не очень, – честно отвечает он. – Думаю, что мне стоит заехать в букинистический магазин. Знаешь, Саманта не ценит украшения, но влюблена в книги, – делится композитор. – Кстати, хочу пригласить тебя на наш праздничный ужин.

– Ох, нет, – спешно отвечаю я. – Не хочу мешать.

– Брось, кому ты помешаешь? – пожимает плечами Джонатан. – У нас будет не так уж и много гостей. Только свои. В том числе Элинора Фелпс.

Он знает, чем меня можно соблазнить.

– Но тогда мне надо будет заехать домой и переодеться – не могу же я прийти в шортах на праздник. Да и подарок...

Джонатан закатывает глаза.

– У нас все просто, Санни!

И я соглашаюсь.

* * *

Диана бесцельно бродит по комнатам, расположенным прямо над апартаментами Дастина. Она до сих пор чувствует здесь Уилшера – едва уловимый морской аромат его одеколona, который раздражает ее не меньше, чем сам Крис. Агент, усиленно делая вид, что ничего не произошло, показывает квартиру, рассказывает обо всех ее достоинствах и нахваливает так, что хочется попросить его заткнуться. Но Диана молчит. Просто слушает и молчит. Дастин рядом нет – он отошел позвонить. Диана надеется, что не Санни. Только не ей.

Она задерживает воздух в легких, бездумно глядя на высокие жемчужно-серые стены столовой. Ей до сих пор не понятно, как это могло произойти. Что за злой рок преследует ее? Или все дело в людях?..

Она всего лишь хотела купить квартиру рядом с квартирой Дастина – пока есть возможность – как подарок к приближающемуся дню рождения. Ведь когда отец узнает о том, что она не сможет петь, этой возможности не будет. Ничего больше не будет. Ничего, кроме разочарования. В очередной раз Николас Мунлайт разочаруется в своей дочери. Он не устроит экзекуций, не станет ее наказывать – в конце концов, петь или нет – ее выбор. Но Диана понимает, что не сможет перенести тяжелый взгляд отца, пропитанный ядовитым разочарованием.

Пока он не вернулся из Китая, у нее есть время еще немного почувствовать себя счастливой.

Диане кажется, что она счастлива рядом с Дастином.

Он с удивлением узнал о ее желании купить квартиру в этом комплексе, но легко согласился на то, чтобы помочь с выбором. И даже сдвинул ради нее свое расписание, перенес интервью и фотосессию на более позднее время.

Его согласие стало для Дианы лучиком света в ее персональном царстве тьмы. Но что в итоге? Объявился Уилшер и устроил скандал. Опозорил ее перед Дастином и этой самоуверенной рыжей девицей. Унизил, точно зная, куда бить.

Диана чувствует себя птицей с подбитым крылом. Она понимает, что и сама перегнула – но появление Криса ужасно разозлило ее. Откуда он тут взялся? Тоже захотел купить квартиру? Узнал о ее планах и назло ей решил их испортить? Захотел поиграть с ней снова, возомнив себя кукловодом? Да еще и Ховард с собой приволок, как собачку на поводке. Думает, что Диана будет ревновать его *к ней*?

Она невольно вспоминает, как Санни обняла его, не давая Кристиану ответить на удар Дастина. И почти тут же память подсовывает ей момент из прошлого, где она сама обнимает Кристиана, подставляя лунному серебряному свету свою обнаженную спину. А он гладит ее по волосам и целует в скулы и щеки.

Урод.

Настоящий мусор.

Диану передергивает от отвращения к самой себе. И она беззвучно выдыхает – так, что напрягается каждая жила на тонкой шее.

Агент, ничего не замечая, самозабвенно вещает о том, как прекрасен дизайн.

Возвращается Дастин, на ходу пряча телефон в карман джинсов.

– Ты в порядке? – тихо спрашивает он. В его голубых глазах – тревога.

– Да, – отвечает Диана.

Они оба знают, что она говорит неправду. Диана не в порядке. Внешне она спокойна и холодна, но внутри ее просто трясет. Как он мог?! Как этот подонок мог заявить, что они спали вместе?! Выставил ее перед Дастином шлюхой.

Ей стыдно смотреть ему в глаза.

Ей стыдно за то, что Крис вывел его из себя.

Ей стыдно, что Дастин перестанет видеть в ней девушку, и все будет как раньше, когда он сторонился ее.

Он – ее последняя надежда на счастье. И она боится потерять его. Боится так, что холодеют руки.

– Нет, ты не в порядке, – заявляет актер и берет ее за руку. От этого прикосновения Диана вздрагивает. – Уважаемый, – обращается он к агенту, и тот замолкает на полуслове, – вы не могли бы оставить нас на пару минут наедине?

Агент по продаже недвижимости тут же с улыбочкой исчезает. Кажется, он решил, что известный актер и дочь миллиардера втайне ото всех хотят завести уютное любовное гнездышко.

– Тебе нравится эта квартира? – спрашивает Дастин, внимательно глядя в бледное лицо Дианы. Как бы она ни старалась удерживать на нем маску равнодушия, сегодня у нее это получается плохо. Ей не удается скрыть печать боли.

– Нравится, – несмело кивает она.

– Ты хочешь здесь жить?

– Хочу, – чуть более уверенно говорит Диана.

– Тогда этот вопрос решен. Пусть твой агент уладит дела со всеми документами, – решает он, глянув на наручные часы, обхватывающие правое запястье. – А теперь идем. У меня есть еще немного времени.

И Дастин ведет Диану за собой – в свою квартиру. Усаживает ее на мягкий диван в гостиной и приносит горячий чай с ромашкой, мелиссой и мятой. А еще – коньяк. Сам он не пьет, но наливает – совсем чуть-чуть – Диане.

– Попробуй.

Она мотает головой – пить при Дастине не хочется. А что, если он окончательно в ней разочаруется?

Этот страх раздражает Диану не меньше, чем Кристиан Уилшер.

Диана ненавидит страх.

И ненавидит себя.

Но при этом отчаянно желает счастья. Парадокс.

– Сделай один глоток. Это тебя немного успокоит, – в голосе Дастина твердость.

– Но...

– Я же вижу, что этот придурок довел тебя, Ди, – хмурится он, – ты белая, как мел. И пальцы дрожат. Он напугал тебя? – спрашивает Дастин.

– Я его ненавижу, – вырывается у Дианы. Она смело делает глоток – коньяк обжигает рот, но дарит не только горечь, но и тепло.

– Между вами что-то было, – констатирует Дастин, чуть прищурившись. Диана, вцепившись обеими ладонями в широкую белоснежную кружку с розами, опускает серые глаза. Снова и снова она вспоминает ту ночь на крыше под звездами. Ей стыдно за то, что было *так* хорошо.

– Понимаешь, я...

Дастин прерывает ее.

– Не надо ничего объяснять. И не надо оправдываться. У любого из нас есть прошлое. Но что бы между вами ни было, Уилшер поступил как свинья. По отношению и к тебе, и к Санни.

Диане не нравится, что Дастин так легко и привычно произносит имя рыжей. Но молчит, делая крохотные глотки. Она никогда не любила травяные чаи, но этот чай приготовил сам Дастин.

– Я знаю, тебе неприятно и обидно, Ди, – продолжает он, глядя в окно, за которым ярко светит солнце, – но надо принять, что в нашей жизни есть, были и будут люди, которые втаптывают нас в грязь. Принять это, понимаешь? – настойчиво спрашивает он и дотрагивается до ее волос. Диану пронзает незримой стрелой из света. Она так устала от всего того, что происходит в ее жизни, но эти простые прикосновения дарят ей неожиданное умиротворение. И ровный голос Дастина – тоже.

– Принять не головой, а сердцем. То, что нас тревожит, разочаровывает и страшит. А потом отпустить. И жить заново, с новой силой.

– Легко сказать, – снова вырывается у Дианы против воли.

– Легко, – соглашается Дастин. – Но если я это делал – несколько раз, то и ты сможешь. Успокойся, забудь обо всем, отпусти, – продолжает он. – И просто живи.

– Он никогда раньше так не поступал, – зачем-то рассказывает Диана. – Что бы я ни говорила и что бы ни делала. Он улыбался и продолжал уверять, что любит. Но в последнее время словно с ума сошел. И я ненавижу его еще больше, чем прежде.

– Откуда такая ненависть? – спрашивает Дастин. – Что он сделал? Обидел, подставил, изменил?

– Заставил меня поверить в то, что я – такая же грязная, как те, кого всегда презирала, – отвечает Диана, еще сильнее сжимая горячую кружку. – Он просто соблазнил меня за день. Мы напились и провели вместе ночь. Ужасно стыдно, – зажмуривает она глаза, забывая, что на ресницах – тушь. – И вместо того чтобы исчезнуть из моей жизни, Уилшер сделал ее невыносимой. Постоянное напоминание того, как я низко пала.

Диана молчит о том, что в какой-то мере внимание Кристиана всегда ей нравилось – она просто не осознавала этого.

– Ошибки совершает каждый, – невозмутимо отвечает Дастин. – Но это не повод ненавидеть себя. Однажды я доверился человеку, которого любил – по крайней мере, думал, что любил. Рассказал самое сокровенное. И...

– И что? – смотрит ему в лицо Диана.

– И она исчезла, – смеется Дастин. – Забрала все мои бабки и исчезла. До сих пор не знаю, где она и что с ней. Забавно, да?

– В этом нет ничего забавного.

– Почему же? Есть. Я любил человека и доверял ему. А она меня развела. Но это не повод для того, чтобы я решил возненавидеть и себя, и всех женщин в мире. Нет, я, конечно, первое время страшно бесился. Даже напился, помню, а потом устроил драку в баре – из-за этого на меня вышла первая скандальная статья, – усмехается Дастин. – Но потом принял. Забыл. И живу дальше. Все, что у меня осталось от нее – кулон. Спасибо еще раз, что отдала мне его назад.

Он достает тот самый кулон в виде черной пули, который Диана с трудом вырвала из мерзких лап Жадной Дастиноманки. И вертит его в пальцах.

– Зачем ты его хранишь? До сих пор любишь ее? – ревниво спрашивает Диана.

– С ума сошла? Конечно, нет, – морщится актер. – Да и не думаю, что это была любовь. Так, юношеская страсть, гормоны, максимализм и моя тупость. Когда она ушла, оставила мне лишь записку. В этом кулоне. С одним словом. «Прости». И с тех пор я ношу этот кулон как символ того, что никому и никогда не должен верить. Он помогает мне не забыть, кто я и откуда. Мой психотерапевт сказал, что это хорошая идея.

Дастин прячет кулон под футболкой. И Диане он кажется живее всех тех, кого она знает. Дастин – *настоящий*.

Они сидят рядом – плечом к плечу – и просто разговаривают, попивая травяной горячий чай. Диана чувствует, как внутри нее медленно разливается тепло. Рядом с Дастином, в его гостиной, на мягком диванчике, на спинку которого падают косые лучи солнца, ей становится спокойно и хорошо. В какой-то момент Диану начинает клонить в сон – она не спала всю ночь, просидев у открытого окна, погруженная в свои раздумья.

– Ты придешь ко мне на день рождения? – бормочет она.

– Приду, – отвечает он.

Ее глаза закрываются. Голова падает на плечо Дастина. Время замедляется, останавливает свой бег, а потом и вовсе теряется, растворяясь и оставляя лишь желание сохранить этот момент навсегда.

Сон теплым одеялом окутывает Диану. И ее уносит вверх, по косым лучам солнца, в сияющее чистотой небо. Ей снится, что она летает, касаясь кончиками пальцев молочных облаков – они на глазах превращаются в пломбир. И Диана даже пробует его на вкус. Она пролетает над небесным перекрестком, наслаждаясь видами города, а потом вдруг стремительно падает

вниз. В знакомый уже туннель. И снова она бежит изо всех сил. И снова за ее спиной гудит приближающийся поезд. И снова его яркий свет бьет ей в спину, предупреждая, что вот-вот случится непоправимое.

Диана просыпается с гулко колотящимся сердцем, резко садится, откидывает откуда-то взятый плед в сторону и оглядывается по сторонам. Она – в незнакомой темной комнате – сюда попадают лишь отблески света с вечерней улицы. Вокруг – ни души.

Диана не сразу вспоминает, что находится в квартире Дастина. Она встает, идет к окну и распахивает его, впуская в гостиную свежий воздух и звуки большого города. Сырой легкий ветер треплет ей волосы, и Диана наслаждается панорамой. Совсем скоро этот чудесный вид будет доступен ей в любое время – когда она станет хозяйкой квартиры на этаже выше. Оттого, что Диана спала на неудобном диване, у нее тянет спину, но ей все равно. Главное, что Дастин был рядом.

Он словно ее соломинка, ее спасение. Не такой, как все. Не такой, как Кристиан Уилшер.

Не закрывая окно, Диана включает свет – он мягко льется с высокого белоснежного потолка – и видит на столике перед диваном, на котором спала, поднос с холодным лимонным кофе и шоколадом. А рядом лежит записка.

«Мне пора на съемки. Не хочу тебя будить. Когда проснешься, выпей кофе. Но если проголодалась – мой холодильник открыт для тебя, как и дверь моей квартиры. Буду рад твоему соседству. Д.Л.»

Диана несколько раз перечитывает записку и смеется. Она берет кофе с собой и зачем-то идет осматривать дом Дастина, заглядывая во все комнаты. В его спальне она не выдерживает и падает спиной на мягкую широкую кровать, раскинув руки в стороны. Ей нравится эта квартира. И хочется бывать здесь почаще. К тому же скоро это станет возможным...

Больше всего Диане нравится гардеробная Дастина – сразу видно, что он – человек со вкусом. Она рассматривает полки с его аккуратно разложенной одеждой. Проводит кончиками пальцев по рядам рукавов висящих пиджаков и рубашек. Касается галстуков и ремней, дотрагивается до часов.

А потом Диана находит... женский красный лифчик.

Откуда он тут взялся, она понятия не имеет. И почему хранится на одной из полок рядом со свитерами, – тоже.

Диана брезгливо цепляет столь интимный предмет женского гардероба двумя пальцами, рассматривает внимательно, и на лице ее появляется презрительное выражение. Ее сердце сжигает ревность. Кого Дастин приводит домой? Или это принадлежит его бывшей девушке Марго Белл?

Этого не должно быть в доме Лестерса. Она выбрасывает лифчик, а потом тщательно моет руки с мылом.

Кроме того, Диана немного удивлена тем, что нашла во второй гостиной, оборудованной под домашний кинотеатр. Пустые бутылки из-под пива и упаковки из-под чипсов. Дастин кажется ей ужасно аккуратным человеком, который не позволит оставить после себя грязь. Почему-то ей кажется, что это намусорил его менеджер. По словам Дастина, Хью часто остается ночевать в его квартире – у него даже своя комната есть.

Диана возвращается в гостиную и видит, как светится экран телефона – кто-то звонит ей, но стоит беззвучный режим.

Она хватается за мобильник – это мать. И она звонила много раз. Много-много раз.

Диана чертыхается и принимает звонок.

– Да, – говорит она ровным голосом.

– Диана Эбигейл Мунлайт! – слышит она возмущенный голос Эммы. – Где ты пропадаешь? Я несколько часов пытаюсь до тебя дозвониться.

– Я заснула. Прости.

– Что значит – заснула? Где? – не понимает мать. – Ты же сказала, что едешь смотреть квартиру с Кристианом.

– В квартире, которую смотрела, – отзывается Диана. – Здесь очень уютно. – Агент не стал меня будить.

– А почему тебя не стал будить Крис? – с нажимом спрашивает мать, и Диана чувствует в ее голосе предостерегающие нотки. – Не потому ли, что его с тобой не было, милая?

Проклятый Уилшер.

– Да, – ровным голосом отвечает Диана. – Мы поссорились.

– Что за глупости. Из-за чего вы поссорились? – злится Эмма.

Диана молчит. На нее накатывает холодная волна гнева.

– Ну же. Ответь, пожалуйста.

Что сказать матери? Правду? Пусть знает правду.

– Я сказала ему, что он мусор, – ледяным голосом отвечает Диана, кидая эту правду матери в лицо, – а он на людях заявил, что когда я с ним сплю, то другого мнения о нем.

– Что, прости? – переспрашивает ошарашено Эмма. – Ты с ним... что?

– Сплю, – подсказывает Диана со смешком.

Мать выдыхает, явно сдерживая себя от криков – возможно, рядом кто-то есть.

– Жду тебя дома, – отрывисто произносит она. – Немедленно.

– Я возьму такси, – сообщает Диана. Ей смешно.

– Нет, за тобой приедут, – сквозь зубы говорит мать.

За ней действительно приезжают люди Эммы – через полчаса. И Диана садится в огромный внедорожник рядом с молчаливой Джессикой.

– Все в порядке, мисс Мунлайт? – уточняет она своим сухим тоном, который всегда раздражал Диану.

– В порядке.

Пусть все будет в порядке.

Пусть все будет так, как она хочет.

Пусть все будет по законам ее сердца.

Диана снова засыпает, но ее будит мелодия Баха, стоящая как звонок на телефоне Джессики – Токката и fuga ре минор, переложенная на гитару. Необычное исполнение – Диана просыпается из-за звуков музыки, но не размыкает ресниц.

– Слушаю, – отвечает Джессика тихо – ее никто не слышит, кроме Дианы. Между ними и водителем перегородка.

– Я приеду в выходной, как мы и договаривались, – продолжает секретарь матери. – Послушай, Кэт, не стоит нервничать. Хорошо? Аар... – она осекается. – Он сейчас очень занят. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Переговоры длятся с самого утра. Это же огромные деньги. Я понимаю тебя, поверь. Как никто другой. Ты же знаешь. Хорошо. До встречи.

Диана удивлена, что сухая Джессика может быть такой участливой.

А потом она снова погружается в сон.

*Ты сминаешь солнце в ладонях,
Забывая, что холод исчез.
Отправляешься, света не поняв,
На большой перекресток небес.*

Глава 3

Венок из хрустальных подснежников

*Когда ты смотрела на меня,
я видел твои глаза и ничего больше.
Но когда ты протянула мне руку,
я смог разглядеть твою душу.*

Мы возвращаемся назад в город тогда, когда на улицы опускается мягкий вечер, постепенно и неровно окрашивающий небо звонкой медью. Я наблюдаю за тем, как по окнам зданий следом за нами бежит солнечный яркий отсвет, и, как ни странно, настроение у меня хорошее. Силой воли я заставляю себя не вспоминать о том, что было сегодня. И не отвечаю на сообщения Лестерса, которыми он закидывает меня, словно крохотными бомбами, требуя, чтобы я ответила.

«Где ты?»

«Ты в порядке?»

«Почему ты не отвечаешь?»

«Хватит меня игнорировать, Франки».

«Серьезно».

«Это бесит».

«Да какого черта ты молчишь, рыжий монстр?!»

Я ловлю себя на мысли, что благодарна ему за то, что он вступился за меня. Но меня до сих пор злит то, что он был с ней. С Дианой Мунлайт.

Мальчишки сзади почти молчат – лишь мяукают котятка. Джонатан рассказывает забавную историю, которая случилась с ним на вручении Грэмми в прошлом году, я слушаю его и улыбаюсь. Этот человек – настоящий вихрь позитива. Джонатан заряжает бодростью и каким-то необъяснимым, но весьма отчетливым желанием творить. Писать, играть, петь. Быть на волне созидания. Идти следом за светом и самому становиться этим светом. Искрить, фантазировать, развиваться. И мне он нравится все больше и больше – я верно почувствовала его душу через его музыку. Еще до того, как мы познакомились лично.

По пути мы заезжаем в букинистический магазин, где Джонатан покупает Саманте подарок – целую коллекцию книг в золотистых переплетах. И пока он общается с продавцом, с которым, судя по всему, давно знаком, я хожу между полок и осматриваюсь. Никогда раньше мне не приходилось бывать в таких магазинах. Он похож на небольшую библиотеку с узкими проходами между массивными стеллажами с тысячами книг. Здесь так же тихо и спокойно, и даже пахнет старыми страницами, пылью и еще непрочитанными историями. Я касаюсь кончиками пальцев корешков, с удовольствием вытаскиваю томики и листаю их, разглядываю обложки и форзацы... И думаю, что, наверное, у каждой книги есть своя музыка. Ее услышит лишь тот, кто сможет полностью проникнуться ею – не героями, сюжетом и идеями, а тем особым духом, который вложил в нее писатель.

Музыка есть во всем.

Наугад я беру очередную книгу и понимаю, что в руках у меня старое, слегка потрепанное издание «Таинственного сада» Фрэнсис Элизы Бернет с иллюстрациями. Эту книгу читала мне бабушка в детстве, а когда я научилась читать, то и сама не раз перечитывала ее. От этой книги, напечатанной давным-давно, раньше, чем была построена Пауэлл-стрит, веет волшебством. Я слышу отголоски ее переливчатой мелодии. Это свирель – прекрасная и нежная. И я понимаю, что должна взять эту книгу. Не для себя – для Саманты.

Я покупаю «Таинственный сад», хотя стоимость меня впечатляет. Но возвращать книгу назад мне кажется преступлением.

Тейджер с интересом наблюдает за мной. Кажется, ему приятно, что я покупаю подарок для его жены. Но я делаю это не для того, чтобы показать им обоим свою симпатию. Я делаю это потому, что я слышала звуки свирели.

– Надеюсь, Саманте понравится, – говорю я, бережно прижимая книгу к груди. – Кстати, теперь мне нужна упаковка.

Мы идем искать ее – благо, что магазинчиков на Пауэл-стритт много. И вскоре уже вновь едем обратно. «Таинственный сад» упакован в винтажную бумагу.

Когда мы оказываемся на подземной парковке, я снова думаю о том, что не должна мешать чужому торжеству. Саманта – такая чудесная женщина, что мне не хочется доставлять ей дискомфорт. Все-таки это ее праздник – ее и Джонатана. Однако композитор только небрежно и вместе с тем изящно машет рукой.

– Что ты говоришь, Санни! Саманта будет рада тебя увидеть. Она уже спрашивала о тебе. Кроме того, – подмигивает Джонатан, – мы устроим себе внеочередной медовый месяц через пару дней. Поедем на Гавайи и вспомним молодость. Только деток сплавим, – кивает она на племянников, шепотом переговаривающихся над своими котятками.

– Чертовски неловко, – вздыхаю я.

– Элинор Фелпс, – напоминает Джонатан лукаво.

Я шумно втягиваю носом воздух. Да, точно. Она.

Я должна ее увидеть.

Это мечта детства!

Мы поднимаемся наверх и идем к лифтам. Отчего-то в огромном, ярко освещенном холле мне становится не по себе. Мерещится Дастин Лестерс. И кажется, что он вот-вот выйдет из-за угла, или шагнет навстречу из лифта, или, окликнув, подойдет сзади. Не знаю, чего я опасаясь. Своей злости или своих вчерашних воспоминаний о поцелуе с ним?

Слава Всевышнему, Лестерса мы не встречаем. И спокойно попадаем в апартаменты четы Тейджеров. Саманта встречает нас в гостиной. Она все такая же улыбчивая и доброжелательная. И выглядит совсем не по-праздничному. Котьята ее не пугают, наоборот, кажется, радуют, но Саманта тотчас дает понять племянникам, что за животными ухаживают они. Она подбирает такие правильные слова, что мальчишки только согласно кивают. Они очарованы котьятами и не хотят их никому отдавать.

Увидев меня, Саманта не начинает спрашивать у мужа, зачем он приволок на праздник какую-то девчонку. Лишь приветливо улыбается.

– Рада видеть тебя, Санни, – говорит она мне.

– Надеюсь, я не слишком помешаю вам, – отвечаю я.

– Ну что ты. Мы любим гостей, – отмахивается Саманта. – Я давно хотела с тобой поболтать.

Когда я протягиваю ей подарок, она странно смотрит на меня – словно не веря. А потом приходит в восторг – это видно по ее глазам. «Таинственный сад» – одна из ее любимых детских книг. А такого издания Саманта никогда не встречала. Она так радуется, что мне самой становится тепло на душе.

– Я тоже привез тебе книги, – делано обижается Джонатан. – Но моим ты не рада.

– Ох, дорогой, ну что ты несешь, – отмахивается она.

Он наклоняется к ней и невесомо целует в щеку. А я снова думаю, что они – трогательная пара.

Мы проходим в гостиную. Она вся уставлена цветами – всюду настоящие клумбы роз, ирисов и орхидей. В воздухе витает незримый утонченный аромат – словно мы находимся в настоящем саду.

– Она любит цветы, – весело шепчет мне Джонатан, и я понимаю, что все это его рук дело. Его любовь к супруге кажется мне образцовой. Я вижу нежность во взгляде Джонатана, когда он смотрит на Саманту.

– Миссис Тейджер, – высовывается вдруг из-за угла какой-то паренек. – Вы нам нужны.

Саманта спешно покидает нас. Оказывается, дома она не одна – тут целый штат наемных сотрудников, которые готовят ужин, колдуют с алкоголем и кэнди-баром, украшают огромную террасу, где будет проходить вечеринка, и вообще делают все, чтобы она прошла отлично.

– Мы любим собирать гостей дома, – поясняет мне Тейджер. – Обожаю эти посиделки. С Элинор можно говорить часами – у нее особый голос, который просто околдовывает разум. Надеюсь, она тебе понравится.

Я не надеюсь, я в этом уверена. Пока идут приготовления к вечеринке, мы сидит с Питером и Элтоном, которые глаз не сводят со своих котят – те как раз немного успокоились и осваивают новую территорию. И я снова ловлю себя на мысли, что мне тепло – рядом с этими людьми, в незнакомом, казалось бы, доме. Чем-то атмосфера тут напоминает атмосферу в нашем старом доме, где мы жили с бабушкой и дедушкой. Конечно, он в сравнение не идет с изящными апартаментами Тейджеров, но я определенно чувствую схожесть.

В какой-то момент меня забирает Саманта и ведет в свою комнату – там прохладно и тоже пахнет розами – они стоят на окне в белоснежной, под цвет стен, вазе. Я вижу, что рядом с ней лежит подаренная мной книга – кажется, Саманта не сдержалась и прочитала пару страниц.

– Санни, не пойми меня неправильно, – мягко начинает Саманта, – но Джонатан иногда бывает глуп, как могут быть глупы только мужчины.

Я несколько теряюсь.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю я.

– Одежда, – только и говорит она. – Мне все равно, как ты одета, но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя некомфортно рядом с другими девушками и женщинами.

– Да все в порядке, – улыбаюсь я.

– Джонатан должен был позаботиться об этом, – хмурится Саманта, разглядывая меня. – Только не пойми превратно. Я действительно рада тебя видеть, Санни. Я всего лишь хочу, чтобы на нашей вечеринке ты чувствовала себя весело. Поверь, – она вдруг улыбается, но как-то странно, криво, – я знаю, что такое выделяться из толпы. Ты – солнышко. Ты должна выделяться *иначе*.

Я понимаю, о чем она. Ее кресло. Плед, укрывающий худые ноги. Сложенные на безжизненных коленях бледные руки.

Я сажусь на корточки – так, чтобы наши лица были на одном уровне.

– Вы такая сильная, – говорю я, глядя в ее спокойные глаза. – Я восхищена вами. Я восхищена тем, как вы и Джонатан сумели сохранить в своих отношениях столько тепла. И мне безумно нравится у вас. Мне даже кажется, что я оказалась дома. Вы не поверите, как я счастлива, что Джонатан позвал меня к вам, а вы разрешили остаться. Поэтому не говорите так. Мне плевать, в чем я буду, потому что мне тут нравится.

Она дотрагивается моей ладони и сжимает ее. Ее кисть теплая и сухая, но я чувствую в ней силу – внутреннюю силу.

– Ты и правда чудесная девочка. Глядя на тебя, я думаю о том, какой бы могла быть моя дочь. – Саманта рассеяно улыбается – словно далекому воспоминанию.

– Ваша дочь? – переспрашиваю я.

Она кивает.

– Когда я была беременна, я читала ей «Таинственный сад». И другие книги моей любимой Бернетт. «Маленький лорд Фаунтлерой», «Маленькая принцесса», «Исчезнувший принц». То, что мне самой читали все детство. К сожалению, я потеряла ребенка. И оказалась в инвалидном кресле.

Она медленно вздыхает – так, что опускается грудь.

И в этом вздохе – в одном только вздохе – вся ее трагедия. И боль. И страх. И потерянная надежда. И обретенная вера. И нерастроченная любовь.

Я крепче сжимаю ее ладонь. А она, найдя в себе силы отогнать воспоминание, тепло мне улыбается. И я улыбаюсь в ответ, ничего не говоря и не спрашивая. Просто держу за руку.

– Так о чем это я? – спохватывается Саманта. – Ты должна блистать. На нашей домашней вечеринке будет Мэтью Тревор – продюсер. Может быть, тебе удастся с ним пообщаться. Думаю, Джонатан не зря пригласил тебя, – она лукаво мне улыбается. – Он ужасный хитрец. Просто лис. Идем.

Она едет вперед, а я шагаю следом за ней – в гардеробную.

Это целый магазин одежды. Тут куча всего: и вещей, и аксессуаров, и обуви – несмотря на болезнь, Саманта одевается стильно и модно. Она несколько минут ищет что-то, а потом просит меня помочь ей достать платье. Оно чудесно: свободное, легкое, словно невесомое, струящееся. Сшито из тонкой летящей ткани нежнейшего молочно-лазурного цвета, приталенное и асимметричное – спереди многослойная юбка короче, сзади – длиннее. Легкое кружево – приятное дополнение, придающее легкость и толику романтики образу.

Я не слишком люблю платья, предпочитая удобные джинсы, но это меня впечатлило.

– Это платье сделала для меня когда-то моя подруга, Дженнифер Энок. Может быть, слышала что-то о ней? – спрашивает Саманта. – Дженни – дизайнер.

– Шутите? Конечно, слышала! Платье от Дженни Энок и туфли от Джимми Чу – мечта любой модной девушки, – с ухмылкой говорю я. Лилит мечтает о платье от Энок. Но не может позволить его себе.

Саманта улыбается и рассказывает историю этого наряда. Его сшила Дженни специально для какого-то праздника много лет назад, в те времена, когда жена Джонатана еще не была прикована к креслу.

Саманта легко и весело рассказывает об известном модельере, дом моды которой сейчас на пике популярности, и я слушаю ее с воодушевлением – обожаю рассказы об известных личностях. Это вдохновляет.

– Надень его, думаю, по размеру подойдет, – объявляет Саманта. – Оно слишком давно висит без дела. А я не могу выбросить. Храню. К вещам привязываюсь почти так же сильно, как и к людям.

Я переодеваюсь. По фасону платье от Дженни Энок похоже на то, что сейчас называют бохо. И носить эту воздушную вещь на себе – одно удовольствие. Оно подходит по размеру и по цвету, а невесомая ткань приятно льнет к телу.

– Тебе идет, – довольно кивает Саманта. – А вот обувь... Оставайся в кедах, – решает она. – Контрасты сейчас в моде.

Я смотрюсь на себя в зеркало с недоумением. Мне и правда нравится это платье, хотя и сшито оно было давным-давно. Мне нравится, как оно смотрится на мне. А еще мне нравится, что оно делает меня более изящной.

– Тебе идет! – восклицает Джонатан, увидев меня. – Рыжие волосы и голубой цвет...

– Светлая лазурь, – мягко поправляет его супруга.

– Ах, дорогая, для меня это все одно и то же, – отмахивается композитор. – В общем, тебе идет, Санни. Это из твоего гардероба? – спрашивает он у Саманты.

– Ты что, не помнишь? – смеется она. – Я несколько раз ходила в нем на свидания с тобой, когда мы только познакомились.

– Нет, – озадаченно отвечает Джонатан. – Я не помню, какие джинсы покупал в прошлом месяце, а ты хочешь, чтобы я помнил то, что ты надевала больше двадцати лет назад. О, женщины! – трагично объявляет он и убегает – кто-то из обслуживающего персонала зовет хозяйку дома для решения какого-то важного вопроса.

Перед началом вечеринки мною – тоже по настоянию Саманты – занимаются визажист и парикмахер, которые, приехали специально для того, чтобы навести красоту для хозяйки дома. Я пытаюсь отказаться, но Саманта непреклонна. В итоге с моими волосами возится парикмахер. Она делает легкие небрежные волны, при этом болтая обо всем на свете.

– У вас замечательные волосы, – замечает она в процессе. – Густые. И оттенок редкий, такой яркий. . . . У вас в семье были ирландцы?

– Нет.

– А много ли рыжеволосых?

– Никого, я одна, – отвечаю я со смехом. – Сама не знаю, в кого пошла.

В конце парикмахер делает мне две тонкие косички из прядок на висках и сплетает их между собой сзади.

– Бохо-шик, – подмигивает она мне.

Визажист, в отличие от парикмахера, молчит, но делает свою работу так же хорошо. Когда я снова смотрюсь в зеркало, то долго вглядываюсь в отражение – мне странно видеть себя настолько. . . женственной. С такой гладкой и ровной кожей, длинными ресницами, высокими скулами и даже, кажется, новой формой бровей.

Это какая-то другая я. В платье, с прической, грамотным мейкапом.

И в кедах.

Золушка в кедах, которая вновь попала на бал. Но только теперь это бал ее крестной феи.

– Вы сделали меня слишком красивой, – задумчиво говорю я визажисту, изучая макияж. Он кажется совершенно естественным, но я-то помню, сколько самых разных средств использовала визажист, чтобы добиться такого эффекта.

– Нет, мисс, просто вы не привыкли выделять то, что у вас и так красиво от природы. Научитесь делать это, и будете сиять, – с американским акцентом отвечает она и уходит к Саманте.

Вечеринка начинается тогда, когда на улицу опускается густая тьма, пробитая всюду огнями большого города. Терраса, где проходит основное веселье, украшена живыми цветами и нежной золотистой подсветкой, которая создает иллюзию волшебства. Играет легкая романтическая музыка. На круглых столиках стоят бокалы с розовым шампанским, украшенные разноцветной сладкой ватой, бокалы с игристым вином, смешанным с фруктовым сорбетом, бокалы с причудливыми коктейлями, края которых – в измельченных леденцах. Это выглядит так красиво и празднично, что я тайком делаю пару фотографий.

Гостей не очень много – не *так* много, как у Мунлайтов на их вилле, но с нетерпением я жду лишь одного из них – Элинор Фелпс, которая пока что запаздывает.

Джонатан и Саманта – милые хозяева, и их гости им под стать. Атмосфера на террасе легкая и непринужденная. Люди болтают, шутят, смеются, и я чувствую себя комфортно, несмотря на то, что среди гостей множество известных лиц. Меня представляют как друга семьи, что немного смущает, однако для гостей четы Тейджеров хватает этой пары слов, чтобы благосклонно улыбаться мне.

– Я помню его, – в какой-то момент слышу я за спиной незнакомый хриловатый голос и оборачиваюсь. Передо мной стоит невысокая загорелая брюнетка с покатыми плечами. Она дотрагивается до моего платья и кивает.

– Я шила его для Сэм, – говорит незнакомка. И я понимаю, что это и есть Дженни Энок. – Универсальный небесный цвет. Идет и ей, и тебе, рыжеволосая мисс.

Я спешно благодарю ее.

– Я дала его Санни, – появляется рядом Саманта. – Удивительно подходит к ее волосам, правда?

– Правда, – соглашается Дженни. – Платья не должны висеть годами. Их нужно носить, иначе они тускнеют и умирают. Платья – они как люди.

– У Дженни своя концепция, – хмыкает Саманта.

– У каждой вещи есть душа, – пожимает покатыми плечами модельер.

Мы болтаем. И я пропускаю тот момент, когда на вечеринку заявляется Лестерс. Я даже не сразу понимаю, что он тут вообще делает, и сначала мне кажется, что это галлюцинация. Но нет. Мне не кажется. Это действительно Дастин.

Он, облаченный в элегантную светлую рубашку, пиджак и черные джинсы, смотрит на меня долгим странным взглядом, словно прицениваясь. А я смотрю на него, не понимая, почему даже музыка кажется тише.

Мне хочется, чтобы Дастин подошел, и я с трудом признаюсь себе в этом. А когда он действительно направляется ко мне, начинаю злиться. Совершенно иррационально.

Дастин берет со столика два бокала шампанского с розово-голубой сахарной ватой и подходит ко мне. На его лице – лукавая улыбка. Он осматривает меня сверху донизу, протягивает один из бокалов и говорит чуть хрипловато:

– Удивлен. Франки может быть девушкой. Красивой девушкой. Это слишком большое потрясение. Кажется, кружится голова, – касается он указательным пальцем виска. Клоун!

– Звучит как комплимент, но мне кажется, что это завуалированное оскорбление, – отвечаю я, пробуя вату на вкус. Приятно и сладко.

– Нет, что ты, Франки. Я искренен. Ты обворожительна. Это ради меня ты пробралась сюда такая красивая? – продолжает он.

– Притормози. Слишком самоуверенно, Луноход, – отвечаю я.

– Кто? – не сразу понимает он.

– Где потерял свою Лунную Сонату?

Дастин смеется.

– Ты такая забавная. Кстати, Франки, тебя не учили, что не стоит грубить по телефону, а на сообщения, наоборот, стоит отвечать? – спрашивает он вдруг тихо.

А тебя не учили, что неприлично вечером целоваться с одной девушкой, а утром приходить на свидание с другой?

Но я не говорю этого. Молчу. И залпом выпиваю шампанское. Оно чудесное.

– Ты переживал из-за меня? – выгибаю я бровь.

– Да, черт возьми, я переживал, – вдруг сообщает Лестерс. – Ты ушла с этим чокнутым Уилшером. Мало ли, что он...

Он не договаривает – к нам подходит Джонатан, который успевает побывать всюду и пообщаться со всеми гостями.

– Добрый вечер! – жмет он руку Дастину. – Приятно видеть тебя, старина. Вы уже познакомились? – смотрит он на нас и представляет друг другу. – Это Санни, друг нашей семьи, талантливая девочка. А это Дастин Лестерс, прекрасный актер, а еще наш сосед. Отличный парень!

– Я его фанатка, – тоненьким голоском сообщаю я. – Обожаю фильмы мистера Лестерса. Он такой талантливый.

Дастин кашляет от неожиданности.

– Правда? – озадачивается Джонатан, не чувствуя подвоха. Я усердно киваю – волосы тут же непослушной рыжей гривой рассыпаются по плечам.

– Конечно, – отвечаю я, насмешливо глядя на Лестерса. – Мистер Лестерс просто невероятный. Такой классный! Я от него тащусь. Смотрю его работы и плачу.

– Надеюсь, вы плачете не от того, что моя игра вызывает лишь жалость, – сухо говорит Дастин. Взгляд его не слишком довольный.

– Нет, что вы! – восклицаю я. – Вы играете замечательно! Потому на слезу и прошибает. Можно, я пожму вашу руку? Для меня это честь, сэр.

Он не успевает ответить – я хватаю его за теплую сухую ладонь и интенсивно трясусь.

– Вы невероятный, замечательный, красивый, – скороговоркой произношу я. – Господи Иисусе, вы подарок этому миру, мистер Лестерс!

Дастин вырывает руку, хватая меня за запястье и подносит мою ладонь тыльной стороной к губам. А затем целует, как подобает джентльмену, встретившему благородную леди.

Но он-то не джентльмен, да и я совсем не леди!

– Вы такая чудесная, Санни, – воркует Дастин, перенимая мою игру. – У вас есть парень или муж?

– К сожалению, да, – отвечаю я, украдкой вытирая руку о платье.

– Как же жаль! Ведь я мог позвать вас на свидание.

– А у вас кто-то есть? – спрашиваю я. – Говорят, вы встречаетесь с Лунной Чаровницей?

– Неверно говорят. Сейчас я в поиске. Нашел вас, а у вас есть парни.

– Парень, – поправляю я его. Он хмыкает.

Джонатан наблюдает за нами с веселым недоумением. Кажется, он понимает, что мы давно знакомы.

– Как хорошо, когда поклонник встречается кумира, – замечает он. – Между прочим, вы забавно смотрите вместе.

– А вы не могли бы нас сфотографировать? – спрашиваю я, продолжая играть роль типичной фанатки. И достаю телефон. Джонатан легко соглашается.

Я буквально вешаюсь на Дастина, улыбаясь при этом так, будто выиграла миллион. Возможно, я выгляжу глупо, но выводить Лестерса из себя доставляет мне удовольствие.

Вцепившись в руку Лестерса и жарко дыша ему в плечо, я трогательно приподнимаю ногу, как целующиеся девочки в аниме. Джонатан смеется, а гости оборачиваются на нас с улыбкой.

– Хватит, – шипит мне на ухо Лестерс, а я в ответ звонко чмокаю его в щеку, за что получаю тычок в ребра.

– Я так счастлива! – извещаю я его, позируя для камеры.

Едва отцепившись от меня, Дастин строит за спиной отвлекшегося на кого-то из гостей Джонатана весьма унылую физиономию. У него отлично получается показывать отвращение. В ответ я аккуратно высовываю кончик языка. Дастин недобро на меня смотрит и решает подразнить в ответ – показывает средний палец в лучших традициях классического плохого мальчика. Правда, ему не везет – в это время к нему оборачивается Джонатан.

– Старик, это ты мне? – спрашивает он с ухмылкой.

– Нет, – сердится Дастин.

– Санни? – еще больше веселится Джонатан.

– Гипотетическим критикам, – вмешиваюсь я. – Знаете, мало кто замечает истинный талант мистера Лестера. Многие критикуют его за якобы плохую актерскую игру. Но это не так!

Дастин морщится.

– А можно мне ваш автограф? – певуче спрашиваю я.

– К сожалению, нет с собой ручки и бумаги, – отвечает Лестерс.

– Я принесу! – сообщает Джонатан – мы явно его веселим. Он исчезает.

– Ты что несешь? – тут же меняется в лице актер. – С ума сошла, рыжий монстр? С каких это пор ты стала моей фанаткой?

– Ни с каких, – отвечаю я. – Просто ты так мило реагируешь, Доставка. А, прости, теперь ты Луноход.

– Так по-детски, – щурится он.

– А Франки и рыжий монстр – это так по-взрослому, – парирую я. – Кстати, почему Франкенштейн? Я что, похожа на создателя чудовищ?

Кажется, Дастин и сам не знает, почему так зовет меня.

– Ты такая же сумасшедшая, – выдает он, а я краду из его бокала вату. Мне весело.

– Я не могу понять тебя, Ховард, – задумчиво говорит Дастин. – Вчера ты просила, чтобы я тебя поцеловал – тебе же понравилось, да? Сегодня ты игнорировала мои сообщения и почти послала по телефону. Сейчас веселишься. Что с тобой?

– Не знаю, Луноход, – пожимаю плечами я, ловя себя на кощунственной мысли – хочу, чтобы Дастин обнял меня и снова поцеловал. То ли из-за шампанского, то ли из-за этого желания мои щеки начинаю гореть.

– Почему ты сегодня была с ним? – требовательно спрашивает вдруг Дастин.

Он про Кристиана?

– Уилшер попросил меня об одолжении. А что ты делал с Мунлайт?

– Ты не поверишь, Франки, но она тоже попросила меня об одолжении, – насмешливо заявляет Лестерс. И вдруг, склонив голову набок, говорит: – Ты ревнуешь.

– Кого? Тебя? Не слишком ли много самолюбования?

Я снова начинаю злиться. Но желание поцеловать его не проходит.

– Я тебе нравлюсь, и ты меня ревнуешь, – делает глоток шампанского Лестерс. Как же он сияет в эти секунды.

– Может, я тебе *нравлюсь*? – спрашиваю я. – И *ты* меня *ревнуешь*?

– Я ведь Луноход, – продолжает он издевательским тоном. – Как же я могу?..

– Тебе не идет шутить, – отвечаю я. – Твои шутки слишком унылы.

– Можно подумать, что ты – прирожденный стендап-комик, – фыркает он.

– Это все уровень развития мозга, – отвечаю я, зная, что нарываюсь. – У меня он более развит, чем у тебя. А юмор зависит от интеллекта. Высокий интеллект – хорошее чувство юмора. Низкий – чувство юмора, как у тебя.

– Это твоя защитная реакция, поэтому я даже не злюсь, – ничуть не смущается Лестерс и дотрагивается указательным пальцем до моих губ – я тут же бью его по руке.

– Видишь? Ты меня хочешь, но не можешь это признать, – нахально продолжает Дастин.

– А ты?

– А что я? Я позволю тебе меня хотеть.

Возвращается Джонатан, и мы замолкаем. Он протягивает Дастину маркер и блокнот, судя по всему, позаимствованный у племянников, которые не выходят из своей спальни.

– Милая Санни, – с притворным ужасом заявляет Лестерс, довольно-таки противно улыбаясь, – я с удовольствием оставлю вам автограф, но не на груди. Давайте больше не будем об этом говорить. Мне и так ужасно неловко.

Я вспыхиваю – его слова звучат ужасно правдоподобно, будто бы я и правда просила его оставить автограф на груди в отсутствие Тейджера. Наверное, он думает, что мы оба не в себе.

– Я буду рада и на бумажке, – смиренно произношу я. – Заклучу в рамочку и повешу на стене. Но мне так хотелось сделать тату в виде вашего автографа. Весь наш фан-клуб обзавидовался бы.

– Тату и на руке можно сделать, – замечает Дастин, и пока до меня доходит смысл его слов, он хватает меня за руку и размашисто пишет маркером на предплечье.

Глядя на его весьма кривой автограф, я чувствую ярость. Лестерс словно поставил на мне клеймо.

– Как мило, – сквозь зубы говорю я. – Не буду мыть эту руку неделю.

Однако больше я ничего сказать не успеваю – вижу, как к нам направляются Саманта, Элинор Фелпс, Октавий и... Лилит. Что подруга делает здесь, я не понимаю. Да и она явно не может взять в толк, что я забыла на вечеринке по случаю годовщины Саманты и Джонатана Тейджеров.

Мы разглядываем друг на друга с немым потрясением. Для нас обеих эта встреча – сюрприз.

Лилит выглядит потрясающе. На ней молочное приталенное платье без бретелей и с пышной короткой юбкой, белоснежные туфельки и изящные длинные серьги. Черные волосы блестят – они абсолютно ровно уложены. На лице – легкий мейк. Подруга похожа на изящную куклу.

Октавий смотрит на нее задумчиво и в то же время несколько собственнически. Не как знаменитость на фанатку, а как мужчина на женщину.

На какой-то миг мне кажется, что Лилит – игрушка Октавия, который красиво одевает ее, чтобы наслаждаться. Однако то, что он держит ее за руку, мне нравится. Это смотрится нежно и естественно – никакой показушной карамельной сладости, от которой сводит зубы. Кроме того, они кажутся красивой парой – если, конечно, не знать, что Лилит всего лишь играет роль девушки Октавия. Лилит чудесна, а Сладкий традиционно до ужаса красив. Он будто модель, сошедшая с подиума.

Саманта как хозяйка вечера представляет нас друг другу. И я, и Лилит понимаем, что лучше не говорить о том, что мы и без того отлично знаем друг друга. Даже Дастин с Октавием понимают это. Они лишь дают понять, что уже знакомы – поверхностно. Будто и не убежали из нашего дома в масках Кинг-Конга и безумной ведьмы.

– Это Санни, друг семьи, начинающий музыкант, – представляет меня Саманта. Я не знаю, почему она так добра со мной. Лилит и Октавий, в голубых глазах которого плещется смех, говорят, как приятно им познакомиться со мной. А Элино́р Фелпс, которую они сопровождают, улыбается. Может быть, она не такая потрясающе-красивая, как на экране, но я чувствую в ней достоинство. Все, как и рассказывала Лилит, Элино́р – женщина, которая знает себе цену и которая вызывает невольное уважение.

– Для меня честь познакомиться с вами, – говорю я с некоторым волнением. – Ваши песни навсегда в моем сердце.

– Как же приятно, что меня не забывает молодежь, – отвечает Элино́р.

– Вас невозможно забыть, – я совершенно честна, но боюсь, что эти слова будут восприняты как лесть. – Для меня вы та, на кого нужно равняться.

– Санни очень хотела познакомиться с тобой, – произносит Саманта. – Я не могла не представить вас друг другу.

– Очень талантливая, – кивает Джонатан.

– Ты поешь, девочка? – спрашивает Элино́р, внимательно глядя на меня.

– Занимаюсь вокалом и играю на гитаре, – отвечаю я.

– Профессионально или баловства ради? – продолжает она.

– Надеюсь, что первое.

– Учишься?

– В школе искусств Хартли.

– Почему не школа музыки Фэрланд?

– Не попала на прослушивание, – честно отвечаю я. Элино́р кивает, принимая к сведению. Да, я мечтала учиться там – там, где училась знаменитая певица. И мечтала выступить в Кёрби-центре, но... Но не всегда все получается так, как мы хотим.

– Джонатан не будет говорить о таланте, если его нет, поэтому я желаю тебе в полной мере реализовать его, – заявляет Элино́р с одобрением. – Вижу, ты серьезно настроена.

Ее слова для меня безумно важны – я запомню каждое из них.

– Не отступай, девочка, – улыбается мне та, которую раньше я видела только по телевизору и один раз на сцене во время выступления. – Однажды, надеюсь, я услышу, как ты поешь.

Я от всей души благодарю ее. И спрашиваю, можно ли взять автограф на память. Если Элино́р не затруднит. Возможно, не стоило этого делать, но я не могу сдержаться.

– Без проблем, девочка, – кивает Элино́р и поворачивается к Октавию: – Милый, принеси мне бокал шампанского с клубникой, будь добр. Где расписаться? – спрашивает она уже у меня.

– У милой Санни свободна правая рука, – подает голос Дастин. Я обжигаю его не самым приветливым взглядом, но вовремя вспоминаю про маркер и блокнот, который принес Джонатан.

Когда Элинон и Тейджеры отходят от нас, я не знаю, от чего я в большем шоке. От того, что пообщалась с самой Элинон Фелпс, или от того, что встретила с Лилит, у которой глаза круглые, как блюдечки.

– Санни! Что происходит? – спрашивает она.

– Занятно, – насмешливо говорит и Октавий. – Не ожидал встретить вас обоих. Кстати, – обращается он к Дастину, – надо будет еще как-нибудь съездить в бар.

– Без проблем, приятель, – отвечает тот.

Я испытываю очередную дозу удивления – эти двое, что, уже спелись?

– Что ты тут делаешь? – спрашивает слабым голосом Лилит. – Ты пришла с ним? – она стреляет глазами в Лестерса.

– Мы не вместе! – закатывает он глаза. – Меня пригласили мои замечательные соседи Тейджеры.

– Как и меня, – говорю я.

– Откуда ты их знаешь, Франки? – тут же пристаёт ко мне с расспросами Дастин.

– Какая тебе разница? Знаю, и все. А ты здесь откуда? – смотрю я в упор на Лилит.

Та вздыхает.

– Когда ты ушла, позвонил Сладкий и попросил сопровождать его на вечеринку, – отвечает подруга.

– Сколько раз повторять, – с раздражением говорит Октавий. – Я не сладкий. Не горький. Не кислый. И у меня есть имя. Ричард. Не разочаровывай меня.

Он кладет руку ей на плечо, и подруга меняется в лице – она с трудом сдерживает довольную улыбку. Ей наверняка нравятся эти прикосновения. А меня вновь посещают невольные воспоминания – того, как Лилит и Октавий вчера целовались в ее комнате. Это было слишком горячо.

– Ох, Санни, ты такая хорошенькая! – восклицает Лилит, дотрагиваясь до моих волос. – Как принцесса. Это платье тебе так идет! А какой мейк!

– Даже я удивлен, – встречает Лестерс. – Оказывается, и такую, как рыжий монстр, можно привести в порядок.

– Пошел ты, – не выдерживаю я.

– Как грубо, – улыбается Дастин ехидно.

– Ты не заслуживаешь иного.

– Поцелуй меня, – тонким голосом выдает этот идиот и потешно делает губы трубочкой, наклоняясь ко мне. Я отпихиваю Лестерса, но он не отстает. И тогда я, вспыхнув как спичка, резко беру его за ворот рубашки и тяну к себе. Хочет поцелуй? Да пожалуйста.

Или его хочу я?

Когда между нашими губами остается жалкая пара дюймов, он резко отстраняется.

– Вот же ведьма, – тихо говорит он. – Не понимаешь шуток.

– Да уж, шутки твоего уровня мне не понять, Лестерс.

Мы с неприязнью смотрим друг на друга.

– Вы весьма интересная парочка, – замечает Октавий, лениво попивая шампанское. Лилит почему-то смеется в кулак.

– Мы не парочка, приятель, – скалится Дастин. – Да, рыжий монстр?

– Если ты не сделаешь над собой усилие и не заткнешься, я за себя не отвечаю, – честно предупреждаю его я.

Он веселится. А когда я почти прихожу в себя, зовет меня танцевать – как раз начинает играть подходящая для медленного танца музыка, и несколько пар уже вышли на импровизированный танцпол.

– Не пойду, – упираюсь я. – Лестерс, что ты ко мне привязался?!

– Тебя и платье не исправит, – ворчит он и приглашает какую-то красивую девушку в соблазнительном малахитовом наряде, которая моментально соглашается. Следом Октавий протягивает руку Лилит, и они тоже танцуют. Оба не только отлично сложены и обладают пластикой, но и знают, как нужно двигаться под музыку. Лилит до сих пор занимается танцами в Хартли, а Октавий много танцевал в бытность солистом «Пепельных цветов».

Я смотрю, как они легко кружатся, глядя друг другу в глаза, словно влюблены по-настоящему, и мне тоже хочется танцевать. Однако все, что я умею – это отрываться под тяжелую музыку, ну или под электронную – в клубах. Классическими танцами я никогда не занималась.

Я пью голубой сладковатый коктейль с подкрашенным льдом и гуляю по террасе – она впечатляющих размеров и так красиво украшена, что мне кажется, будто я попала в какой-то волшебный сад. Многих гостей я не знаю, но некоторых узнаю, и понимаю, что это не просто вечеринка, это – концентрация бомонда Нью-Корвена. Здесь очень много творческих людей: актеров, художников, музыкантов, писателей, и мне чудится, что атмосфера в доме Тейджеров тоже особая – творческая.

Отличная подпитка для «Небесного радио».

С коктейлем в руках я стою у перил и люблюсь открывающимся видом – кажется, что город растворяется в небе. Я провожаю взглядом далекие самолеты, вижу, как летит квадрокоптер, снимающий ночную панораму, слышу где-то вдалеке раскаты фейерверков. Ночной город живет своей жизнью.

Голос Элинора, которая стоит неподалеку вместе с Джонатоном и несколькими гостями, словно будит меня.

– Дочь Николаса потрясающая, – говорит она собеседникам. – Даже не думала, что она так поет.

Меня словно стрелой пронзает. Я замираю.

– Николаса Мунлайта? – переспрашивает кто-то.

– Его самого. Николас поручил девочку Уолтеру. А уж каким бы идиотом он ни был, но раскрутить ее сможет, тем более с ее талантом, – уверенно продолжает Элинора. – Джонатан напишет для нее песню.

– Да, я уже работаю над этим, хотя ни разу не слышал Диану, – подтверждает Тейджер.

– Она действительно так хорошо поет? – со скепсисом спрашивает стоящая там же Дженни. – Или Николас Мунлайт хочет, чтобы она хорошо пела?

В ее вопросе явный намек. Некрасивый намек.

– Дорогая, ты же знаешь, что в подобных вопросах я никогда не лгу, – холодно отвечает ей Элинора. – Дело принципа – от этого зависит моя репутация. Если бы дочь Николаса, моего, прошу заметить, хорошего друга, имела отвратительный или даже средний вокал, Николас бы первым узнал это от меня. Заявляю, что Диана Мунлайт поет прекрасно. И из нее получится великолепная певица – при условии, что она будет развиваться и дальше, – отрезает Элинора.

Меня они не замечают.

Я знаю, что это глупо. Знаю, что это моя вина. Я сама согласилась на это. Но...

Мне больно слышать о том, что Диана – талантливая.

Ведь это я пела вместо нее. Я.

Мне хочется, чтобы мой кумир Элинора Фелпс хвалила *меня*, а не *ее*.

Это ведь справедливо. Справедливо, черт побери!

Их разговор продолжается. А я просто ухожу в другой конец террасы, прячась за декоративными деревьями, обвитыми фонариками. И выплескиваю остатки коктейля – они растворяются во тьме.

Мне кажется, что в ней растворилась я сама.

Вместо злости на плечи наваливается усталость. Вся эйфория от встречи с Элинон пропадает. И остается лишь глупое изнеможение.

– Франки, – слышу я рядом с собой голос и вздрагиваю – позади стоит Дастин. – Вот ты где прячешься? Накидываешься? – смотрит он на пустой бокал.

– Я не в духе, – сообщаю я ему.

– Ты так обиделась, что я пригласил другую? – смеется он.

– Почему ты так заиклен на себе? – прямо спрашиваю я.

Он делает недоумевающее лицо.

– Вообще-то, это шутка, Франки. Есть те, кто шутит о том, что ниже пояса, а я шучу о себе.

– Как мило. Но я уже сообщила свое мнение о твоих шутках.

– Эй, рыжая, твое унылое лицо мне не нравится.

Он берет меня за руку, переплетая свои пальцы с моими.

– Пока ты тут грустишь, пройдет вся жизнь. Идем танцевать.

– Нет.

– Идем. Даже если у тебя деревянные ноги и негнущиеся руки, я выдержу, – веселится Лестерс. – Ты можешь повиснуть на моей шее, а я буду таскать тебя за собой в ритме музыки.

Он смеется. И это так заразно, что я тоже улыбаюсь.

– Серьезно, – спрашивает Дастин. – Что случилось?

– Тебе казалось когда-нибудь, что ты себя продаешь? – спрашиваю я, сама не зная зачем.

– Актеры продают себя каждую минуту. Это наша профессия, – отвечает он задумчиво.

– Я не об этом. Приходилось ли тебе переступить через себя? – я бобсмотрю в его лицо.

На него падают глубокие резкие тени, и это придает ему какой-то драматический эффект.

В который уже раз я ловлю себя на мысли, что Дастин красивый.

– Разное бывало, – задумчиво отвечает он. – Или ты думаешь, что я сразу таким появился на свет? Я кажусь тебе высокомерным идиотом, но на самом деле я многое пережил.

– Перед тем как мы встретились... там, на крыше, в Хартли... Я видела, как ты шел в толпе журналистов и фанаток. Холодный. Надменный. Отстраненный. И знаешь, что составило впечатление о тебе? – спрашиваю я, подавляя в себе болезненное желание дотронуться до руки Дастина, которая лежит на перилах рядом с моей.

– Что же? – с удивлением спрашивает он.

– Ты оттолкнул одну из фанаток, и она упала. Но ты не помог ей подняться. Прошел мимо. И тогда я подумала: «Какой же этот тип отвратительный».

Он трет лоб.

– Не помню такого, – говорит Дастин. – Не помню, правда. Наверное, я и не заметил. Но знаешь, Франки, я просто ненавижу, когда меня трогают незнакомые люди. – Я вижу, что его передергивает. – Знаю, что это мои поклонницы и все такое. Но когда меня касаются чужие, мне становится неприятно. Ненавижу это. Мои фанатки прекрасно об этом знают, но все равно каждый раз пытаются потрогать. Как будто я обезьяна в клетке. Когда ты на той крыше набросилась на меня и повисла, я думал, с ума сойду. А ты потом еще и сверху упала.

Он нервно смеется и машинально хлопает себя по карману в поисках сигарет. Но их нет.

– Спасибо, – вдруг неожиданно для самой себя говорю я.

– За что?

– За то, что вступился сегодня. За меня и за Мунлайт, – с неохотой проговариваю я фамилию Дианы.

– Уилшер неплохой парень, но его заносит. Как и всех этих богатеньких сынков, которые думают, что могут делать все, что хотят, – усмехается Дастин. – Надеюсь, он не побежит жаловаться папочке. Иначе мне можно будет паковать чемоданы и убраться из страны.

Я вспоминаю слова Эммы Мунлайт – в который раз. И мне становится не по себе. Пусть это просто была ее угроза. Пусть так.

– Эй, – обращаюсь я к нему, поражаясь сама себе, – обними меня.

– Почему я должен подчиняться твоим приказам? – с недоумением спрашивает Дастин.

Я пожимаю плечами. Он все же обнимает меня, и я кладу руки ему на плечи. Становится теплее. Усталость плавится и превращается в ощущение уюта.

Я словно сижу у костра на поляне под звездами.

– Франки, ты такая глупая и так раздражаешь, – шепчет Лестерс, обжигая дыханием висок. – Но сегодня слишком красивая, чтобы я на тебя злился.

– Это ты дурак, – шепчу я, уткнувшись ему в грудь лицом. – Приехал сегодня с ней.

Я не хочу этого говорить – оно само вырывается.

– Все-таки ты забавно ревнуешь, – хмыкает Лестерс и гладит меня по волосам. – Но меня не это выводит из себя. Я писал и звонил. Почему ты не могла ответить?

– Не знаю...

– Я волновался.

– Извини.

– Не тусуйся больше с Уилшером, – просит вдруг Дастин и отстраняется от меня, держа за предплечья. – Тусуйся со мной.

– Что? – не сразу понимаю я. Он шумно выдыхает – кажется, снова раздражается.

– Короче, Франки. Я тут пораскинул мозгами, когда тебя увидел. Ты слишком милая сегодня. Думаю, ты мне нравишься, – изрекает он и накручивает на палец мои волосы.

Я звонко смеюсь.

– Правда? – спрашиваю я. – Доставка, сколько ты выпил?

– Два бокала шампанского, – отмахивается он. – Ну?

– Что – ну?

– Скажи, что я тебе тоже нравлюсь.

Я не могу перестать смеяться – все плохие мысли покидают меня. Дастин – это что-то.

Искры костра на поляне вздымаются вверх.

– Нравишься, – сквозь смех говорю я, снова уткнувшись ему в грудь. Кажется, с романтикой у нас не задается. Да и вообще как-то все глупо.

– Отлично, – непонятно чему радуется Лестерс. – Я думал об этом весь день, Франки. И решил, что должен тебе сказать.

– А как же Мунлайт? – поднимаю я лицо. – Вы встречаетесь?

– Нет, – хмурится он. – И надеюсь, что у тебя действительно нет парня. Отбивать женщин – не мое.

Эти слова тоже кажутся мне смешными.

– Отбивать? – сквозь смех спрашиваю я. – Звучит так, будто ты собрался встречаться со мной.

– Я еще подумаю над этим, – задумчиво произносит Лестерс.

– Подумаю? – я запускаю пальцы в его волосы. – Что это значит?

– Это значит – если ты будешь себя хорошо вести, то... – договорить он не успевает – я встаю на носочки и целую его. Зачем – не знаю. Просто чувствую, что безумно хочу сделать это. *Потому что так надо. Потому что он – мой.*

Дастин не сразу понимает, что на поцелуи принято отвечать, а когда до него все же доходит, он хватается меня так крепко, как может, и мы тонем друг в друге.

Огонь на ночной поляне сияет ярче, чище, и его искры долетают до самых звезд.

Потому что искрит сердце.

Его руки скользят по моей спине, сминают воздушное платье, требовательно гладят плечи, изредка спускаясь ниже, и я наслаждаюсь этими обжигающими прикосновениями.

Когда мы с Лестерсом целуемся, все иначе. Весь мир переворачивается с ног на голову. Становится другим. И мы сами становимся другими.

Я пытаюсь забыть. Пытаюсь утонуть в ощущениях. Но что со мной происходит, понять не пытаюсь. Потом, все потом.

Я сжимаю пальцами плечи Дастина, чувствуя, как под тонкой тканью напрягаются мышцы, отрывисто провожу ладонью по его груди, обхватываю ладонями гладко выбритое лицо... Не знаю, что он со мной сделал. Не знаю, что с ним сделала я. Знаю только то, что сейчас способна на глупости.

Так ни с кем и никогда не было.

Мы отстраняемся друг от друга. В глазах Дастина – лихорадочный блеск. У меня горят губы – от нахлынувшего сплава нежности и страсти, и щеки – от наваждения. *Еще.*

– Меня впервые затыкают поцелуем, – признается он – я чувствую его горячее дыхание на своей скуле. Жар поднимается к виску и опалает его. Спускается к уху и щекочет мочку. Однако договорить Дастин не успевает – я опять заставляю замолчать – все тем же способом. Снова целую.

Мы опускаемся на мягкий низкий диванчик, над которым нежно горят гирлянды. Где-то играет музыка, смеются и танцуют люди, звенят бокалы. Но нам все равно.

Не знаю почему, но я оказываюсь на коленях Дастина, обвивая его шею руками.

– Я сама решу, встречаться с тобой или нет, – шепчу я ему. Я знаю – он меня хочет. И мне не кажется это пошлым. Это волшебно.

Дастин снова мой – на какую-то жалкую минуту. Но потом он вдруг отстраняется. У него учащенное дыхание и сведенные к переносице темные брови.

– Что ты со мной делаешь, рыжая?.. – шепчет он мне в губы, аккуратно целует в подбородок и в шею.

– Надеюсь, что свожу с ума, – честно отвечаю я. Не люблю играть в одни ворота.

Он хмыкает и... убирает меня с колен, усаживая рядом. Трет глаза, словно пытаюсь проснуться. И смотрит на меня с кривой улыбкой. Я глажу его по волосам и трусь лбом о плечо. Не понимаю, что происходит. Мир перевернулся, не иначе. Я и Лестерс.

Я хочу, чтобы Дастин продолжал, тянусь к нему для нового поцелуя, но он лишь нервно смеется.

– Ты же понимаешь, что я просто не смогу остановиться? – спрашивает Дастин, и я не понимаю – в его голосе грусть или веселье. Кажется, все вместе. – Еще немного, и я просто перестану себя контролировать. Понимаешь?

Вот в чем дело. Я снова звонко смеюсь, закидывая голову назад. Наверное, еще немного, и я сама не смогу остановиться, и плевать, что здесь люди.

– Это не смешно, Франки, – хмурится Дастин. – Если меня кто-нибудь сейчас увидит... Ты разрушишь мою репутацию!

Я не могу замолчать. Парням в этом смысле повезло меньше.

– Принесу что-нибудь холодное, – говорю я, но прежде чем я покидаю наш укромный уголок, он поправляет мне задравшееся платье. Конечно, я смущена, но не подаю вида. Дастин – дурашка. Самый притягательный на свете – по крайней мере, мне так кажется сейчас. Возможно, уже через час я поменяю мнение.

Я возвращаюсь с шампанским минут через десять, давая Лестерсу возможность прийти в себя – раз он так волнуется за репутацию. Розовое, с цветным льдом, с особым ароматом флера и легкости – оно освежает. Некоторое время мы молча сидим на диванчике. Я с наслаждением

тяну шампанское, а Дастин выпивает его залпом и начинает рассматривать мое лицо. Будто ни разу и не видел.

– Ты ведь без ума от меня? – спрашиваю я его с любопытством, поигрывая бокалом.

– Конечно, нет, – отмахивается Лестерс. – А ты от меня – точно.

– Не обольщайся, Доставка. Это ведь ты боялся, что твоя репутация пострадает, – фыркаю я.

Он усмехается и пытается забрать мой бокал. Однако я ловко уворачиваюсь. А потом делаю глоток шампанского и тянусь к губам Дастина. Я хочу привнести еще немного романтики – в паре фильмов я видела, как героини через поцелуй передают своим возлюбленным ягоды или напитки. И мне хочется поэкспериментировать. Дастин только за – против воли тянется ко мне.

Естественно, у нас ничего не получается. И шампанское частично оказывается на диване, а частично – на его рубашке. Пока он, ругаясь, оттирает ее салфеткой, я смеюсь. Все-таки с романтикой у нас туго. Но Дастин не сдается. Вместо того чтобы читать нотации и переживать за судьбу рубашки, он вдруг предлагает:

– Давай сбежим.

– Куда?

– На улицу. Гулять по ночному городу. Кататься в метро.

Мы одновременно вскакиваем. Я понимаю, что пальцы наших опущенных рук переплетены. Однако прежде чем выйти, мы отпускаем друг друга и молча, по-английски, покидаем вечеринку. Я успеваю лишь перекинуться парой слов с Самантой, которая, кажется, прекрасно понимает, что происходит между нами, и обменяться взглядами с Лилит, держащей за руку Октавия. Она украдкой крутит у виска, явно не понимая, куда я направляюсь с Дастином. А я подмигиваю подруге и убегаю.

На улице царит летняя блаженная прохлада. Людей совсем мало, зато ярко светят фонари. Это один из самых уважаемых районов города, и здесь можно гулять ночами, не опасаясь нападений и прочих прелестей трущоб.

– Куда идем? – спрашиваю я.

– Я давно не катался в метро. Несколько лет, – признается Дастин. И мы направляемся к метро – в Нью-Корвене оно работает круглосуточно.

Маршрут выбирает он. А когда я интересуюсь, куда мы поедem, говорит, что хочет показать мне кое-что интересное. Но что именно – молчит.

В метро людей тоже мало – практически нет. И Дастин наслаждается этим – он может особо не скрывать свою внешность. Я вижу, что он радуется тому, что может просто так, без особой маскировки, находиться в общественном месте, и понимаю, что это не напускная радость, а искренняя.

Мне нравится, когда Дастин искренен, без маски высокомерия и усталости, без желания быть лучшим. Мне нравится держать его за руку, идти следом за ним, разговаривать о какой-то ерунде и изредка останавливаться, чтобы поцеловать. Мне нравится быть рядом с ним, хотя я понимаю, что завтра все это может растаять как дым. Я хочу наслаждаться тем, что есть сейчас, и ни о чем не думать.

Кажется, мы оба дорвались до чего-то, чего нам обоим не хватало. И время бежит с необычайной скоростью.

В нашем вагоне пусто. Несколько мужчин, модно одетая девушка, залипающая в телефон, и пожилая женщина – все они явно возвращаются домой. На нас с Дастином никто не смотрит. Мы сидим рядом – плечом к плечу – и разговариваем. Романтики в наших разговорах не так уж и много, зато это весело. И мне безумно нравится то, что даже сидя мы держимся за руки, словно настоящая пара.

– У тебя веснушки, – замечает Дастин.

– И что? – спрашиваю я. В детстве я гордилась, что они у меня есть, лет с тринадцати начала стесняться и пыталась замазать дешевыми тональниками, а в пятнадцать послала все к черту и объявила самой себе: «Мне плевать».

– Я раньше не замечал, – Дастин касается моих щек. – Забавно. У меня никогда не было рыжей девушки с веснушками.

– Как так? – ехидно спрашиваю я. – За всю твою карьеру великого соблазнителя ты ни разу не подцепил рыжую? Какой позор, Лестерс. Ты меня разочаровал.

– У тебя странные представления обо мне, Франки, – отвечает он. – По-твоему, я интересуюсь исключительно женщинами?

– Как знать. Кстати, почему ты расстался со своей последней подружкой? Как же ее зовут?.. – Я щелкаю пальцами в воздухе, пытаюсь вспомнить имя актрисы. – Ну той, у которой впечатляющее седло.

Дастин закатывает глаза.

– Марго.

– Да, точно, Марго Белл, – радуюсь я. – Так почему ты ее бросил?

– С чего ты решила, что я ее бросил? – ухмыляется Дастин.

– Так сказала Лилит, – припоминаю я. – А она узнала из новостей.

– Больше верьте этим новостям, – смеется Дастин. – Мы никогда и не встречались с Марго.

– Как же так? – удивляюсь я. – Я же сама читала про тебя – ты встречался с какой-то моделью, а потом с Марго.

– Ты искала обо мне информацию? – растягиваются его губы в довольной улыбке. – Как мило, Франки. Это потому что я сразу тебе понравился?

– Это потому что я хотела понять, кто ты вообще такой, – хмурюсь я, чувствуя себя глупо. – Свалился как снег на голову. Ну, давай, говори, что там случилось с твоей Марго!

– Ничего, – убирает Дастин с моего лица волнистую прядь. – Я же сказал уже, что мы не встречались. Мы *делали вид*. Чувствуешь разницу?

– Зачем? – изумляюсь я.

– Реклама фильма, – отвечает он. – Ничего особенного. Не хочу тебя шокировать, но большое количество «звездных пар» – это постановка чувств.

– И почему же ваша «постановка» закончилась? – спрашиваю я.

– Потому что закончился срок действия нашего договора, – отвечает Дастин. – И продлить его мы не собирались. Знала бы ты, какая Белл высокомерная задница! – вдруг выдает актер. – Тошнотворная стерва. Балуется коксом. И ненавидит всех остальных актрис мира.

– Вот оно что, – кладу я голову ему на плечо. – А с моделью тоже были договорные отношения?

– Нет, мы действительно встречались.

– А почему расстались?

– Не сошлись характерами. Если честно, мы даже ни разу не ссорились. Дорогие отели, отличный секс, утреннее селфи для инстаграма – каждое свидание по одному и тому же сценарию. Иногда – совместный выход в свет. Красные ковровые дорожки, заранее обговоренный костюм – чтобы подходил ее платью, интервью. Как-то мы вместе ездили в отпуск на Багамы на три дня. Все три дня она снимала видео и делала фотографии. Это ужасно раздражало. После пары месяцев вместе я понял, что нам даже не о чем поговорить, – рассказывает Дастин. – А еще она хотела сделать меня вегетарианцем. Это меня добило. А после нее, пожалуй, серьезных отношений и не было.

– А кто такая Сальма? – задаю я следующий вопрос и чувствую, как Дастин вздрагивает.

– Моя первая любовь, – нехотя отвечает он спустя несколько секунд. Я не отстаю от него, и Дастин рассказывает, как они познакомились. Он был начинающим актером, а она работала

в журнале, специализирующемся на современном искусстве. Они понравились друг другу на интервью, и Дастин пригласил ее на свидание. Сальма согласилась. С тех пор они и стали встречаться. Их отношения были пылкими, но недолговечными. И закончились некрасиво. В один день она просто исчезла, прихватив его деньги. И больше не появлялась. Это и смешная и грустная история одновременно. Но я молчу. Просто слушаю его и молчу.

– И знаешь, что мне от нее осталось? – с усмешкой спрашивает Дастин и достает из-под рубашки кулон-пулю – тот самый, который я должна была выкупить на аукционе. Несколько движений, и Дастин раскручивает его – кулон полый, и внутри лежит бумажка.

– Знаешь, что там? Там все мои пароли, – смеется он, вертя кулон в пальцах. – От карт и социальных сетей.

Дастин соединяет половинки кулона и закручивает его, а после снова прячет под футболкой.

Слушая это, я не могу сдержать праведного возмущения:

– Лестерс! Я так старалась найти этот кулон, потому что думала, что он для тебя много значит, а ты хранишь в нем свои пароли! Просто пароли от карт!

– И что? – пожимает он плечами. – В наше время пароли – это самое ценное, что у нас есть.

– Ценнее, чем люди? – спрашиваю я. Дастин косо смотрит на меня и продолжает:

– Это еще и напоминание о том, что людям доверять нельзя. Доверишься – а они тебя кинут. Исчезнут из жизни. И больше не вспомнят.

Мне остается только вздыхать.

Я так не сделаю. С тем, кого люблю, – не сделаю.

*Моя любовь
словно подснежник
из хрупкого хрусталя.
Сорви его —
только нежно.
Не бей – разобьешь и меня.*

Глава 4

Пламя под звездным небом

*Я думал, что чудо – грандиозная квинтэссенция небывалого,
нарушение законов природы, волшебство.
А потом просто встретил тебя.*

Поезд делает остановку, и в вагон заходят несколько молодых парней и девушек. Один из них пристально смотрит на Дастина, но тот успевает отвернуться и прикрыть лицо. Это сбавляет – парень не признает в нем популярного актера и отворачивается. Лестерс облегченно вздыхает. А я с иронией смотрю на него. Он вроде бы остается все той же заносчивой звездой, которую порою мне хочется прикончить, но что-то в нем незримо меняется.

Я ловлю себя на мысли, что просто хочу смотреть на Дастина Лестерса, касаться Дастина Лестерса, слушать Дастина Лестерса.

Мой пульс бьется часто. А виски легонько покалывает от странного, плохо еще осознаваемого чувства радости.

– А какой была твоя первая любовь? – вдруг спрашивает Дастин. Я поднимаю голову с его плеча.

– Да никакой, в общем-то, – отвечаю я. Говорить о личной жизни мне не очень нравится.

– Серьезно? Да ты, наверное, кружила парням головы со средней школы! – не верит он.

Кажется, подначивает меня.

Что ж, откровенность за откровенность.

– Если бы, – хмыкаю я. – Я никогда не принадлежала к популярным ученикам, не тусовалась с ними на вечеринках «для своих», плевать хотела на чирлидинг, не беспокоилась о лучших местах на стоянке и не стелилась перед учителями. В общем, я была далека от звания Королевы школьного бала.

– Что-то я сомневаюсь, что ты была последней в социальной школьной иерархии, – усмеяется Дастин.

– Я просто любила музыку и общалась с теми, кто разделял мои увлечения, – отвечаю я.

– То есть была гиком, – подытоживает он. – И положи голову обратно.

– Я была обычной, – отмахиваюсь я, снова удобно устраиваюсь на его плече и слышу:

– Такие, как ты, не бывают обычными.

– Это комплимент или?..

– Констатация факта, – поясняет Дастин. – Ты слишком яркая, и наверняка это бесит кучу людей. А в старшей школе не любят тех, кто слишком выделяется.

– Может быть. Пара драк в женской раздевалке решили эту проблему, – смеюсь я. – Я вырвала у Элис О'Кифф впечатляющую прядь волос, а Ханну Колкуитт засунула под ледяной душ. После этого ко мне перестали цепляться. К тому же я общалась с парнями из Южной банды – а их боялись как огня.

– Да ты опасная девочка, – весело тянет Дастин. – Тебе нравились бандиты? Романтика криминала и все такое?

– Нет, конечно, – со смехом отвечаю я. – Просто один из них жил по-соседству, и я знала его с детства.

– Тогда в каких парней ты влюблялась? Окей, мы выяснили, что это были не качки из футбольных команд и не бандиты, так кто же? Музыканты? Ребята из театрального кружка? Ботаники?

– Какая тебе разница? – отмахиваюсь я.

– Мне интересно, на какой типаж ты западаешь, – отвечает он.

– Вообще, я люблю умных парней, но в этот раз вышла промашка, – иронизирую я.

– Главное, ты признаешь, что я тебе нравлюсь, – почему-то это знание доставляет Лестерсу огромное удовольствие. Он обнимает меня, и мы едем в обнимку. На мне – его пиджак. А на губах до сих пор остается слабый привкус ментоловых сигарет.

На следующей станции его едва не узнает какая-то девушка с рюкзаком. Она даже направляется к нам, но мы спешно целуемся, и незнакомка решает, что парень рядом с рыжей – явно не знаменитый Дастин Лестерс. Она садится на свободное место и включает плеер.

– Я думал, что популярность – это круто, – усмехается вдруг Дастин.

– А сейчас? – лежать на его плече удобно.

– Сейчас я тоже думаю, что это круто. Но не всегда удобно. Днем я не могу никуда пойти – люди смотрят на меня, как на животное, сбежавшее из клетки. А я обожаю фастфуд, – смеется он. – И заставляю покупать его Хью.

– Как же ты живешь, мой несчастный котик? – от переизбытка чувств треплю я его за щеку. – Такие страдания...

– Я этим наслаждаюсь. Чем-то всегда приходится жертвовать, – признается Дастин. – Если это всего лишь иллюзия свободы передвижения... То ничего страшного. Не слишком большая плата за достижение цели. Ты хочешь быть знаменитой?

– Хочу, – признаюсь я. – Я с самого детства об этом мечтала. Какое-то время даже чувствовала себя не такой, как все. – Мне становится смешно – в подростковом возрасте в наши головы постоянно приходят дурные мысли. – Но учеба в Хартли отлично проветрила мне голову.

– Значит, стань знаменитой, детка, – уверенно говорит Дастин. – Я хочу попасть на твой концерт.

– Приходи, – легко соглашаюсь я, называю дату выступления и название клуба.

– Приду, – обещает он.

– Серьезно?

– Да. Слушай, Франки, ты ведь хорошо умеешь бренькать на гитаре? – спрашивает вдруг Дастин и делает странный жест пальцами, который, по его мнению, наверное, подразумевает перебор струн.

– Нет, – отрезаю я.

– Как нет? Я же слышал, что ты играла! И хорошо играла! – восклицает Лестерс.

– Играть – умею. А бренькать – нет, – отвечаю я.

– Как с тобой сложно, – вздыхает он, поднимает руки в воздух, но потом снова обнимает меня. – Хорошо, хорошо. Играть. Ты умеешь играть. – Теперь Дастин не спрашивает, а утверждает это.

– И что из этого?

– Научи меня.

– Что? – переспрашиваю я. – Тебя?

– Ты так изумляешься, будто со мной что-то не так, – оскорбляется Дастин.

Я закатываю глаза.

– Что-то? Ты издеваешься? Да с тобой все не так, и...

Он закрывает мне рот ладонью – я чувствую едва заметный аромат ментола. Знаю, что этот жест не самый классный, но мне... нравится.

Ладонь Дастина перемещается мне на щеку.

– Мне предложили сыграть рок-музыканта. Именно поэтому я приехал на концерт «Красных Лордов». Я... – Вспоминая, что произошло на этом самом концерте, он замолкает. – Кхм. В общем, мне нужно научиться играть на гитаре.

Лестерс – рок-стар? Забавно.

– Можно подумать, ты сам будешь исполнять песни, – фыркаю я. – Санудтреки запишут профессиональные музыканты.

– Да не в этом дело, – морщится он. – Мне нужно это для достоверности. Я же должен иметь представление, что это такое – играть. Что такое – быть музыкантом. Я хочу научиться чувствовать музыку. Съёмки совсем скоро.

– Это, конечно, замечательно и все такое. Но не мог бы ты убрать руку с моего лица? – интересуюсь я.

– А, да. Извини.

Он опускает ладонь, но целует в щеку.

– Ну как?

– Почему ты просишь об этом меня? – интересуюсь я.

– Мне кажется, мы признались друг другу в симпатии и решили встречаться, – хмурится он.

– Мы решили встречаться?!

– А разве нет?!

– Все зависит от того, как ты будешь себя вести, – изрекаю я и теперь сама глажу Дастина по лицу. – А если ты хочешь играть на гитаре... Через пару дней я буду свободна.

Его лицо разочарованно вытягивается.

– Я хотел начать завтра.

– Завтра у меня репетиция с группой – важная. Нам нужно будет подготовиться к выступлению в клубе. Послезавтра я встречаюсь с тетей и братом – они приедут в Нью-Корвен.

– Мне надо знать свое расписание, – раздосадованно сообщает Дастин. – Я позвоню тебе завтра, и мы договоримся. Встречаться со знаменитостью непросто, – добавляет он.

– Я еще не решила, будем ли мы встречаться, – весело сообщаю я, желая его подразнить.

– Я уже решил сам, – спокойно отзывается он. – Кстати, мы выходим на следующей станции.

– И куда идем?

– Сюрприз. Покажу тебе свое любимое место в этом городе. Его настоящее сердце. У тебя всегда теплые руки, – замечает внезапно Дастин.

– А у тебя всегда ватная голова, – зачем-то снова дразню его я. И снова целую, не узнавая себя.

Мы выходим из метро и шагаем по ночному городу, держась за руки. Идем мимо старинных зданий и утопающих в блеске небоскребов, мимо полуночных кафе, откуда упоительно пахнет кофе, и мимо баров, из которых доносится разбивающий темный воздух на осколки музыка. Мы шагаем мимо арок, витрин, парковок, галерей, рекламных вывесок, медиафасадов, газовых фонарей. Пересекаем дороги по пешеходным переходам, перебегаем улицы, обходим стороной людей. Черничная тьма бережно скрывает нас от посторонних глаз, а огни – бирюзовые, желтые, алые – стелятся перед нами, прокладывая путь к сердцу города.

Сначала я не понимаю, куда Дастин ведет меня, а потом до меня доходит – мы направляемся в западную часть Вест-Чарлтона, к пересечению 32-й Восточной улицы и Симпл-стрит. И оказываемся в Хай-Хадсон парк. Неподалеку от него стоит круглосуточный супермаркет, и Дастин, нацепив темные очки, тащит меня туда и покупает два красных пледа, воду и какие-то чипсы. Его никто не узнает, и он этим наслаждается.

– Зачем нам все это? – с любопытством интересуюсь я у Дастина – но он упрямо хранит молчание. И снова тянет меня за собой.

Мы оказываемся в Хай-Хадсон парке. Если честно, я ни разу не была здесь, но от других парков Нью-Корвена он ничем не отличается. Это спокойное, ухоженное место, тянущееся вдоль оживленных улиц. Здесь много зелени, лавочек, зон со столами для барбекю, асфальтированных дорог, фонарей и указателей.

Наверняка днем парк занят любителями спорта, жареного мяса и долгих прогулок, но сейчас, в столь поздний час, почти пустынен. Лишь вдалеке я вижу три фигуры – парень и девушка выгуливают собаку, да какой-то пожилой мужчина совершает позднюю пробежку.

Лестерс ведет меня в глубь парка, к огромным деревьям с густой кроной, в которой запутался слабый ветер. Он явно бывал здесь не раз и не два – слишком хорошо ориентируется и знает, куда идти.

– И когда мы будем на месте? – спрашиваю я.

– Скоро, – отвечает он.

– И что там будет? – гадаю я.

– Сюрприз.

Мне почему-то кажется, что Дастин приведет меня к какой-нибудь особой лавочке или к фонтану, но он вдруг ведет меня запутанными тропинками на какой-то холм. Мы выходим из-за деревьев и оказываемся на чудесной панорамной площадке – отсюда видна часть Гриффит-стрит и еще нескольких центральных улиц, застроенных небоскребами. В ночи перед нами раскрывается целая плеяда огней мегаполиса – мне кажется, что я смотрю не вдаль, а в небо, усеянное звездами.

Это свобода.

Я замираю от восторга. Это место действительно сердце города. Я даже и не думала, что отсюда, с возвышенности, может открываться столь шикарный вид.

– Нравится? – спрашивает довольно Дастин, кладя мне руку на плечо.

– Нравится, – отвечаю я восхищенно.

– Это мое секретное место. О нем по большей части знают только местные – почти ни в одном путеводителе не увидишь. Когда я переехал в Нью-Корвен и снял квартиру поблизости, то случайно нашел его. Когда мне было плохо, приходил сюда и набирался сил.

– А я приходила к морю, – признаюсь я зачем-то. – На свой тайный пляж неподалеку от дома. И сидела там часами, перебирая камни.

– Ты жила у моря?

Я киваю.

– А мне приходилось работать у моря. Наверное, это здорово, когда море рядом, – задумчиво говорит Дастин.

– Да, я очень скучаю по нему, – поднимаю я глаза к невидимым звездам. – Зато небо везде одинаковое.

Дастин непонимающе на меня смотрит. И я поясняю:

– У меня не осталось моря, но зато было и есть небо. Оно всегда со мной, где бы я ни находилась.

– Какая же ты поэтичная, – тепло улыбается он. – А ты бы хотела вернуться обратно, к своему морю?

– Я родом из маленького городка. Там нет перспектив, и это пугает. Все, что я могу – иногда возвращаться домой и набираться сил. Надеюсь, в августе у меня получится съездить на пару недель. А ты? Хотел бы вернуться в родной город, в котором родился?

– Нет, – жестко отвечает Дастин. И я не спрашиваю, почему. Понимаю, что он не ответит.

На холме стоит несколько удобных деревянных лавочек. Мы выбираем центральную, забираемся на нее с ногами и закутываемся в пледы – все-таки ночная прохлада берет свое. В какой-то момент Дастин умело разводит небольшой костер, хотя этого и нельзя делать – это правонарушение. Однако он обещает внимательно следить за огнем. Пламя трещит, искры вздымаются вверх, и я вспоминаю картинку в своей голове.

Ночь, небо – правда, без звезд, костер, искры и мы.

А еще – откровенность.

– Ты так и не рассказала про своих парней, – вспоминает Дастин.

– У меня толком и не было никого, – говорю я. – Но если ты сочтешь это забавным и начнешь смеяться, я тебе врежу, клянусь.

– Не начну, – обещает Дастин. – То есть ты ни с кем не встречалась?

– Так, ходила на несколько свиданий. Но мне не понравилось.

– Почему?

– Я не люблю, когда меня начинают касаться, – признаюсь я. – Когда пытаются облизывать губы или лезут под кофту.

Меня передергивает из-за неприятного воспоминания. Дастин замечает это и, кажется, делает себе заметку в уме.

– А я?.. – спрашивает он.

– Ты – это другое, – серьезно говорю я. – Не знаю, почему с тобой все не так. Ты мне не противен. Тебя я не боюсь.

– А других?

По моему взгляду Дастин понимает ответ.

– Ну, и, пожалуй, Уилшер не вызывал подобного чувства и не был противен.

– Давай не будем о нем, – просит недовольно Дастин. – Почему ты так относишься к мужчинам, Санни?

Если идти – то до конца. И я нахожу силы сказать:

– Моя мать – алкоголичка. Да и травку не прочь покурить. На меня ей плевать. Моим воспитанием занимались бабушка и дед. Однако она иногда приезжала к нам – когда была на мели или когда пыталась завязать. Завязать у нее не получалось, зато получалось постоянно находить каких-то законченных уродов. Один из таких приставал ко мне. Мне было лет двенадцать или тринадцать. И, наверное, это оставило след в моей голове. Никогда не анализировала, – усмехаюсь я.

Лицо Дастина, освещаемое светом костра, темнеет. Он произносит пару непечатных слов, и я слышу в его голосе отвращение.

– Нет, ничего не случилось, – продолжаю я. – Я закричала, и прибежал мой дедушка, выставил этого урода. Но воспоминания остались. Да и вообще, много всего было. Мать частенько отравляла нам жизнь. И, наверное, глядя на всю череду ее козлов, я решила, что лучше буду одна.

– И встретила меня.

– Эй, Доставка, ты слишком самодоволен! – делано возмущаюсь я.

– Я просто озвучиваю факты! Я же знаю, чего ты хочешь, – нагло подмигивает он мне.

– И чего же?

Я думаю, что он скажет: «Меня». Но Дастин достает упаковку чипсов и трясет у меня под носом.

Мы хрустим чипсами в унисон.

– Забей на это все, – говорит Лестерс. – Забудь все это дерьмо. Пока ты его помнишь – оно сильнее тебя. Но когда ты его отпустишь – ты победила.

– Ого, какой ты умный, – смеюсь я. Отчего-то на душе тепло и спокойно.

– Это не ум, а опыт. Мне многое пришлось отпустить, потому что я не хотел быть побежденным обстоятельствами. Санни, я хочу знать о тебе все, – вдруг заявляет он. – Что ты любишь, что ненавидишь, какие шоколадные батончики покупаешь.

– Батончики – это так важно! – восклицаю я.

– Еще как, – подтверждает Дастин. – Я давно заметил, что «Пламлис» выбирают идиоты без вкуса, а «Кристис» – адекватные люди.

Это два самых известных производителя шоколада в стране. И между ними идет вечный спор – кто лучше.

Я признаюсь, что «Кристис» – мой любимый батончик, и Дастин радуется непонятно чему.

До самого рассвета мы разговариваем – словно открываем друг друга заново. Я рассказываю про то, как училась играть на фортепиано, беря уроки у мисс Вудс, как заинтересовалась рок-музыкой, как организовала свою первую группу, как поступила в Хартли, как училась. Дастин говорит о том, что в детства любил театр, а в школе для мальчиков его считали гиком и не слишком любили, но ему было плевать на всех. Я узнаю о его первых победах и неудачах, о том, как ему долгое время не везло, о том, как он все же смог пройти кастинг – один из сотни – и получил первую роль, как стал знаменитым. С особой теплотой Дастин рассказывает о своей матери и старшей сестре, которые живут в Хэдмане. Я понимаю, что он любит их. И мне это нравится. Я никогда не понимала тех, кто плохо относится к родителям – любящим, разумеется. Не таким, как моя мать.

Это так здорово – узнавать человека заново, понимать, что у него на душе, чем он живет и дышит, о чем мечтает. Хотя, конечно, мы не обходимся без подколов и шуточек, и это чертовски разбавляет романтическую атмосферу.

Потом наступает рассвет – яркий, золотистый, исполосованный росчерками фиолетовой пасты, кое-где переходящей в нежную сиреневую акварель. Отсюда, с холма Хай-Хадсон парка, небо кажется больше и ярче – рассвет падает прямо на нас. В наши руки. В наши головы.

И мы готовы его ловить. Готовы делить его между собой.

Спать совершенно не хочется, и хотя сегодня мне нужно на работу, я не думаю об этом. Я наслаждаюсь моментом.

Когда рассвет растворяется и небо становится нежно-голубым, целуемся – от нежности кружится голова – и уходим, затушив костер.

На такси мы направляемся домой, и таксист всю дорогу странно поглядывает на Дастина, хотя тот старательно закрывает лицо. Это выглядит очень забавно. Когда мы подъезжаем к моему дому, Лестерсу начинает названивать обеспокоенный Хью, который не нашел своего подопечного дома. Оказывается, Дастин тоже не будет сегодня спать – с утра у него запланировано какое-то важное мероприятие.

Мы договариваемся встретиться на днях, чтобы я дала Лестерсу первый урок игры на гитаре, и снова целуемся, уже на прощание – быстро и смазанно, как будто с лучами солнца к нам обоим пришли неуверенность и смущение. Тем не менее, прощаясь, он называется меня Франки, а я его – Доставкой, и в наших голосах – теплота.

Я ухожу, но оборачиваюсь – Дастин смотрит на меня из окна такси. И мне нравится его долгий пронзительный взгляд. Я машу рукой, и он машет в ответ.

Я поднимаюсь в квартиру, не понимая, что со мной – или с нами? – происходит. Захожу, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить подруг, и направляюсь на кухню. Нужно сделать крепкий кофе, позавтракать, умыться и избавиться от макияжа, привести себя в порядок и собираться на работу. Странно – я не спала, однако мне хочется летать.

На кухне меня ждет сюрприз.

У окна с чашечкой кофе стоит... Октавий. Вид у него самый задумчивый, словно он лицезреет не залитую утренним солнцем улочку, а королевские сады. Из одежды на нем только белое полотенце, обмотанное вокруг бедер – к его чести, надо сказать, обмотанное очень даже хорошо. Если включить фантазию, можно подумать, что Октавий в бриджах – полотенце достает почти до колен.

– Доброе утро, – невозмутимо говорит мне он.

– Доброе, – отвечаю я, подмечая про себя, что фигура у него очень даже ничего, хотя фигура Лестерса нравится мне больше – он более загорел, крепок и без этой особой аристократической изящности. Да и татуировок у него нет.

А еще я вижу на спине Октавия царапины и, кажется, понимаю, откуда они взялись. Мне становится смешно – Лилит страстная кошечка!

– Налить кофе? Я сварил, – продолжает он светским тоном. – Но если честно, кофе у вас не слишком хороший.

– Наверное, не слишком дорогой, – отвечаю я. Барабанщик «Красных Лордов» почти без одежды стоит на моей кухне и варит кофе. Для меня. Красота. – Прости, что не припасли для тебя немного кофе «Лювак», – вспоминаю я про самый дорогой кофе в мире, который ценится многими знатоками. Его зерна сначала поедаются мусангами, потом естественным путем покидают пищеварительный тракт зверьков и только затем обжариваются. Я не стану пить его даже бесплатно.

Октавий морщится.

– Однажды Кезон привез откуда-то вкусный кофе. Я пил его целый месяц и только потом узнал, что это «Лювак», – рассказывает он мне, и на его красивом лице непередаваемое отражение. – Какая кружка тебе нравится: красная в белый горошек или желтая с цветами?

– Любая, – смеюсь я.

Мы пьем кофе и разговариваем на темы, на какие могут разговаривать два едва знакомых человека, встретившихся случайно на кухне. Сначала это погода, затем мы плавно переходим к обсуждению последних громких новостей, а потом переключаемся на фильмы. Октавий любит артхаус и – парадокс! – тупые комедии. И он сам мне кажется человеком-парадоксом: в нем уживаются мальчик из сладкоголосой группы и яростный барабанщик в маске. Октавий окружен ореолом загадочности.

Наш разговор прерывает Лилит – взлохмаченная и счастливая.

– Доброе утро, Сладенький! – щебечет она и потягивается как кошка, – ее короткая кружевная сорочка на тонких бретельках ползет вверх, максимально обнажая ноги. Она подходит к стоящему у окна Октавию и обнимает, прижимаясь щекой к его обнаженной груди.

Меня подруга не замечает.

– Доброе утро, – со смехом говорю ей я. Лилит видит меня, потешно округляет глаза и резко отстраняется от Октавия, делая вид, что просто стоит рядом. Кажется, она не ожидала увидеть меня здесь и теперь стесняется.

– Где ты была, Ховард? Куда вы пропали с Лестерсом? – тут же накидывается на меня Лилит, решив, что лучшая защита – это нападение.

– Сначала гуляли, а потом до рассвета сидели в Хай-Хадсон парке, – признаюсь я.

– И что вы там делали? – щурится она.

– Разговаривали по душам. Он не такой засранец, каким кажется на первый взгляд. А вы что делали? – невинным тоном спрашиваю я, хотя прекрасно понимаю что.

Лилит кидает быстрый взгляд на совершенно невозмутимого в своем полотенце Октавия. Мне кажется, что такими темпами он скоро переедет к нам.

– Да так. Тоже разговаривали по душам, – говорит она, но легкий румянец на щеках ее выдает. – Октавий подвез меня до дома... Вернее, я его... В общем, не важно. Я пригласила его на чашечку кофе.

– Плохого кофе, – вставляю я, вспоминая его слова.

– Хорошего, – отрезает Лилит. – Прекрасного. Правда ведь? – спрашивает она Октавия. Тот пожимает плечами.

– Что это значит? – подозрительно спрашивает подруга. – Тебе что, не понравился... кофе? Ричард!

Тот смотрит на нее с усмешкой и потирает подбородок.

– Это был неплохой... кофе. Довольно крепкий. Хорошей прожарки.

– Ты хотел бы попробовать его еще раз? – мурлыкает Лилит, явно опять забыв обо мне. Ее взгляд – взгляд влюбленной девушки, которая в восторге от своего парня.

– Хотел бы, – задумчиво отвечает Октавий, тоже не сводя с нее глаз. – Привык к качественным напиткам. К таким, чтобы сносило голову от вкуса.

– Хороший кофе нужно заслужить, – смеется Лилит.

Они явно говорят не о кофе. И между ними явно есть особое притяжение.

Я не знаю, хорошо это или плохо.

* * *

Лилит видела, как Санни вместе с Дастином убегает прочь с вечеринки Тейджеров. Подруга только подмигнула ей и была такова. Лилит готова была поклясться, что у нее совершенно пьяные глаза, вот только она сомневалась, что это из-за алкоголя.

Санни была пьяна Дастином.

Лилит видела, как они целовались, спрятавшись ото всех в дальнем уголке террасы за декоративными деревьями, обвитыми разноцветными огоньками. Лилит просто хотела поболтать с подружкой, заскучав в одиночестве, а вышло так, что она стала свидетелем довольно романтической сцены. Если честно, Лилит и подумать не могла, что Санни и этот звездный козел Дастин Лестерс, с которым она вместе училась, станут встречаться. Но видя, как они самозабвенно целуются, позабыв про весь мир, Лилит вдруг подумала, что они – отличная пара. Если только, конечно, Лестерс не играет с ее подружкой. Однако Санни – трезвомыслящая. Она не позволит кому-то обвести ее вокруг пальца.

Лилит не стала мешать парочке, а попросту ушла и еще целый час скучала в компании друзей Элинон, успешно играя роль дочки богача, ставшей подружкой Ричарда. Октавий все это время почти не обращал на нее внимания – беседовал о музыке с Джонатаном Тейджером и с каким-то мужчиной, который был представлен Лилит как известный музыкальный продюсер. Изредка она поглядывала в сторону Сладкого, отчего-то злясь, что он не уделяет ей должного внимания. А он словно забыл о ней. И подошел только тогда, когда Тейджер захотел представить Санни продюсеру.

– Где твоя подружка? – тихо спросил Октавий, склонившись к Лилит. Со стороны казалось, что он целует ее.

– Ушла с Лестерсом, – так же тихо ответила она и, вдруг положив руку ему на шею, поинтересовалась: – А когда уйдем мы?

– Потерпи, – было ей коротким ответом. Октавий вновь оставил ее и вернулся к Тейджеру и продюсеру.

Лилит только вздохнула. Ну да, они должны играть по его правилам. Она лишь... наемный работник? Или кто?

Эта мысль неожиданно разозлила Лилит. Октавий платит ей за то, что она притворяется его девушкой. Но то, что между ними происходит... Как это можно объяснить? Дополнительными услугами?

Гордость Лилит не принимала этого.

– Вы очень яркая пара, – сказал ей кто-то из гостей – девушка Ричарда явно вызывала большой интерес. И только присутствие Элинон Фелпс не давало гостям вцепиться в Лилит с вопросами.

– Спасибо, – обворожительно улыбнулась она.

– У вас серьезные отношения? – поинтересовался кто-то еще. – Ждать ли свадьбы?

– Сложно сказать, – потупила глаза в пол Лилит. – Сейчас мы влюблены и счастливы, но загадывать я ничего не хочу.

Она легко перевела разговор на другую тему, но осадок от мыслей все равно остался. Лилит всегда были нужны деньги, и она понимала, что это – ее новая подработка, самая неве-

роятная из всех. Однако так же хорошо она понимала, что ее тянет к Октавию как магнитом. И рядом с ним она словно с ума сходит.

В какой-то момент Лилит поймала на себе взгляд Элинора – изучающий, но не злой. Заметив, что девушка смотрит на нее, певица отсалютовала бокалом. В ответ Лилит подняла свой бокал. И сделала вид, что ей безумно интересен разговор о новой коллекции известного модельера.

В какой-то момент Лилит выскользнула из-за столика и ушла в тот самый укромный закуток, огражденный декоративными деревьями, где прятались Санни и Лестерс. Она стояла, положив ладони на перила, и разглядывала ночной город. Себя Лилит чувствовала куклой – ростовой, красивой, нарядной... Искусственной. Все вокруг думали, что она – девушка Октавия, в том числе его мать, а она всего лишь играла роль. Как есть кукла.

Там ее и нашел Октавий. Он подкрался к ней незаметно, положил руки на талию, заставив вздрогнуть, и притянул к себе, целуя в шею. Будто и не игнорировал последние часы.

– Эй, – вывернулась из его объятий Лилит, – ты что делаешь, Сладкий?

– Не называй меня так, – уже машинально ответил он и снова попробовал обнять девушку. Кажется, Октавий выпил чуть больше, чем следовало, а вот Лилит лишь пригубила шампанское – терпеть его не могла.

– А как мне тебя называть? – спросила она. – Любимым?

– Почему бы и нет? – легкомысленно согласился он и протянул руку к ее черным волосам, тщательно уложенным в очередном салоне. Октавию было важно, чтобы она соответствовала ему.

– Почему бы и нет? – нахмурилась Лилит, легонько ударяя его по запястью. – Проснись, Сладкий. Я ведь просто играю роль твоей подружки. Когда мы наедине, зачем притворяться?

– Перестань, – поморщился он и снова предпринял попытку обнять ее – на этот раз ему это удалось. Высвободиться Лилит не получилось. Да не сильно и хотелось – когда Октавий находился так близко, все мысли улетучивались, оставляя лишь плохо контролируемое желание быть с этим человеком. Забрать его себе и никому не отдавать.

– Знаешь, что мне хотелось сделать весь этот чертов вечер? – тихо спросил Октавий, обнимая Лилит и неспешно целуя ее лицо, игнорируя полураскрытые пухлые губы.

– Что? – только и спросила она, сминая пальцами рубашку на его спине.

– Избавить тебя от платья, – прошептал он, медленно ведя руками по ее телу вниз, изучая его сквозь ткань.

– Оно мне не идет? – запустив в его волосы пальцы, спросила Лилит. Положа руку на сердце, она бы и сама была рада избавиться от платья. Но... не здесь. Не сейчас.

– Тебе больше идет быть без ничего, – сообщил ей Октавий, чуть задирая вверх пышную молочную юбку – слабые протесты девушки не остановили его. И стоило ему поцеловать Лилит в губы, как она перестала отбиваться, забыв обо всем на свете.

Есть только он – Октавий.

Есть его манящие руки и губы, удивительно нежные и в то же время дерзкие.

И аромат дорогого холодного парфюма, к которому она почти привыкла. Изысканный флердоранж, хвоя и немного сладковатой ванили.

Поцелуй становился все жарче, объятия – крепче и вызывающе, а юбка поднималась все выше и выше. Кажется, Октавий не собирался отпускать Лилит просто так, ему было плевать, где они находятся, и плевать, что их могут увидеть. Плевать на все. Только он и Лилит. И огни этого города, каждый из которых, казалось, смотрел на них и сиял во тьме только для них одних.

Они упали на диванчик – тот самый, на котором еще недавно сидели Санни и Лестерс. И почему-то именно эта мысль вдруг отрезвила Лилит.

Так, как она увидела подругу, так и ее саму может кто-то увидеть.

– Все, хватит! – вдруг отстранилась Лилит – все-таки нашла в себе силы. Она уперлась руками в тяжело поднимающуюся грудь Октавия, не давая ему возможности заключить себя в объятия.

– Что такое, Лил? – с недоумением спросил он.

– Мы заключили сделку: я – твоя подружка на публике. Какого черта происходит, а? Что ты делаешь? – спросила Лилит, нервно натягивая платье обратно и отсаживаясь подальше от Октавия.

– Тебе не нравится? – прямо спросил он, пристально на нее глядя.

– Почему мне должно нравиться это? – вырвалось у Лилит, верх над которой снова взяла гордость.

– Думаешь, непонятно, *что ты чувствуешь?* – криво улыбнулся Октавий. – Говори, что угодно, Лил, но я же знаю, что тебе в кайф. Об этом сигнализирует твое тело и...

– Перестань! Мы играем пару из-за твоей матери, но у меня такое чувство, что... что я – твой обслуживающий персонал! – выпалила Лилит.

– Вот как? – приподнял бровь Октавий, который явно был недоволен тем, что она так оттолкнула его. Для него в их странных отношениях все было куда проще, чем для нее, хотя он и сам не думал, что его будет тянуть к этой забавной девушке.

– Ты платишь мне за то, чтобы я *играла роль* твоей подружки или *была* твоей подружкой? – спросила рассерженно Лилит.

– Ты хочешь сказать – спала со мной? – полюбопытствовал он.

– Идиот! – рассерженно выкрикнула она и вскочила на ноги. – Ты думаешь, я твоя кукла, что ли? Можешь пользоваться мной?

– Что ты несешь? – потер руками лицо Октавий. – Зачем ты все так усложняешь? Просто иди ко мне, – похлопал он по дивану рядом с собой, делая последнюю попытку. – И перестань, злиться не из-за чего.

– Не из-за чего? – еще больше вспыхнула Лилит. – Ты слышишь себя?

– А ты? Несешь какую-то чушь.

– Не чушь. Ты просто придурок.

– Не думаю, что это хорошая идея – повышать на меня голос, – холодно сказал Октавий. Наверное, они бы поругались, если бы их не нашла Элинора.

– Вот вы где, – сказала она весело. – А я вас обыскалась...

На этом певица замолчала – поняла, что между сыном и его девушкой что-то произошло.

– Все в порядке? – спросила Элинора, настороженно глядя на Октавия.

– Да, – натянуто улыбнулся тот.

– Конечно, – одновременно с ним ответила Лилит. Ее улыбка получилась куда более естественной – актриса как-никак.

– Надеюсь, вы не ссоритесь из-за пустяков? – поинтересовалась Элинора.

– Нет, что ты, – раздраженно ответил Октавий.

– Что-то подсказывает обратное, – усмехнулась его мать и обратилась к Лилит: – Дорогая, не обращай внимания на перепады его настроения. Ричард с детства подвержен им. Я нашла вас, чтобы сказать, что уезжаю – завтра с утра фотосессия, и мне нужно выспаться. Надеюсь, вы хорошо повеселитесь, – добавила Элинора с явным намеком, прекрасно понимая, почему они решили уединиться в столь укромном местечке.

– Пожалуй, мы тоже поедem домой, – решил Октавий. Он встал и, ни слова не говоря, направился на террасу. Обиженная Лилит про себя пожелала ему провалиться, однако внешне оставалось спокойной – даже улыбнулась. Она отлично отыгрывает свои роли. Всегда.

– Лил, не обращай внимания, – повторила Элинора, кладя руку ей на плечо. – Рич – хороший мальчик. Но иногда ужасно себя ведет. Идем.

Она взяла Лилит под руку и повела к хозяевам дома, чтобы попрощаться с ними. С Октавием они встретились уже в холле – он был холоден и отстранен. И в какой-то момент Лилит даже подумала, что он обиделся на нее.

Втроем они спустились на лифте и направились на подземную стоянку, где Элинор ждал автомобиль с водителем, а Лилит и Октавия – его машина.

– Если вы поссорились, надеюсь, что найдете силы помириться, – напоследок сказала Элинор. – И, Ричард, ты можешь просто уступить девушке.

Она потрепала сына по волосам – как маленького – и умчалась, оставив после себя шлейф утонченных духов. Тонкий аромат застывших во льду голубых гортензий, морозного утра и северного сияния.

– Садись за руль, – бросил Октавий Лилит и оказался на пассажирском месте. Она вздохнула и послушно опустилась на водительское кресло.

– А если я пила? – спросила она, пристегивая ремень безопасности.

– Я же видел, что не пила, – отозвался Октавий.

– Как? Ты на меня вообще внимания не обращал!

Он одарил ее тяжелым взглядом.

– Просто отвези меня домой.

– Эй, ты обиделся? – осторожно спросила Лилит, включая зажигание.

– Нет.

– Серьезно?

– Просто веди машину, – сказал Октавий и отвернулся к окну.

Отлично! Подставная девушка, любовница, еще и личный водитель! Но Лилит сдержалась. Пусть ведет себя как скотина. Будет меньше нравиться ей.

Ехали они молча – стоило Лилит включить радио, как Октавий попросил выключить его. Он не ругался, не повышал голос, но был так холоден, что девушке стало не по себе. И Лилит опять подумала, что уже в который раз забыла, кто он и кто она.

И что между ними пропасть.

Единственное, что ее радовало – отсутствие пробок. Ночью дороги были более-менее пусты.

– Приехали, – сказала девушка, резко тормозя.

– И куда ты меня привезла? – спросил Октавий, открывая глаза. Он то ли спал, то ли притворялся спящим весь путь.

И только тогда Лилит поняла, *как* сглупила.

Они приехали не к дому Октавия – огромной сверкающей высотке, а к своему собственному дому – невысокому и неказистому. Как она перепутала, Лилит понятия не имела. Глядя на темные окна своей квартиры, девушка лишь крепко выругалась. Так крепко, что Октавий удивленно на нее покосился – такие выражения не следовало знать хрупким куколкам.

– Прости, – выдохнула Лилит. – Сама не знаю, как так получилось. Задумалась. Сейчас отвезу *тебя к тебе* домой.

Она уже хотела повернуть ключ зажигания, но Октавий остановил ее, положив на тыльную сторону ее бледной тонкой ладони свои пальцы.

– Не надо, – сказал он. – Я уеду на такси. А ты завтра пригонишь машину.

– Надо, – заупрямилась Лилит. – Иначе ты будешь думать, что я сделала это специально.

– Я думаю, что ты весь вечер сегодня ведешь себя глупо, – произнес устало Октавий.

– Ты все-таки злишься на меня, – констатировала она. – За что?

– Может быть, за то, что ты назвала меня идиотом и придурком? – спросил он с издевкой. – И за то, что дала понять, как ты ко мне относишься?

– И как же? – нахмурилась Лилит.

– Как к ублюдку, который принуждает тебя к чему-то. Я прекрасно знаю, что ты этого тоже хочешь. Понимал бы, что тебе это противно, не прикоснулся.

Сквозь его ледяную маску стали наконец проступать эмоции.

– Я такого не говорила. – Лилит поджала губы, на которых не осталось и следа от помады.

– А что ты несла про обслуживающий персонал, куклу и деньги? – спросил Октавий сердито. – Ты ясно дала мне понять, какого обо мне мнения. А ведь сама при этом играла со мной.

– Что?! – возмутилась Лилит. – В каком смысле – играла?

– В прямом, – отрезал он. – Специально ушла подальше ото всех, чтобы я не мог тебя контролировать. Чтобы прибежал к тебе.

– Ты пьян, – констатировала она.

– Пьян. Слегка. Но это не отменяет того, что ты заставила меня бежать следом, потом отпихнула и заявила, что я козел, который только и ждет, чтобы воспользоваться тобой. А ведь я думал, у нас все по обоюдному согласию. Потому что так хотим мы оба.

В его голубых глазах появился холодный огонь, который, правда, Лилит не пугал, а лишь, напротив, притягивал.

Октавий вдруг ударил кулаком по двери – как будто бы она была в чем-то виновата.

Этот жест стал для Лилит последней каплей. Эмоции хлынули из нее потоком. Она почти перестала сдерживаться.

– Ричард, – сказала Лилит, не мигая глядя на окна дома – огни отражались в ее темных глазах. – Не обижайся. Пожалуйста. Просто пойми, как это для меня странно. Ты платишь мне деньги, а я... сплю с тобой? Ты понимаешь, на что это похоже? Я просто хочу сделать свою работу. Ту работу, о которой мы договаривались. Посмотри на меня, – попросила она вдруг. – Ну, посмотри же.

Октавий все-таки нехотя повернулся к ней. И Лилит вдруг обхватила его лицо ладонями – кончики прохладных тонких пальцев касались висков.

– Ты мне нравишься до безумия. Я с ума схожу, когда ты рядом. Но я так не могу – если просто за деньги. Понимаешь?

– Не понимаю, – глухо ответил он, все еще сердясь. – При чем тут вообще деньги? Я вижу все иначе.

– А я вижу именно так, – едва сдерживая внезапно нахлынувшие слезы, произнесла Лилит. – Ты не замечаешь разницу между нами. Кто ты и кто я. Ты – кумир миллионов, который хочет, чтобы какая-то обычная девчонка притворялась его подружкой. Ты платишь этой девчонке. И сводишь ее с ума. Но пойми, что ей кажется, будто ты просто пользуешься ей, потому что считаешь, что имеешь право. Потому что купил. А она *позволила* тебе себя купить.

– Если сказать, что ты – глупая, это значит приуменьшить масштаб надуманной тобой трагедии, – сказал Октавий устало, убирая ее руки со своего лица.

По ее щекам потекли слезы.

– Тебя никто не собирался покупать. И я думал, что тебе хорошо со мной так же, как и мне – с тобой, – продолжал он. – При чем тут вообще деньги? Зачем ты делаешь из меня чудовище? Зачем ты придумываешь то, чего нет? Женщины, – покачал он головой.

– Ты на меня злишься, – сквозь слезы вымолвила Лилит, ненавидя себя за то, что ревет при этом человеку, но отчасти понимая, что хотела показать ему свои слезы. Санни сказала бы, что она провоцирует Окта.

– Уже нет. Если в твоей голове всегда такая каша, то злиться на тебя – излишне, – хмыкнул Октавий, доставая одноразовые платки, чтобы вытереть лицо девушки. – И хватит реветь. Это бесит, серьезно.

Однако его слова возымели противоположный эффект – слез стало в два раза больше. Только при этом во взгляде Лилит появилась хитринка, которую парень не замечал.

– Слушай, Лил, я буду с тобой честен. Я не обещаю, что влюблюсь в тебя, что мы станем парой, что я женюсь на тебе, – тихо сказал Октавий, вытирая ее лицо платком. – Я вообще ничего не могу обещать тебе – кроме того, что выполню все обязательства по нашему договору. Но ты мне нравишься. И надеюсь, что я тебе тоже.

– Нравишься, – эхом отозвалась Лилит.

– Если мы нравимся друг другу, почему бы не провести вместе время? – пожимает плечами Октавий. – Если ты согласна так – без обязательств. Ты и я.

Слезы моментально высохли на ее глазах – все-таки Лилит отличная актриса.

– Твоя работа и мои деньги – это одно, наши отношения без обязательств – это другое. Ясно? – спрашивает он.

– Да, – прикрывает длинные ресницы Лилит и тянется к Октавию за новой порцией одурманивающих поцелуев. И он не заставляет ее ждать. Кладет ладонь на затылок и целует.

Это яркий по ощущениям поцелуй. Крепкий, волнительный и сладкий. *Разрушительный.*

Он все крушил на своем пути – обиды, домыслы, страхи.

Он крушил их самих, заставляя растворяться друг в друге, в их личном крохотном мире, где было место только двоим. Он ломал их. И сносил все запреты.

Лилит казалось, что она готова на все – прямо сейчас, прямо здесь, в машине. В какой-то момент, когда Октавий усадил ее к себе на колени, стягивая верх платья и с упоением оставляя на ее коже следы губ, ей казалось, что она больше не может сдерживаться. Она не заметила, как расстегнула его рубашку – поняла это лишь тогда, когда ее руки оказались на его напряженном от прикосновений прессе.

Касаясь кончиками пальцев его ремня, Лилит снова нашла в себе силы отстраниться – теперь соприкасались лишь их лбы.

– Что опять? – простонал Октавий, глядя девушку по пояснице – платье снова слишком сильно задралось вверх. И это, если честно, сводило его с ума.

– Пойдем... ко мне... – задыхаясь, сказала она.

– К тебе? – переспросил он. – Ты же не одна живешь.

– Никого нет, – прошептала она, глядя на него одурманенным взглядом. – Идем!

– Окей, – согласился Октавий, решив, что лучше не светиться в машине – мало ли кто может увидеть их. Папарацци стало слишком много.

Лилит, наскоро поправив платье, первой выскользнула на улицу, наполненную упоительной ночной прохладой. Октавий – следом за ней, едва не забыв поставить машину на сигнализацию. Взявшись за руки, они направились к ее дому. Правда, по дороге не сдержались, остановились и снова начали целоваться. Если бы кто-то увидел их, он решил бы, что они – сумасшедшие возлюбленные. Но Лилит и Октавий думали, что их никто не видит. И зря.

Едва они скрылись из виду, увлеченные друг другом, как из густой черной тени выскользнул невысокий парень хрупкого телосложения. Его светлые глаза болезненно блестели. По худому лицу ходили желваки. Кулаки были крепко сжаты.

– Сука, – выдохнул он с яростью.

Его звали Бен Донован, и он уже несколько лет был безнадежно влюблен в Лилит Бейкер. А еще он только что видел, как та, из-за которой его сердце тысячу раз разбивалось на осколки, развлекается с другим. Не просто целуется, а почти отдается. В машине. Как грязная потасканная мразь.

Бен влюбился в Лилит еще в первом семестре, и с тех пор чувства к ней его не отпускали. До этого он ровно с такой же силой боготворил лишь одну женщину – известную кинодиву Кэндис Каннинге́м, чьими постерами и фотографиями была завешана вся его комната с тринадцати лет.

Лилит переняла эстафету, отодвинув Кэндис в сторону.

А теперь Бен мог видеть, как то, о чем мечтал сам, Лилит проделывает с другим.

И да, конечно же, это был красавчик – Лилит под стать.

– Дешевка, – повторил тихо Бен и нырнул обратно в тень.

Эта дрянь получит свое. А он – свое.

...Лилит и Октавий, не зная ничего о мыслях Бена, продолжали наслаждаться друг другом. Они не без труда поднялись на нужный этаж и почти ввалились в темную квартиру, не переставая целоваться – жадно, с напором. По пути в комнату Лилит они что-то перевернули, но обоим это совершенно не смутило.

Октавий кинул Лилит на кровать, стоя у ее ног и рассматривая полуобнаженное его стараниями женское тело. Возможно, Лилит была не самой идеальной девушкой в его жизни, однако притягивала к себе так, что мозг его начинал отказывать, а ощущения обострялись до предела.

– Ну же, – капризно протянула Лилит, не понимая, почему теперь Октавий вдруг медлит. Ей хочется продолжения – она не может терпеть.

– Тихо, малышка, – прошептал он, снимая с себя ремень.

– Отшлепаешь меня? – хихикнула девушка. Однако он не ответил. Просто подошел к изголовью кровати и хрипло сказал:

– Руки.

– Что? – не поняла Лилит.

– Вытяни руки, – повторил Октавий. И она послушала его.

Он сложил ремень вдвое и вдел его в отверстие пряжки – получилась петля. Ему осталось лишь расширить эту петлю – так, чтобы можно было накинуть на хрупкие кисти рук Лилит, вытянутые к изголовью кровати. А затем Октавий ловко затянул петлю – да так, что девушка не могла высвободиться.

Он сел рядом, глядя Лилит по лицу, спускаясь к шее, дотрагиваясь до ключиц, будто играя с ней. Верх ее открытого платья неприлично спущен почти к самой талии, и это кажется Октавию ужасно соблазнительным. Ее нежная кожа покрывается мурашками от его дыхания и поцелуев, которые чередуются с осторожными покусываниями – ему нравится экспериментировать и заставлять девушку выгибать спину, цепляясь пальцами в покрывало. Себя же он контролирует отлично – пока что.

Прежде чем склониться к Лилит, чтобы поцеловать, Октавий вдруг отстранился и сказал:

– И не думай о глупостях. Ты просто мне нравишься, Лил.

– Эй, просто делай уже что-нибудь, – нервно попросила она, – а то...

Но договорить не успела – его губы накрыли ее губы, и их обоим затопило светом. Мягким, теплым, чистым. Белым светом далекой утренней звезды.

Болезненное дыхание. Неровное биение сердец. Пронзительный блеск глаз. И полет в пропасть, наполненную доверху ванильными облаками.

Эта ночь для обоих была словно вспышка.

Словно пламя под звездным небом.

Живительным воздухом.

Ненавидеть – это легко.

Любить – это непросто.

Ты первый,

к кому

так нелепо влекло.

Цени меня, словно воздух.

Глава 5

Пломбирное солнце с кусочками шоколада

Сохрани свое доброе детское сердце.

Октавий находится у нас не слишком долго – после кофе он соизволяет-таки одеться, и Лилит отвозит его домой. Почему роль его личного водителя выполняет она, мне не очень понятно. А потом подруга тихо сообщает мне, что Октавий не слишком хорошо умеет водить. Делает это она с долей драматизма в голосе и в жестах, но я же вижу, что Лилит в восторге от того, что ей удастся побыть со своим кумиром еще некоторое время. Я никогда не замечала, чтобы ее глаза горели так ярко и чтобы улыбка ее была столь светлой.

– Будь осторожна, – напутствую ее я, пока Октавий одевается. – Не теряй голову. Пусть ее теряет он.

– Кто бы говорил, – хихикает Лилит. – Ты вообще видела себя со стороны, когда рядом с тобой Лестерс?

– Со мной что-то не так? – удивленно спрашиваю я.

– Что-то не так? – ехидно смотрит на меня подруга. – Да с тобой все не так. Влюбленная дурочка, – треплет она меня по волосам.

– Я не влюбленная, – возмущаюсь я. – Просто он мне нравится. Иногда.

– Да ты без ума от Лестерса, – объявляет Лилит. – Вы с ним вчера?.. – Она не продолжает фразу, а играет бровями, с любопытством глядя на меня.

– Нет! – тут же отвечаю я.

– Ты слишком быстро ответила! – торжествует она. – Неужели Лестерс соблазнил нашу невинную девочку Ховард вчера в парке?!

– Что ты несешь, – устало говорю я. – Никто никого не соблазнял. Мы целовались и разговаривали.

Лицо подруги разочарованно вытягивается.

– Кто-то из вас жутко тормозит. Или оба, – объявляет она.

– Ах да, мы же не такие реактивные, как вы со Сладким, – замечаю я. Лилит снова чуточку краснеет.

– Мы просто не могли сдерживаться, – мямлит она, – это сильнее нас. Физиология и все дела.

– Глупая, – я тискаю ее за щеки. – Я рада, что между вами все хорошо. Но не теряй головы, – добавляю я. Лилит должна понимать, что они слишком разные, чтобы быть вместе.

– У меня вместо головы давно кочан капусты, – заливается звонким смехом Лилит. А когда в гостиную выходит Октавий, тут же замолкает и строит из себя леди Недотрогу.

– Слушай, а где Кирстен? – напоследок спрашиваю я. – Она не пришла ночевать и ничего не писала.

– Не знаю, – растерянно смотрит на меня Лилит. – Давай позвоним ей?

– Езжайте, я позвоню сама, – отвечаю я. – Октавий, не обижай Лилит.

Он улыбается краешком губ.

– Ты видела, что твоя подруга сделала с моей спиной? Кто кого обижает – вот в чем вопрос.

– Эй, – обиженно надувает губы Лилит. – Тебе же нравилось!

– Идем, – берет ее за руку Октавий. И они уходят.

Я иду на кухню допивать кофе и несколько раз звоню Кирстен. Она не отвечает, и я начинаю волноваться за нее. Звоню и звоню, не понимая, что случилось. А когда все-таки трубку поднимают, я слышу мужской голос:

– Кирстен спит.

– Кто вы? – спрашиваю я. У Кирстен нет парня. И это точно не ее отец или брат. С кем она?

– Друг, – отвечает голос, и мне кажется, что я где-то слышала его однажды.

– Какой друг? – уточняю я. Всех друзей Кирстен я знаю.

– Какая разница? – усмехается незнакомец.

– Большая, – начинаю злиться я. – Я живу вместе с Кирстен, она куда-то пропала, а на ее телефон отвечает посторонний человек. Что я должна думать?

– А, ты одна из ее подружек, – хмыкает он. – Рыжая или брюнетка?

Парень вроде бы не говорит ничего плохого, но мне хочется его ударить – за интонации. И этот голос... Я точно слышала его раньше. Может быть, Кирстен знакомила нас? Не помню.

– Рыжая, – сдерживаясь, отвечаю я. – Позови Кирстен. Разбуди и позови.

– Без проблем.

Судя по звуку, он кладет телефон на твердую поверхность, видимо, на стол, и где-то на заднем плане раздаются смазанные голоса – я не могу разобрать ни слова. Проходит секунд тридцать, и трубку наконец берет Кирстен.

– Слушаю, – говорит она. Ее голос сонный.

– Ты где? – спрашиваю я. – Все в порядке? Мы тебя потеряли.

– Санни? Да, в порядке, – зевая, отвечает подруга. – Вчера вы разъехались, и я пошла к Эми – у нее была небольшая вечеринка. Забыла предупредить вас. Мы поздно уснули.

– А кто взял трубку? – осторожно интересуюсь я.

– Приятель Эми, он живет по-соседству. Я говорила тебе про него – он отлично играет в покер. Я оставила ему почти всю наличку! А когда у Эми не осталось нала, этот Маршалл заставил ее сделать ставкой поцелуй. И ей пришлось его целовать! По-моему, – хихикает Кирстен, – между ними что-то есть. Ох, – вздыхает она, – у всех личная жизнь. Кроме меня.

– А что у вас с Оливером? – спрашиваю я, вспоминая, как они целовались. – Он же тебе нравился.

– Он мне – да, а я ему – нет, – хмыкает Кирстен. Кажется, я слышу в ее голосе обиду и ставлю в голове галочку, что нужно поговорить с другом и узнать, как он относится к ней.

– Глупости, – отвечаю я. – Ладно, приезжай. Не задерживайся там. Окей?

– Окей, – обещает Кирстен.

Мы прощаемся.

Я делаю завтрак, долго принимаю душ, вспоминая события минувшей ночи и еще почему-то Криса. Потом привожу себя в порядок – скоро моя смена в «Принцессе Эмилии». Перед тем как выйти из дома, я беру чехол с гитарой – после работы репетиция. Наконец-то.

Я выхожу из дома в тот момент, когда к нему подъезжает темно-серый «Форд», из которого выбирается Кирстен. Она улыбается и машет водителю – парню со светлыми спутанными волосами, которого я... точно где-то видела. Он лениво поднимает руку вверх, прощаясь с Кирстен, и разворачивается. Когда он проезжает мимо меня, то подмигивает.

И я вспоминаю этого человека, сидящего за рулем. Это тот самый папарацци, который сфотографировал нас в Лестерсом на крыше в Хартли! Скорее всего, он и ответил мне по телефону – это его голос казался мне столь знакомым.

Волна нехорошего предчувствия проходит по моему телу и тает в районе солнечного сплетения. Те фотографии... Как они попали в прессу, если я удалила их?

Нет, Кирстен не могла.

«*Слушайте, а сколько бы мы получили, если бы рассказали журналистам?..*» – всплывают у меня в голове ее слова, сказанные тогда, когда она узнала тайну Октавия. Тайну, которую мы обязались не разглашать, и даже подписали бумаги.

А еще я вспоминаю, что в тот день, когда я, наконец, удалила снимки из карты памяти, изъятой из фотоаппарата папарацци, Кирстен была дома. Это был тот самый день, когда «Связь с солнцем» устроила вечеринку по случаю поражения в конкурсе. Кирстен могла спокойно пройти в комнату и посмотреть, что там на флешке.

У меня холодеют ладони. Я не хочу в это верить.

Сейчас мне нет дела до того, что наше опубликованное фото с Лестерсом принесло бы мне неприятности. Но мне не хочется осознавать, что мой близкий друг способен предать меня. *Продать*. За деньги.

Кирстен видит меня, радостно улыбается и подбегает. Она обнимает меня, как обычно, а после заглядывает в лицо.

– Ты уже на работу? А я думала, мы вместе...

– Кирстен, – перебиваю я ее болтовню, потому что не могу молчать.

– Что? – удивленно спрашивает подруга.

– Кто привез тебя домой?

– Маршалл, я тебе про него говорила, – отвечает она легкомысленно. – Сосед Эми. Ему было по пути. А что? Думаешь, между нами что-то есть? Он принадлежит Эми! – смеется она.

– Кирстен, – все так же серьезно говорю я. – Этот человек папарацци.

– Ну, он упоминал, что журналист, – кивает она.

– Он сделал фото со мной и с Лестерсом, – продолжаю я, не желая ее ни в чем обвинять, а просто излагая факты. – Фото, которое мы забрали у него вместе с картой памяти. Карта памяти хранится у нас дома. Сейчас она пустая. Но несколько дней я забывала ее почистить.

– И что? – настороженно смотрит на меня Кирстен, перестав улыбаться.

– А потом это фото все равно появилось в прессе. Ты знаешь эту историю.

Мы смотрим друг на друга. Я молчу. Она – тоже.

Мне тяжело все это говорить, и, если честно, я нахожусь в легком ступоре. Что чувствует Кирстен, я не понимаю – ее светлые глаза застилает непонятная ярость.

Первой тишину нарушает она.

– Хочешь сказать, что это я передала Маршаллу фото? – спрашивает подруга со злостью в голосе. Она редко выходит из себя, но если уж это случается, то надолго.

– Кирстен, послушай, – мягко прошу я. – Я не хочу ничего утверждать. Просто все это дико странно. Я не верю в совпадения.

– А во что ты веришь? – фыркает она.

– В то, что ты – мой друг, – спокойно говорю я, желая разобраться.

– Друг? – высоко поднимает Кирстен бровь. Только она так умеет. – Тогда почему ты обвиняешь своего друга в предательстве, Ховард?

– Я не обвиняю. Я хочу понять, как это получилось!

Ее злость начинает заводить и меня. Я пытаюсь успокоиться.

– Да? А разве ты не дала мне понять, что это я стащила фото с карты памяти и я передала их Маршаллу? – кричит она. – Разве не это ты думаешь?! А после этого смеешь называть меня своим другом?!

– Кирстен. Черт побери, перестань истерить и выслушай меня, – повышаю я в ответ голос. – Может быть, ты приводила этого Маршалла к нам домой, или рассказывала ему о Лестерсе, а он просто залез к нам и выкрал фото, или...

Закончить я не успеваю – Кирстен перебивает меня.

– Да, это я. Я. Я! – громко говорит она. – Можешь винить меня, Ховард. Во всем.

Она отталкивает меня и убегает домой. А я ругаюсь сквозь зубы, пинаю клумбу и иду к метро. Мне обидно почти до слез – но плакать я не собираюсь. Наверное, потом, когда меня отпустит, я переговорю с Кирстен еще раз. Нам обоим нужно успокоиться.

Смену в «Принцессе Эмили» я отрабатываю не совсем удачно – посетителей, а значит, и чаевых, не слишком много. К тому же я роняю поднос с заказом, оступившись прямо в зале. Во-первых, я получаю выговор от администратора, во-вторых, это раздражает гостей, которым заказ предназначался, и они называют меня безрукой идиоткой, а я не могу возразить им и только извиняюсь с неестественно широкой улыбкой. А в-третьих, я должна оплатить то, что уронила на пол.

С работы я выхожу уставшая и с гудящими ногами, однако меня бодрит мысль о предстоящей репетиции. В последнее время мы слишком мало стали собираться вместе – каникулы всегда расслабляют. Но я намерена изменить это. Мы должны работать на износ.

Когда я иду к метро, мне звонит Мэг, которая напоминает, что завтра мы встречаемся.

– Вы уже приехали? – спрашиваю я, на ходу жуя горячий ход-дог.

– Скоро выезжаем, – весело отвечает она.

– Может быть, лучше поехать на автобусе? – говорю я. – Дорога долгая.

– Ерунда, я за рулем двадцать лет, – отмахивается Мэг. – Так быстрее. И не нужно заранее покупать билеты.

– Санни, привет! – слышу я на заднем плане голос Эштана. – Я везу тебе подарок!

– У меня тоже есть для тебя кое-что! – тепло сообщаю я. С братом мы общаемся мало, но я люблю его. Когда я приезжаю домой, он не отходит от меня ни на минуту. Мы вместе гуляем по пляжу – до самой темноты, рассматривая прорезающиеся на небе звезды через телескоп, ходим в лес, который я знаю как свои пять пальцев, выбираемся в соседнюю деревню Вэстпорт – на живописном клифе² рядом с ней снимают популярный мистический сериал «Запечатанные». А мы с Эшем его обожаем. Еще мы просто разговариваем обо всем на свете. Эшу всего десять, но он кажется взрослее – его рассуждения порою более глубоки, чем у подростков. Эшу интересен Нью-Корвен, и он с удовольствием слушает мои рассказы про столицу. Мэг они, впрочем, тоже нравятся.

Иногда мы втроем сидим на заднем дворе, провожая солнце, утопающее в море, и болтаем. Я безумно ценю эти моменты – в моей жизни их слишком мало.

Едва я заканчиваю разговор с Мэг, мне звонит Дастин – у него небольшой перерыв на съемках шоу талантов «А ты можешь?». Я сразу отвечаю на вызов – если честно, я ждала этого.

– Привет, рыжая, – слышу я его на удивление мягкий голос, и от этого становится теплее. Я даже на какое-то мгновение забываю про нашу ссору с Кирстен. – Скучаешь?

Я скучаю – уже скучаю, хотя мы виделись не так давно. Но из чувства противоречия смеюсь:

– Нет, конечно.

– Плохо, – вздыхает Лестерс. – А я по тебе скучаю.

– Сильно? – смеюсь я.

– Не особо, конечно, – нарочито равнодушно говорит Дастин. – Так.

– Что – так? – уточняю я.

– Немного. Ты сегодня мне снилась, Франки, – заявляет он.

– Ого! И что же это был за сон, Доставка? – спрашиваю я. – Надеюсь, не эротический?

– К сожалению, нет, – вздыхает Дастин – по его голосу слышно, что против эротического сна он бы не имел ничего против. – Ты убегала от меня.

– Да? И куда же? – я останавливаюсь неподалеку от входа в метро. На душе становится все теплее.

² Клиф – прибрежная скала.

– Не знаю, – задумчиво отвечает Дастин. – Там было темно, и ярко сверкали звезды. А твои следы переливались радугой и исчезали. Эй! – вдруг спохватывается он. – Я не чертов романтик! Мои сны обычно имеют рейтинг восемнадцать плюс. А ты на меня дурно влияешь. Скоро я покроюсь ванилью, как стена – плесенью.

– Какой ты милый, Доставочка, – смеюсь я. Почему-то перед моими глазами стоит эта картинка: небесная тьма, звезды и следы на облаках, сияющие радугой – стоит пойти по ним, как они растворяются.

Как будто бы я побывала во сне Дастина.

– Я не милый, – отвечает он пренебрежительно. – Ты вообще понимаешь, к чему я веду?

– Нет, – честно признаюсь я.

– К тому, чтобы ты не вздумала убежать от того, что между нами происходит. – Эти слова Дастин произносит тихо – наверное, чтобы никто не слышал.

– Думаешь, я буду убежать от этого? – спрашиваю я серьезно. – Нет, Лестерс, скорее всего, убежать захочешь ты. Но я заранее официально предупреждаю, что у тебя ничего не получится. Понял?

– Принял к сведению, – насмешливо отвечает Дастин, которому мой ответ явно приходится по душе. – Мы ведь увидимся завтра? – спрашивает он требовательно.

– Да, вечером, – отвечаю я.

– Долго ждать. Присылай мне сообщения. Не молчи.

– Хорошо. А почему ты не чавкаешь? – спрашиваю я весело, вспоминая его прошлые звонки во время перерывов на съемках. Раньше Лестерс постоянно что-то жевал в трубку.

– Я никогда не чавкаю, – говорит он. – Ты что-то путаешь.

Мы беспечно болтаем еще несколько минут, но потом приходит Хью и едва ли не силой уводит Дастина. А я, согретая, словно солнцем, его голосом, иду в метро.

Репетиция, как и всегда, проходит в старом гараже родителей Оливера, который считается у нас репетиционной точкой. Естественно, это не просто старый пустой гараж, а настоящая репетиционная база, со звукоизоляцией и акустической отделкой. Мы с парнями потратили несколько месяцев, чтобы обустроить все как следует, и кучу денег, чтобы оборудовать всем необходимым. Этим руководил Нейтан. Я знаю, что у него есть цель – однажды открыть студию звукозаписи и профессиональную репетиционную базу со всеми инструментами и аппаратурой. Надеюсь, лет через десять он этого добьется. И мы будем записываться в студии Нейтана.

Когда я захожу на базу, парни уже все в сборе.

Оливер в бейсболке козырьком назад сидит за барабанной установкой и исполняет бласт-бит. Технично, уверенно и довольно быстро, хоть и не идеально. Скорость – это его слабое место, но Оливер очень старается и работает над этим. Я вижу прогресс: то, что было раньше, не идет ни в какое сравнение с тем, что показывает наш барабанщик сейчас.

В то время как Оливер самозабвенно играет, Нейтан меняет струну, а Чет ему помогает. Он придерживает гитару за головку грифа, пока Нейтан просовывает струну в колок и заворачивает ее вокруг него. А когда Нейтан начинает крутить вертушку для колков, Чет держит кусок струны. И при этом умудряется переписываться с кем-то по телефону свободной рукой.

Сложно понять, почему они делают это на коленях. Я предпочитаю менять струны на устойчивой горизонтальной поверхности, например, на столе, подложив под гриф рулон с бумажными полотенцами. И иногда прошу о помощи Кирстен или Лилит – при этом они обе уверены, что струна вот-вот лопнет и попадет им по лицу.

Мы обмениваемся веселыми приветствиями – кажется, парни сегодня в отличном настроении. Всем не терпится начать. К тому же скоро выступление в клубе – это подстегивает нас всех. Не хочется ударить в грязь лицом.

Нейтан настраивает по тюнеру гитары – свою и мою, а Чет и Оливер занимаются усилителями. В это время я распеваюсь – голос радостно рвется наружу. И в груди разгорается солнце.

Репетиция начинается.

Для нас это не развлечение, а настоящий труд. Труд, приносящий удовольствие, несмотря ни на что. Мы сыгрываемся, то и дело останавливаясь и споря, что и как будет лучше звучать. Проходимся по сет-листу, внимательно следя за каждой нотой, отрабатывая каждый нюанс, анализируя каждую партию. Каждую старую песню мы играем по нескольку раз – пока не отполируем. Потом разбираем новую. У нас всех много идей, и мы хотим воплотить их в жизнь.

Мне повезло, что парни из группы, как и я, учатся в Хартли. Они – профи. И они отлично секут в музыке. Но даже профи могут иметь разные точки зрения. По традиции, Чет и Оливер – наша ритм-секция – так орут друг на друга, что мне и Нейтану приходится их успокаивать, чтобы они не подрались.

Вторая наша традиция – устраивать в конце репетиции джем-сейшн. Мы импровизируем и играем так, как нам хочется, не думая ни о чем и растворяясь в музыке. Это мой любимый момент, и на какое-то мгновение я перестаю контролировать свои руки, перестаю чувствовать себя, перестаю понимать, кто я и где. Я становлюсь музыкой – не *моей* музыкой, *нашей*.

Музыкой группы «Связь с солнцем».

Когда мы заканчиваем и в гараже звенит тишина, я понимаю, что эти парни – Чет, Оливер, Нейтан – стали мне братьями. Братьями по духу. Братьями, с которыми мы делаем то, что умеем делать лучше всего на свете, – музыку. *Нашу музыку*.

Наша история только началась, но я уверена, что ее узнает весь мир.

А потом, уже глубокой ночью, мы расходимся. Нейтан сегодня на машине, и он развозит нас с Четом по домам. Я сижу на заднем сиденье и полдороги слушаю, как парни разговаривают о татуировках. У Чета их много – забиты обе руки, и парочка есть на икрах и теле. У Нейтана татуировок куда меньше – одна на плече, а вторая, крохотная, на мочке уха. Нейтан хочет сделать какую-то еще и консультируется с Четом по поводу мастера. Я переписываюсь с Дастином и изредка смеюсь над шутками парней. Не хочу думать о том, что скоро приеду домой, где меня ждет выяснение отношений с Кирстен.

– Санни, а ты хочешь себе что-нибудь набить? – поворачивается ко мне Чет.

– Не знаю, может быть, – задумчиво отвечаю я.

– Имя своего парня? – ухмыляется Нейтан.

– Какого парня? – я поднимаю на парней удивленный взгляд.

– С которым ты переписываешься с глупой улыбочкой, – отвечает друг.

– Его зовут Дастин, – встречает Чет. – Красавчик из телика. Ну-ка, заценим ваши розовые слюни! – с этими словами он ловко выхватывает у меня телефон, громко и выразительно зачитывая последние сообщения: – Фраки – почему Франки? – я устал, но это не мешает мне скучать по тебе. Жду нашего первого урока.

– Какой он милый, – ухмыляется Нейтан.

– А Санни ему отвечает, – не успокаивается Чет и зачитывает мое сообщение противным писклявым голосом: – Жди завтрашнего вечера, милый котик. Эй, Ховард, что у вас за уроки?

– Да, мне тоже интересно, – подхватывает Нейтан. – Уроки любви?

– Идиоты! Я не писала ему, что он – милый котик! – Я хочу забрать телефон, но не получается.

– О, он еще настроил! – ликует Чет, ловя мою руку, пытающуюся забрать телефон. – Спрашивает, какой цвет ты любишь. И снова назвал Франки – почему он дал тебе такое прозвище?

Я люблю яркие, теплые краски, но Чет решает, что ответить должен по-своему:

– Цвет твоих глаз! – все так же пискляво декларирует Чет и быстро набирает сообщение от моего имени.

– Отдай телефон, Далтон! – с возмущением кричу я.

– Назови его как-нибудь ласково, – ухмыляется Нейтан.

– Мой нежный малыш, – хохоча, дописывает Чет. И на этом я все-таки отбираю у него свой телефон.

Сообщения Дастина отправлены. И обращение «мой нежный малыш» – тоже. Я злюсь и посылаю друзей куда подальше. Но они знают, что я остыну, а потому продолжают смеяться.

«Ты пила?» – почти мгновенно спрашивает Дастин. Он явно впечатлен «нежным малышом».

Признаваться ему, что это развлекались мои друзья, я не хочу. Дастин слишком обидчивый – не так поймет. Актеры – они вообще странные. Лилит может расстроиться из-за чего угодно. А может почти мгновенно стать веселой и смешливой.

«Если ты пьяна, скажи, где ты, я отправлю за тобой Хью», – приходит новое сообщение от Дастина. Какой он заботливый.

«Все в порядке. Это Т9, – отвечаю я. – Хотела назвать тебя Круглосуточной Доставкой, а вышло милый котик».

Лестерс, естественно, не верит – думает, что я над ним прикалываюсь.

Я решаю отомстить и выжидаю. Когда Чет приходит сообщение, я выхватываю телефон из его рук и читаю. Он переписывается с девушкой, которая в его телефоне значится как «Прекрасная». Я открываю рот, чтобы прочесть переписку вслух – как Чет недавно читал мою, но...

Не могу сделать этого. Это слишком личное.

«Я без тебя не могу. Устал ждать», – пишет друг. И я не узнаю его. Всего лишь несколько слов открывают его с совершенно неожиданной стороны.

«Завтра его не будет. Мы сможем встретиться вечером. Жди моего звонка», – отвечает «Прекрасная».

И Чет вырывает телефон у меня из рук.

– Не делай так, – говорит он мне. Чет несколько рассержен, но я вижу в его глазах еще и смятение. Он не хотел, чтобы кто-то видел эту переписку.

– И ты. Также не делай так больше, – отвечаю я. – Это не так приятно, как ты думаешь.

– Понял, – кивает он. – Извини. Правда, извини, Санни.

– Вы о чем? – не понимает Нейтан, но Чет молча отвечает своей девушке, которую так тщательно от всех скрывает, а я перевожу тему на другой разговор.

Дома я оказываюсь глубокой ночью в полной уверенности, что Лилит и Кирстен давно спят. Однако Лилит сидит в гостиной и смотрит сериал, держа на коленях поп-корн и поедая шоколадку. Взгляд у нее при этом отсутствующий. А Кирстен и вовсе нет дома.

– Я ей звонила – сегодня она ночует у Эми, – поясняет мне Лилит, захлопывая ноутбук. – Она была такая странная...

– Какая? – не понимаю я, разваливаясь на диване и вытягивая затекшие ноги.

– Злая, что ли, – задумчиво отвечает подруга. – И нервная. Я спросила, все ли в порядке, а она сказала узнать у тебя. Между вами что-то произошло? – внимательно смотрит на меня Лилит.

Я рассказываю ей обо всем, и лицо подруги становится взволнованным.

– Кирстен не могла, – хмурится Лилит. – Не могла так поступить с тобой!

– Я тоже не верю... не верила, – вздыхаю я, обнимая подушку. Ужасно хочется спать. И на душе неспокойно из-за этой ситуации. – Я не обвиняла ее, пойми. Я просто сказала, что все это очень странно. Понимаешь?

– Понимаю, – запускает пальцы в черные волосы Лилит. – Странно, что Кирстен так разозлилась в ответ. Может быть, она замешана в этом косвенно? Может быть, этот Маршалл – или как его там? – окрутил ее?

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Я хотела поговорить с ней, когда мы обе остынем. Чтобы все выяснить. Чтобы не осталось недопонимания.

Кирстен – не тот человек, которого я хочу терять.

– Ты ей веришь? – прямо спрашивает Лилит.

– Я хочу ей верить, – твердо отвечаю я. – Мне кажется, во всей этой истории что-то не то, и я хочу понять, что именно. Я хочу просто выслушать Кирстен. И понять, – повторяю я.

– Это все так сложно, – вздыхает Лилит. – Я всегда доверяла Кирстен.

«И я хочу доверять ей и дальше», – сообщает мне ее взгляд.

– Просто нужно поговорить, – решительно настроена я. – Поговорить и выяснить. Завтра, надеюсь, это получится.

– Она же не будет прятаться у Эми вечно, – соглашается Лилит.

– Ты права. Что у тебя с Октавием? – спрашиваю я. – Вы сегодня встречались?

– Сегодня – нет, – грустно сообщает подруга. – Так странно. Мы только-только стали общаться с ним, а я уже *так* привыкла. Постоянно думаю о нем. Не могу ни на чем сосредоточиться.

– Он подсадил тебя на эмоциональную иглу?

– Мне хочется верить, что нет. И что я контролирую себя, – улыбается Лилит, однако улыбка ее не слишком-то и веселая. – Но стоит ему написать мне или позвонить, я начинаю сходить с ума от счастья. А когда он молчит, я не знаю, куда себя девать. То и дело проверяю телефон. Думаю о нем. Переживаю. В голову сами собой лезут воспоминания о часах, которые мы провели вместе. – Лилит прикрывает длинные ресницы. – С ума сойти. Как будто бы мне четырнадцать лет и это мой первый мальчик, – нервно смеется она. – Но знаешь, Санни, когда мне было четырнадцать, меня приглашали на свидания и признавались в любви, я не испытывала такого. Скорее, мне было смешно и любопытно. После таких признаний здорово поднималась самооценка. Но я никогда никого не любила по-настоящему – просто испытывала симпатию. Не было такого, чтобы я «горела» человеком. А сейчас как-то все иначе. Я «горю» Ричардом.

То, что Лилит называет Октавия его настоящим именем, почему-то немного настаораживает меня.

– Это и есть эмоциональная игла, да? – спрашивает меня подруга с деланным весельем. Я не знаю, что сказать.

– Может быть, – честно отвечаю я. – Мне кажется, в твоем случае накладывается много всего: то, что он был твоим кумиром когда-то, то, что у него есть тайна, в которую ты посвящена, то, что он попросил тебя сыграть роль его девушки, то, что ваши отношения начались с близости. Я даже представить не могу, какая это для тебя сильная эмоциональная встряска. А ведь ты любишь эмоции. Живешь ими. Актриса, – мягко улыбаюсь я Лилит и поправляю ее выбившуюся прядь. – То, что происходит между вами, проняло бы почти любую девушку. Это ведь как сказка.

– Как сказка, – повторяет подруга. – А вдруг это любовь? – задает она новый вопрос – непонятно, мне или самой себе. – Что, если я полюбила его?

– Или полюбила эмоции, которые ты от него получаешь. – Я пытаюсь быть осторожной – не хочу задеть подругу. Но еще больше я не хочу, чтобы под влиянием всех этих эмоций она совершила такие ошибки, которые потом не сможет сама себе простить.

– И как понять, что со мной? – спрашивает Лилит. Ее лицо – олицетворение одухотворенной грусти.

– Думаю, время покажет. Знаешь, я не лучший в мире советчик. Но мне кажется, тебе стоит просто наслаждаться тем, что есть сейчас. Контролировать себя в полной мере ты не сможешь, но ты сможешь *осознавать* свои эмоции. И тогда ты будешь отдавать себе отчет в том, что с тобой происходит. Как говорит профессор Бланшет, контроль начинается с осознанности.

– Вы что, разбираете на занятиях чувства? – смеется Лилит, и я опять поражаюсь тому, как быстро она умеет переходить из одного эмоционального состояния в другое. Или играет?

– Он говорил это в другом контексте, когда мы беседовали о страхе сцены, – отмахиваюсь я. – «Осознай, зафиксируй и контролируй», – вот его совет для тех, кто боялся публики. Но, думаю, это подойдет и для отношений.

– Осознай... – Эхом повторяет за мной Лилит. На минуту она задумывается, закрывает глаза и, кажется, прислушивается к себе. – Знаешь, Санни, – говорит она спустя четверть минуты, – мне кажется, чем больше я пытаюсь осознать то, что со мной происходит, тем больше понимаю одно. Я хочу, чтобы это продолжалось и дальше. Знаю, что ничего серьезного у нас с Ричардом не получится. Он для меня – ожившая сказка. А я для него – забавное приключение, о котором он забудет. Но нужно наслаждаться, пока есть возможность. Правда?

– Правда. А что потом? – спрашиваю я прямо. – Когда он уедет?

– Мне будет больно, – признается Лилит. – Наверное, тяжело слезать с любой иглы, – нехотя, но признает она. – Я буду страдать, плакать, думать о нем, не хотеть жить, есть конфеты, отслеживать его во всех социальных сетях. А потом это пройдет. Пройдет ведь? – спрашивает она у меня. Вместо ответа я обнимаю ее.

– Знаешь, что было написано на кольце царя Соломона? – спрашиваю я, прижимаясь своей щекой к ее щеке. – Там было написано: «И это пройдет». Все проходит. Мы сможем пережить все.

Лилит понимает меня и сжимает свои объятия так сильно, что я шучу – сейчас она меня задушит.

– Я обнимаю тебя крепче, чем твой Лестерс, – чуть ревниво заявляет подруга. Мы смеемся. Она хочет сказать мне что-то еще, но в это время звонит ее телефон. Лилит вздрагивает от неожиданности и тут же тянется к нему, лежащему на спинке дивана. На ее лице появляется странное радостное выражение. Но оно тут же пропадает, стоит ей взглянуть на экран. Видимо, это не Октавий.

– Слушаю! – сердито говорит она, прижимая телефон к уху. – Эй, хватит молчать!

– Кто это? – спрашиваю я удивленно. Лилит демонстративно пожимает плечами и сбрасывает вызов.

– Несколько раз уже звонили, – недовольно выдыхает подруга. – Кто-то развлекается.

– Звонят и молчат? – переспрашиваю я.

– Именно. Бесит.

– Добавь этот номер в черный список, – советую я.

– Не могу, – вздыхает Лилит. – Номер скрыт. Ладно, это глупости. Расскажи мне, что у вас с Лестерсом.

Мы болтаем и только спустя час идем спать.

Глядя на кусок темного неба в своем окне, я думаю о том, что, несмотря ни на что, моя жизнь складывается удачно. Я занимаюсь тем, чем хотела заниматься с самого детства. У меня нет славы и денег, но у меня есть друзья, группа и, кажется, первая любовь. Лежа на старой кровати, видя, как ветерок треплет легкие занавески, чувствуя дыхание ночной улицы, я отчетливо понимаю одну очень важную вещь. Все идет так, как и должно. Все, что со мной происходит, закономерно. Это цепочка последствий моих поступков. Мой выбор.

Я делаю свою жизнь такой, какая она есть.

Я все делаю правильно. Даже если ошибаюсь. Потому что ошибки учат меня. Потому что ошибки – это опыт. И если я перестану ошибаться, я перестану идти вперед.

Я живу сердцем. И верю, что это верный путь.

Я ловлю себя на мысли, что *фиксирую* это. Задерживаю дыхание и ловлю краткий миг постижения себя самой.

Где-то далеко раздается вой сирен, под окном мигает фонарь, и сквозняк, пробирающийся через приоткрытое окно, ластится о мои голые щиколотки.

Мне кажется, что эта ночь влажно благоухает цветами – как в нашем старом доме.

С этими мыслями и с чувством того, что *поймала* странное, едва уловимое мгновение осознания себя, я засыпаю.

Ночь проходит спокойно, и я встаю по будильнику, чувствуя себя выпавшейся. Душ, на удивление, свободен. Лилит встала раньше меня и, судя по аромату, разносящемуся по всей квартире, готовит панкейки. А Кирстен так и не вернулась. Мне кажется, что она придет вечером, и тогда мы с ней обязательно поговорим.

– Какие у тебя сегодня планы на день? – спрашивает Лилит спустя полчаса, когда мы обе сидим на кухне. Мои мокрые, едва подсушенные полотенцем волосы блестят на солнце. Из-за воды они начинают слегка завиваться.

– Сегодня я встречаюсь с Мэг и Эштаном, – отвечаю я, делая глоток кофе. – Тетя и брат уже в Нью-Корвене – мы только что разговаривали. Они пройдут обследование в медицинском центре, и мы встретимся. А потом, возможно, я встречу с Лестерсом.

– А я хотела позвать тебя в кино. Тогда ходим на днях! – решает Лилит.

– Может быть, сегодня Октавий позовет тебя на очередное свидание, – подкалываю я подругу. – И подарит очередное платье.

– Кстати! Платье! – громко вскрикивает она. – Я же могу его сдать обратно в бутик и получить деньги! Я не срезала этикетку!

Подруга бурно радуется возможности достать деньги – она не понимает, почему кусок какой-то тряпки стоит *так* дорого. Впрочем, я тоже.

Перед встречей с тетей и братом я направляюсь за подарками. Я не лгала Эштану – у меня для него действительно кое-что есть. Правда, это «кое-что» дожидается своего часа в том самом букинистическом магазине, где я и Джонатан покупали книги для Саманты. Выбирая для нее подарок, я приглядела красочное подарочное издание «Питера Пэна» с иллюстрациями. Эштан обожает книги – он готов читать их весь день, пока Мэг не погонит его спать. Мальчишки в школе не слишком любят его за то, что он постоянно читает и не слишком хорошо умеет давать сдачи, но Эшу все равно. Он взрослее своего возраста. И слишком любит читать. А еще обожает мультяшного совенка Вэмми.

В букинистическом магазине меня встречают как постоянного клиента. Я нахожу «Питера Пэна» – к моему счастью, он дождался меня! – и четверть часа болтаю с приветливым продавцом. Потом я еду за подарком для Мэг. Она давно хотела фотоаппарат моментальной печати, и через приятеля Оливера я покупаю и его, и кассеты к нему с хорошей скидкой.

Деньги Эммы Мунлайт как нельзя пришлись кстати.

Подарки я упаковываю в кофейне, заказав себе капучино и кусок шоколадного торта. Я заворачиваю книгу в яркую бумагу, кладу ее в подарочную квадратную коробку и засыпаю кучей шоколадок, конфет и батончиков, купленных в ближайшем супермаркете. Эш обожает сладкое. В круглую коробку я кладу фотоаппарат и кассеты, а еще – небольшую открытку.

«Пусть эта вещь поможет запечатлеть самые яркие моменты твоей жизни. С любовью, Санны».

Я уверена, что Мэг оценит этот подарок.

Допивая кофе, я снова иду к метро.

Мы встречаемся неподалеку от медицинского центра, на ухоженной аллее. Они видят меня издали. Мэг машет рукой, Эштан что-то кричит, а потом бежит ко мне. Я невольно вспоминаю дурацкий сон, но отмахиваюсь от плохих мыслей и обнимаю брата. Он все такой же худой, но вытянулся с Рождества. Я уверена, что Эш вырастет красавчиком. У него глаза удивительного стального оттенка и ямочки на щеках.

– Я скучал, – сообщает он мне и засыпает градом вопросов: – А ты? Почему ты не приезжаешь к нам, Санни? Как у тебя дела? Ты споешь мне ту песню, которую придумала у моря? Твоя группа уже популярна? Ты видела, какой у меня телефон? А ты знаешь, что мама ходила на свидание с мистером Бруксом, который держит свой паб?

– Санни, дорогая! – приближается Мэг и заключает меня в свои объятия. Они у нее всегда крепкие. – Наконец мы встретились, – весело говорит она, держа меня за руки. – Как ты тут живешь? Каждый раз, когда я попадаю в Нью-Корвен, мне становится плохо. Столько людей, столько машин – с ума сойти можно! Мы перепутали ветки в метро и едва не опоздали на прием.

– Ты должна была остановиться у меня, а я бы проводила вас до медицинского центра, – сержусь я. Но тетя, как и всегда, слишком упряма. Переубедить ее не способен никто.

– Глупости, – отрезает она. – Я же знаю, что ты работаешь и тебе некогда.

– Что с Эшем? – спрашиваю я и лохмачу ему волосы. – У него какие-то проблемы со зрением?

– Садится из-за нагрузок в школе и постоянного чтения, – отвечает Мэг. – Теперь нужно будет покупать очки и провести курс медикаментозного лечения.

– И делать гимнастику для глаз, – вставляет Эштан. Кажется, он не против очков.

– Как мне сказали, ничего такого, из-за чего нужно паниковать, – заключает Мэг. – А я запаниковала так, что приехала в Нью-Корвен, чтобы моего ребенка проверили в лучшей офтальмологической клинике. Знаешь, а ведь у Эштана-старшего тоже было плохое зрение. Наверное, Эш пошел в него.

Она нервно смеется. И я ее понимаю. Тетя лишилась и родителей, и мужа, и теперь вся ее нерастраченная любовь направлена на единственного сына. Она слишком сильно переживает за Эша, хоть и не показывает вида. И ради него она готова рвать последние жилы.

– Папа носил очки? – удивленно спрашивает брат. – На фотографиях он всегда без очков.

– Нет, он носил линзы, – отвечает Мэг.

– Я тоже хочу линзы.

– Когда подрастешь.

– В очках ты будешь выглядеть на тридцать процентов умнее, – успокаиваю я брата.

– Майк Харрис носит очки, но от этого он не перестает выглядеть как глупая горилла, – говорит Эш задумчиво. Майк – одноклассник, который пытается его задрать. Прошлым летом я учила брата кое-каким приемам, чтобы Эштан мог давать отпор этому мальчишке. Кажется, получилось.

Какое-то время мы гуляем по аллейке, рассказывая друг другу последние новости. Тетя спрашивает, не нашла ли я себе парня, а я говорю, что нет. Однако по моему лицу она что-то понимает и заявляет, что я просто обязана рассказать ей все, когда мы останемся наедине. А затем мы едем в аквапарк, куда так рвется Эштан. Это его мечта.

Аквапарк Нью-Корвена впечатляет. И хотя, конечно, его нельзя назвать лучшим в мире, народу тут огромное количество – хорошо, что я купила билеты для нас троих заранее, иначе бы мы просто не попали. В аквапарке мы проводим большую часть дня. Тут просто уйма аттракционов! Да и сама его территория выглядит по-настоящему сказочно.

Эштан влюбляется в горки – его нельзя оторвать от них даже силой, особенно от горки со свободным падением. Мне по душе скоростная речка, в которой поток воды несет тебя вперед, а ты наблюдаешь за рыбами в огромном аквариуме. Настоящий всплеск адреналина! А Мэг без ума от искусственного песчаного пляжа с волнами. Она отдыхает на лежаке под ярким солнцем и наслаждается искусственным шумом прибоя. Хоть Мэг и живет у самого моря, она не слишком часто заходит в воду – вместо золотого песка у нас острая галька, царапающая кожу, да камни.

Вечером мы, уставшие, чуть подгоревшие на солнце и, безусловно, счастливые, сидим в одном из ресторанчиков на территории аквапарка. Эштан вдоволь накатался и теперь с нетерпением ждет свой ужин. Кажется, поездка в Нью-Корвен станет для него самым запоминающимся событием этого лета. Мэг тоже расслабилась – она потягивает безалкогольное пиво и рассказывает смешные истории, которые то и дело приключаются с кем-то из соседей в нашем небольшом городке. Я слушаю ее с улыбкой – воспоминания о родном доме для меня дороги.

Перед десертом мы обмениваемся подарками. Эштан в восторге от книги и шоколада, Мэг тут же начинает опробывать фотоаппарат, а я с интересом кручу в руках диктофон. Мэг знает, что я использую диктофон, встроенный в телефон, поэтому решила сделать мне полезный сюрприз.

Мы втроем делаем совместные селфи, и у каждого из нас остаются на память моментально напечатанные квадратные снимки, где мы улыбаемся. Странно – это всего лишь кусок глянцевой фотобумаги, но он дарит нам много эмоций.

И хранит в себе нашу память.

Это очень теплые семейные посиделки, которых мне так не хватало. Но я не могу представить ни на мгновение, что Мэг – моя мать, а не тетя. Почему, я и сама не знаю. В моей голове каменной глыбой застыла простая мысль – у меня нет матери. Моя биологическая мать отказалась от меня, предпочтя алкоголь и сомнительные компании. А той, которая вырастила меня – моей бабушки – больше с нами нет.

После фирменного мороженого с кусочками шоколада Эштан убегает на детское шоу, которое показывают в павильоне через дорогу. И Мэг, словно читая мои мысли, вдруг говорит:

– Дорин объявлялась.

Я ничего не хочу слышать о матери. В последний раз я видела ее на похоронах. И с тех пор мы ни разу не общались. Мне все равно, что с ней. А ей плевать на меня. Но я все же нехотя спрашиваю:

– И... как она?

– Все так же, – отвечает Мэг невесело. Она не любит говорить о сестре. Для нее это болезненная тема. – Но в этот раз она спрашивала о тебе.

Я морщусь.

– И что хотела? Денег?

– Не знаю. Но раньше Дорин никогда не вспоминала о тебе. Она прожила у нас неделю. Я предлагала ей помочь с работой. Но она дождалась своего дружка – помнишь, Сэмми, который ограбил заправку? – и они вместе куда-то уехали. Твой телефон я не дала, сказала, что не знаю. Я ведь правильно сделала?

– Правильно. Почему она стала такой? – вдруг спрашиваю я. – Или она всегда такой была?

– Ох, Санни... – Тетя трет лоб. И это напоминает мне о бабушке – это ее жест. – Все так сложно. Я даже не знаю, что тебе сказать.

– Скажи, как есть.

– Твоя мать была хорошей. Излишне вспыльчивой, эмоциональной, где-то злопамятной. Но... хорошей. А еще очень талантливой, – глядя куда-то вдаль, говорит Мэг. – Мы не были подружками – как-никак пять лет разницы сыграли свою роль. Но для меня Дорин осталась в памяти той дерзкой яркой восемнадцатилетней девчонкой, которая на выпускном стала королевой бала. Она была самой красивой и популярной девчонкой в старшей школе.

Я не могу представить Дорин королевой выпускного бала. В моей голове это хоть и красивая, но неряшливая женщина с худым лицом и светлыми болезненными глазами, которая держит в руке бутылку пива и курит дешевые крепкие сигареты.

– Вы похожи, – говорит Мэг. – Чем старше ты становишься, тем отчетливее я это понимаю. Очень похожи.

Смешно. Быть похожей на мать – это сомнительный комплимент.

– Раньше Дорин всегда казалась мне особенной. Яркой, смелой. Она отлично училась и при этом имела кучу поклонников. А еще она чудесно играла на гитаре и, как и ты, училась в Нью-Корвене.

Я внимательно слушаю Мэг – о матери мне известно очень мало.

– У Дорин всегда был комплекс отличницы, – продолжает Мэг. – Она хотела быть лучше всех. В конце концов, это ее и сломало. Когда она стала терпеть неудачу за неудачей, в ней что-то перевернулось. Как будто душа порвалась, а заштопать эту дыру ей так и не удалось. И хотя я всегда боготворила сестру, я быстро поняла ее главный недостаток. Дорин была слишком слабой. И вот в этом вы очень отличаетесь. – Тетя внимательно смотрит на меня. – Я не говорила тебе, но... твоя мать тоже училась в Хартли. Как и ты.

– Что? – недоверчиво выдыхаю я. Это для меня настоящее откровение. – Это шутка?

– Нет. Она отучилась в Хартли два или три семестра. По классу гитары.

– Почему ты этого мне не говорила раньше? – резко спрашиваю я.

– Если честно, Санни, я боялась за тебя, – понижает голос Мэг. – Когда... их не стало, – я понимаю, что она имеет в виду бабушку и дедушку, – я боялась, что ты тоже можешь сломаться. Как она.

Тетя берет меня за руку.

– Прости, Санни, возможно, для тебя это было важно. Но... Видя твое состояние, я боялась, что ты не сможешь взять себя в руки. И не пойдешь вперед, а остановишься. Как она.

Потому что мы похожи. Это раздражает.

– Прости, – повторяет Мэг и сжимает мою ладонь своею – сухой и горячей. – Я не знала, что делать. Я буквально заставляла тебя ехать и сдавать экзамены. Помнишь?

Я помнила. Она и мисс Вудс настояли, чтобы я ехала поступать в Хердманскую национальную музыкальную школу.

– Когда ты не поступила в Хердман, я даже подумала, что это все. Конец. Но ты взяла и на свой страх и риск поехала в Нью-Корвен и поступила в Хартли. Ты бы знала, как я была горда, – продолжает тетя. – Я говорила всем соседям, всем друзьям и знакомым, что моя племянница поступила в такое престижное место. И вот еще два семестра, и ты получишь диплом. Ты молодец, Санни.

Я не знаю, что сказать в ответ. А Мэг продолжает:

– Когда Дорин поступила в Хартли, я тоже была горда. Но эта гордость длилась недолго. Вскоре она влюбилась в какого-то парня. Музыканта из Хартли. Я даже имени его не помню, но знаю, что он стал для Дорин всем. Никогда не видела, чтобы *так* влюблялись. Так, как она. Это было какое-то сумасшествие. Помешательство. Одержимость. Потом этот парень бросил ее. А она узнала, что беременна тобой – на довольно позднем сроке, случайно. Аборт ей делать отказались. Парень нашел другую девушку. Из-за беременности Дорин не смогла участвовать в важном музыкальном конкурсе, в котором должна была победить. И потом она будто сошла с ума. Вернулась домой и ничего не говорила. Сказала, что разочаровалась в музыке и бросила учебу. Мама заподозрила неладное, когда у нее начал расти живот. Они с отцом вывели Дорин правду, и на следующую ночь она попыталась покончить с собой – правда, ее откачали. Потом родила тебя. И пустилась во все тяжкие. Сначала я думала, что это постродовая депрессия. Но нет. Она просто сломалась, – горько повторила тетя. – На Дорин возлагали большие надежды – дома, в Хартли. Но она не оправдала ни одну из них. Иногда мне кажется, что у моей сестры лишь два состояния: все или ничего. «Все» у нее не получилось. И она, не став бороться за себя, ушла в «ничего». Я боялась, что ты такая же максималистка, как и твоя мать, милая. – Мэг снова сжимает мою ладонь. – Но как же я рада, что ошибалась. Знаешь, почему я рассказываю тебе об этом, Санни? Потому что ты – не такая, как Дорин. Тебя ничто не сломало. И ты дальше идешь вперед. По своему пути. – Мэг улыбается – от ее глаз разбегаются лучики-морщинки. – Прости, что не говорила этого раньше. Но знай, что я очень тобой горжусь.

– Спасибо, – отвечаю я. Отчего-то в горле стоит ком.

– И я знаю, что ты сможешь сделать больше, чем думаешь. Я верю в тебя.

– Я не сдамся и не остановлюсь, – обещаю я и кладу свою ладонь на ее. Почему-то этот момент кажется мне трогательным и теплым. Я знаю, что она меня любит. А я люблю ее.

И я сильная.

– Что вы делаете? – возвращается с представления Эштан. Его глаза восторженно блещут. Ребенок переполнен эмоциями. Он с упоением рассказывает о том, что видел, а мы внимательно слушаем его и смеемся, делая вид, что и не было этого разговора. Представление пришлось ему по душе, а особенно понравился аниматор.

– Он был похож на того мистера, который приезжал к нам на прошлой неделе, – в конце заключает Эш.

– Что за мистер? – спрашиваю я.

– Не знаю, как его зовут. Он приехал на красной машине и спрашивал тетю Дорин, – отвечает брат.

Мэг закатывает глаза. Наверняка ей не нравится, что сыну приходится общаться с друзьями моей матери. Мне бы тоже это не понравилось.

– Он спрашивал, есть ли у тети Дорин дети, – добавляет Эш. – И спрашивал даже, не я ли ее сын. Но я сказал, что у тети Дорин нет детей. Потому что мама – не та, которая родила. А та, которая воспитала. – И он смотрит на нас, ожидая, что мы скажем.

Мэг улыбается и с любовью треплет его светлые, выгоревшие на солнце волосы.

– Ты прав, – киваю я. И откуда у десятилетнего мальчика такие мысли? – Хочешь еще мороженого?

– Хочу! – тут же соглашается Эштан и убегает к витрине, в которой выставлены разные виды мороженого.

А я смотрю на Мэг и неуверенно спрашиваю:

– А если это был... Тот человек? Которого Дорин любила?

Мой отец.

Мне сложно произносить это слово вслух. Но тетя прекрасно понимает меня.

– Санны, дорогая, – говорит она осторожно, тщательно подбирая слова. – Я знаю, что тебе хотелось бы... найти отца. Но... я не думаю, что это был он. Тот человек бросил Дорин в положении. И мне кажется, что он не из тех, кто испытывает чувство вины и хочет отыскать брошенного ребенка. – Она делает голос тише: – Он ни разу не позвонил ей и не написал ни письма, хотя она писала ему почти каждый день – писала и не отправляла письма. Я не верю, что Дорин искал твой отец. Прости, что мне приходится говорить это, но лучше не стоит питать ложных надежд. От этого потом только больнее.

Я знаю, что Мэг имеет в виду. Она предостерегает меня от будущих разочарований. А я ненавижу разочаровываться: в творчестве, в поступках, в людях. И ужасно боюсь разочароваться в самой себе.

– Когда я была маленькая, я ужасно хотела найти отца, – признаюсь вдруг я. – Думала, что он какой-нибудь богатый аристократ ну или известный музыкант, на худой конец. И думала, что однажды он приедет в наш городок, и все узнают, что я – его дочь. А потом поняла... – Я замолкаю – в горле снова появляется ком.

– Поняла, что все это – лишь мечты? – спрашивает со вздохом тетя.

– Поняла, что дедушка стал мне отцом, – качаю я головой. – И никого другого мне больше не нужно. Я не хочу искать биологического отца – честно говоря, мне плевать на него. Но иногда во мне просыпается та самая маленькая девочка, которая верит в чудеса. И когда Эш сказал про мужчину, который интересовался детьми Дорин, я снова почувствовала это детское желание найти его, папочку, – усмехаюсь я. – Все это, конечно, глупости. И, Мэг, если Дорин начнет просить у тебя деньги – не давай. Не давай ей ничего, хорошо?

Тетя не успевает ответить – возвращается Эштан, который выбрал мороженое – фисташковый пломбир с шоколадом.

Мы прощаемся поздним вечером. Мэг планирует выехать из города рано утром, затемно, чтобы днем успеть попасть на работу – директор школы с огромной неохотой отпустил ее в столицу. Я не хочу расставаться с родными, но понимаю, что если поеду вместе с Мэг в номер скромной гостиницы, в которой они остановились, то мы проболтаем до самого утра. А перед дорогой Мэг нужно поспать. Я в который раз говорю, что им надо было ехать автобусом, но тетя непреклонна – на автобусе ехать почти в полтора раза дольше.

– Вы опять не попали ко мне в гости, – говорю я хмуро уже в метро. – Я чувствую себя ужасной племянницей.

– Ерунда, – отмахивается Мэг. – К тому же я не хочу тревожить твоих соседок. Обещай, что приедешь в августе.

– Обещаю.

– И научишь меня играть на гитаре! – вставляет Эштан, прижимая к себе пластиковый пакет с моими подарками.

– Конечно, – обнимаю его я – крепко-крепко. – И ты будешь играть как Джими Хендрикс.

Мы прощаемся. Я стараюсь улыбаться, но с трудом сдерживаю слезы. Ненавижу расставания – словно скальпелем по сердцу. Несколько раз по одному и тому же месту и всегда наживую.

Мэг в последний раз обнимает меня и шепчет на ухо:

– Ты сильная девочка. Я всегда верила в тебя, Санни, всегда.

И они уходят. Оглядываясь, скрываются в поезде, машут мне из окна, а после исчезают из виду.

А я стою на месте, впиваясь ногтями в ладони, чтобы сдержать слезы.

Когда мы в разных городах, расставание не чувствуется так остро. И то, что мы далеко друг от друга, кажется привычным и совершенно нормальным. Однако стоит мне встретиться с родными и попрощаться, как я начинаю остро осознавать, что ничего нормального в этом нет. Начинаю скучать – особенно первые дни. И думать, что все могло быть иначе, живи мы рядом.

Я уже жду август.

*Небо нам пело во мраке ночном,
И разрывали мечту килогерцы.
Я попрошу тебя лишь об одном —
Не забывай свое детское сердце.*

Глава 6

Научи меня любить

Ангелы рождаются в нашем сердце, демоны – в голове.

Я все еще смотрю в ту сторону, где скрылся поезд с Мэг и Эштаном, и в душе воцаряется странное предчувствие. Я не понимаю толком, что это за предчувствие, и списываю все свои ощущения на тоску от разлуки. Когда начинает звонить телефон, я вздрагиваю от неожиданности – слишком сильно погрузилась в свои мысли.

Это Дастин. На сердце немного теплеет.

– Привет, – говорю я.

– Привет. Ты освободилась? – спрашивает Дастин.

– Да, только что. – Его голос заставляет слабо улыбаться.

– Ты должна говорить: «Да, малыш», – тут же заявляет он.

– Ты хочешь, чтобы я называла тебя малышом? – переспрашиваю я.

– Почему бы и нет? – явно веселится Дастин.

– А как меня называть будешь ты? – интересуюсь я.

– Франки, – невозмутимо говорит он.

– Как-то неравноценно, – отвечаю я и, не сдержавшись, добавляю: – Малыш.

– Вообще-то я пошутил.

– А я не шутила, малыш. Теперь я официально назначаю тебя моим малышом, – объявляю я.

– Ты придешь сегодня? – спрашивает Дастин. В его голосе нетерпение. – Жду не дождусь нашего первого урока.

– Может быть, перенесем на завтра, малыш? – спрашиваю я, чувствуя себя опустошенной после встречи с Мэг и Эшем. Нужно приехать домой, взять гитару и ехать к Дастину. С одной стороны, я безумно хочу его увидеть, с другой – боюсь, что учитель из меня сегодня никакой. Но я вдруг понимаю, что все равно приеду к Лестерсу. Даже без гитары. Потому что скучаю по нему.

– Никаких завтра! – отрезает Дастин. – У меня «окно» только сегодня вечером – я все отменил. С завтрашнего дня снова начинаются съемки на шоу талантов. И куча всего другого. Поэтому я жду тебя сегодня, Франки, – как мы договаривались. И гитара тебя ждет.

– Какая гитара, малыш? – удивляюсь я.

– Которую я сегодня купил, крошка, – довольным тоном отвечает Дастин. – Прошел настоящий ад, но купил. Продавец в музыкальном магазине сказал, что это лучшая акустическая гитара, которая у них есть. Или он сказал электроакустическая? – задумывается он. – Слушай, Франки, а чем она отличается от акустической? Или это неважно?

– Ох, мой сладкий малыш, какой у нас будет долгий и нелегкий путь, – тяжело вздыхаю я. – Ты не знаешь элементарного, но уже купил гитару.

– Хватит называть меня малышом! – вспыхивает наконец Лестерс.

– Ты же сам хотел, – с улыбкой отвечаю я. Наша перепалка отвлекает от грустных мыслей.

– Я же сказал, что пошутил. Что с голосом? – вдруг спрашивает он.

– А что с ним? – удивляюсь я.

– Ты грустная. Что случилось?

Не знаю, как Дастин умеет так хорошо меня понимать. Теперь мне еще больше хочется к нему.

Я рассказываю ему о том, что расставаться с родными всегда тяжело – даже если после короткой встречи.

– Чертовски понимаю, – вдруг говорит Дастин. – Ненавижу уезжать из дома. Родного дома, в Хэдмане, – поясняет он. – Приезжай. Просто приезжай, малышка. Я скучаю.

Я улыбаюсь. Теперь не он – малыш, теперь я – малышка. И меня это веселит.

– Приеду, – соглашаюсь я.

– Прямо сейчас, – настаивает Дастин.

– Хорошо, приеду сейчас.

– Я пришлю за тобой машину.

– Я в метро, Дастин, – смеюсь я. – И буду у тебя через час или полтора.

– Долго, – фыркает он. – Поторопись, иначе остынет.

– Что? – изумляюсь я.

– Мое сердце, – патетично отвечает он и хмыкает. На этом мы прощаемся. Порядком заинтригованная, я еду к нему. Мне еще не совсем понятно, что между нами происходит, но я точно знаю, что Дастин Лестерс стал для меня особенным человеком.

По дороге я захожу в соцсети, перекидываюсь сообщениями с друзьями и просматриваю группы, на которые подписана – мне нужно отвлечься от мыслей о Мэг и Эше. Совершенно случайно в группе, посвященной шоу-бизнесу, я вижу новость о том, что Дастин Лестерс посетил один из крупнейших музыкальных магазинов города. На одном из фото, сделанных случайными посетителями магазина, Дастин стоит у стены с гитарами и разговаривает о чем-то с консультантом. Вид у него при этом такой, словно он – настоящий профи. На втором он сидит с гитарой в руках на стуле и снова выглядит словно рок-звезда. На нем кожаная куртка, черные джинсы, солнцезащитные очки, а темные волосы взлохмачены.

Я ловлю себя на том, что люблюсь им.

«Готовится к новой роли, – гласит подпись к снимкам Дастина. – Лестерс сыграет главного героя в психологическом триллере Джона Мак-Олиффа. Актер перевоплотится в известного рок-музыканта, во время концертов которого происходят убийства, и он становится основным подозреваемым».

Мне нравится этот сюжет, а еще безумно интересно – справится ли Дастин с такой ролью или нет? Хотя, судя по тому, как здорово он выглядит с гитарой, – думаю, что справится.

Я уже хочу посмотреть этот фильм.

А еще я хочу показать Дастину, что такое музыка.

Когда спустя час с небольшим я оказываюсь около его дома, то звоню и спрашиваю, как попасть внутрь. Дастин отвечает, что мне просто нужно назвать свое имя – он занес меня в какой-то особый список каких-то особых гостей, которые могут попадать внутрь огромного элитного комплекса легко и просто. Нужно лишь показать им удостоверение личности или права.

Охрана действительно пропускает меня, и я направляюсь к лифтам. Там мне приходит в голову, что перед встречей с Дастином стоит привести себя в порядок. Я быстро поправляю волосы, проверяю, все ли в порядке у меня с дыханием, и крашу губы матовой карамельной помадой, которую буквально силой вложила мне в сумку Лилит.

После звонка Дастин почти моментально распаивает дверь, словно сидел под ней и ждал меня.

– Привет.

– Привет.

Мы смотрим друг на друга, чувствуя некоторую неловкость, а потом одновременно делаем шаг навстречу и обнимаемся. Я легко целую его в гладко выбритую щеку. Но Дастину этого мало – он прижимает меня к стене и целует в губы, обхватив мое лицо горячими ладонями. Одна моя рука лежит на его плече, вторая – на груди, и я чувствую, как бьется его сердце.

В какой-то момент, когда я окончательно пьянею от жаркого поцелуя, мне кажется, что стук этого сердца контролирую я. Стоит опустить руку на его живот, засунуть пальцы в карманы джинсов или начать целовать в шею, чуть прикусывая кожу, – и стук становится чаще. Но почти тут же я понимаю, что это прямо пропорциональная связь. Чем чаще дыхание Дастина, тем чаще и мое. И от его умелых прикосновений по моему телу проходит легкая приятная дрожь.

Я обожаю эти ментоловые поцелуи, от которых подкашиваются ноги. И мне кажется, что я знаю этого человека много-много лет.

– Слушай, – отстраняюсь я, нежно глядя Дастина по лицу, – вообще-то, я пришла проводить урок.

– Какой урок? – отмахивается он и снова крадет у меня поцелуй – легкий и невесомый.

Ему сложно сопротивляться.

– Урок игры на гитаре, – хрипло говорю я. – Раз уж ты купил гитару, я просто обязана провести его. И если ты будешь хорошим учеником... – я не договариваю, но Дастин отлично меня понимает.

– Если я буду хорошим учеником, мы займемся чем-то куда более интересным, чем игра на гитаре, – шепчет он, наматывая на палец мои волосы. Глаза его блестят – и я тону в этом блеске.

– Может быть, – улыбаюсь я и легонько шлепаю его по руке, которая оказалась под футболкой. Он нехотя убирает ее.

Дастин трется носом о мою скулу, зарывается им в волосы, сжимая плечи, явно давая понять, как ему не хочется меня отпускать. Он берет мои пальцы в свои и нехотя ведет меня в полутемную гостиную, а оттуда – на террасу. Она не такая большая, как у Тейджеров, но все же там есть, где разгуляться.

То, что я вижу там, буквально лишает меня дара речи.

На террасе из пледов и тонкой летящей ткани сооружен несколько асимметричный шатер, вид из которого открывается прямо на ночной город. Шатер украшен гирляндами в форме шаров и звезд из ротанга. И из него же сделана круглая ваза, в которую помещена соляная лампа-камин – вечер уже наполнен прохладой. Около нее высится букет из пшеницы и лаванды – я чувствую ее тонкий запах – и простые белые свечи в стеклянных подсвечниках. На полу лежат теплые одеяла и многочисленные подушки, а рядом стоит низкий столик с бокалами, попкорном, пиццей, капкейками, фруктами и мороженым. Неподалеку высится кола и ведро со льдом – в нем шампанское.

Мягкий полумрак, теплые огни, блики на бокалах, едва уловимый лавандовый аромат, растворяющийся в прохладе... Все это выглядит безумно уютно. Так и хочется нырнуть в эту крепость из одеял, пледов и подушек и закрыться в ней от всего мира. Я все детство мечтала о подобном домике – только у меня получались лишь жалкие подобию на заднем дворе.

Я восторженно смотрю на всю эту красоту. И понимаю, что никогда бы не подумала, что романтический ужин может быть *таким* – по-настоящему *романтичным*! Не безвкусным и вызывающим, а атмосферным и теплым. Никаких дорожек из лепестков роз, алых салфеток в форме сердечка и чинных белоснежных скатертей. Все просто, прикольно, совсем неидеально, но... сказочно. На меня нападает вдруг предрождественское настроение. Когда кажется, что вот-вот случится что-то чудесное. Что-то такое, что сможет перевернуть жизнь.

Мое сердце снова колотится чаще – возможно, я слишком сентиментальна, но то, что устроил Дастин, кажется безумно милым. Я смущена, но пытаюсь скрыть это, заливаясь звонким смехом и прикрывая рот ладонью.

Да ладно! Это все... для меня?!

– Я хотел угостить тебя ужином, – будничным тоном говорит Дастин, словно каждый день устраивает подобное. – Как тебе?

– Это чудесно! – восторженно оборачиваюсь я к нему. Наверное, глаза у меня большие, а вид донельзя изумленный. – Как ты только до этого додумался, Доставка?!

Он целует мою ладонь, которую держит в своей руке, и смеется, но молчит. Ему интересна моя реакция – Дастин наслаждается ею.

– Просто невероятно! – Я первой забираюсь в шатер и укутываюсь в темно-синее одеяло со звездами – кажется, будто это мантия какого-нибудь волшебника. Дастин приземляется рядом, соорудив из подушек нечто вроде кресла.

– Тебе нравится? – спрашивает он, хоть и понимает, что я в полнейшем восторге. И тянется к бутылке с шампанским, чтобы открыть ее.

– Спрашиваешь! Это космос! Кайф! Ты кого-то нанял, да? – допытываюсь я, проводя пальцами по шарам из ротанга.

– Я сам это сделал, – отвечает Дастин, ловко открывая бутылку и разливая игристый напиток по высоким бокалам.

– Сам?! Ты меня пугаешь! – снова звонко смеюсь я. – Кто тебе подсказал эту идею?

И, не выдержав, обнимаю его и много-много раз целую в щеку и висок. Дастин едва не проливает шампанское на себя, но не злится, а приобнимает меня в ответ.

– Мы с Хью вдохновились Интернетом, – отвечает он с улыбкой. Дастин явно доволен моим восторгом. – Сооружали полвечера. Ну а еду я просто заказал. Сейчас сделаю тебе свой любимый коктейль. Я же когда-то был барменом. Правда, не очень хорошим.

Он жестом фокусника достает откуда-то бутылку с ярко-голубым ликером Блу Кюроса. И смешивает с шампанским. А после протягивает мне один из бокалов.

– За нас! – говорит Дастин.

Наши бокал соприкасаются, и раздается тонкий хрустальный звук. Следующий коктейль делаю я – смешиваю шампанское и колу, и, если честно, получается не очень. Дастин говорит, что из меня бармен еще хуже, чем из него.

– Надеюсь, ты перестанешь грустить, – улыбается он и гладит меня по волосам.

– Перестану, – обещаю я. – Я ведь нравлюсь тебе, Лестерс?

– Немного, – отвечает он, а я забираюсь к нему на колени – лицом к нему. И кладу обе руки на плечи, склонив голову набок.

– Немного? – я приподнимаю пальцами его подбородок. – Эй, Лестерс! Ты должен быть от меня без ума. Хотя, – улыбаюсь я, – ты и так без него. Мой глупый малыш.

Он обхватывает меня за талию и смотрит насмешливо – прямо в глаза.

– Это ты должна с ума по мне сходить, рыжая, – заявляет Дастин. – А, извини, ты и так уже... Кстати, научи меня играть на гитаре, – просит он. – Мечтаю побыть в роли твоего ученика.

Я вспоминаю о гитаре и тут же оказываюсь на ногах. Точно! Гитара!

– Ну и где твоя хваленая то ли акустика, то ли электроакустика? – спрашиваю я. Мне не терпится увидеть, что мог купить Лестерс. Какую гитару ему подсунули? Наверняка непонятно что.

– Сейчас принесу. Продавец сказал, что это самое лучшее, что у них есть, – повторяет он гордо, вставая следом за мной.

– И, наверное, самое дорогое, – фыркаю я. – Тебе нужно было ехать за гитарой со мной. Я бы выбрала хорошее качество по приемлемой цене.

Уж толк в гитарах я-то знаю.

– Сейчас мне плевать на деньги, – вдруг признается Лестерс. – Но если бы мы поехали вместе, нас бы наверняка засняли. Весь магазин на меня пялился, как на пришельца. А потом бы появилась еще одна сотня статей о том, что у меня рыжая подружка.

– Я читала об этом. Все ждут твой новый фильм. Звезда, – я щиплю его за щеку от переизбытка чувств. – Звездочка.

– Приятно, что моя девушка следит за мной, – с довольной улыбочкой говорит Лестерс.
– Думаешь, я уже твоя девушка? – из чувства противоречия спрашиваю я.
– Конечно, нет, я оговорился, – скучающим тоном сообщает Дастин, но я вижу в его глазах веселье.

– Эй! Ты *сам* назвал меня своей девушкой! Поэтому теперь я *твоя* девушка! – топаю я.

– Тогда назови пять плюсов, – вдруг насмешливо просит Лестерс.

Забыв о гитаре, мы стоим друг напротив друга. И нам обоим нравится эта игра.

– Каких?!

– Пять своих плюсов. Убеди меня в том, что ты можешь быть моей девушкой.

– Окей, – ухмыляюсь я.

– Только без банальностей, – предостерегает он.

– Легко.

Я перечисляю, а Дастин внимательно меня слушает и вставляет свои ремарки на каждую мою фразу.

– У меня редкий цвет волос.

– Говорят, рыжие – это ведьмы...

– Я верная и надежная.

– Ведьмы вероломны.

– Я целеустремленная. И все довожу до конца.

– Скорее, мстительная. Как и все ведьмы.

– Я учусь в Хартли и стану рок-звездой.

– Такая мечтательная.

– Хватит меня перебивать, Доставка! – возмущаюсь я.

– Я просто выражаю свое мнение, – елейным голоском выдает Дастин. – Ну, а пятый плюс?

– Ты от меня без ума, – говорю я. – Если я подойду к тебе и сделаю вот так, – я оказываюсь рядом с Дастином и начинаю расстегивать металлическую пуговицу на его джинсах, пристально глядя в глаза, – то ты совсем потеряешь разум.

Эта игра нравится мне все больше.

– Стоп, – перехватывает мою руку Дастин. – Не надо.

– Боишься? – смеюсь я.

– Боюсь, что ты совсем сведешь меня с ума и я потеряю контроль, – признается Дастин.

– Бедняжка, – делано грущу я. – Ты все время теряешь контроль, стоит мне появиться рядом.

– Я же сказал – ты ведьма, – находит он новый аргумент, вместо того чтобы признаться в чувствах.

Я знаю, что ужасно нравлюсь ему. И он знает о моих огромных симпатиях.

– Так моих плюсов хватает, чтобы стать твоей девушкой? Или... – Я снова пытаюсь расстегнуть пуговицу, но Дастин не позволяет мне этого сделать. Убирает мои руки и приобнимает за плечи.

– Так и быть – годишься, – заключает он.

– А вот годишься ли ты мне в парни, я не знаю. Твоя очередь назвать пять своих невероятных качеств, – требую я.

– Легко, – пожимает плечами Дастин. – Я верный и надежный. Раз.

– Ты повторяешь за мной! – возмущаюсь я.

– Мы просто похожи, – усмехается он и продолжает: – Очень заботливый. Умиляюсь сам себе. Два.

Я закатываю глаза.

– Взял сто килограммов в жиме лежа. Три.

– Это что еще за плюс? – смеюсь я.

– Я не мог преодолеть этот рубеж несколько месяцев. Так что это огромный плюс! – не соглашается Лестерс.

– Дальше.

– Щедрый. Можешь просить все, что хочешь. Четыре.

Я хочу тебя, Дастин Лестерс.

Он выжидающе смотрит на меня.

– А пятый?

– Я могу сделать так, что ты, рыжая, забудешь обо всем на свете.

И он, резко развернувшись ко мне лицом, начинает целовать меня в шею и ключицы, обжигая горячим дыханием. Дастин знает, что мне нравится. И чередует нежные прикосновения с жесткими и дерзкими.

Я запускаю пальцы в его волосы. Все, что мне остается – просто наслаждаться. И плевать, что на коже останутся следы.

– Ну как, я прошел кастинг? – спрашивает Дастин. – Роль твоего парня подходит мне?

– Подходит, – отвечаю я, пытаюсь восстановить дыхание. – Но еще больше тебе подходит роль моего ученика. Показывай гитару!

Мы идем в гостиную – гитара лежит на диване, а кейс стоит на полу, прислоненный к креслу. Кто-то умиляется маленьким детям, кто-то – котяткам, а я умиляюсь, видя музыкальные инструменты. И гитары – моя слабость.

Я сажусь, бережно беру ее в руки и внимательно рассматриваю со всех сторон – шести-струнная электроакустическая гитара с корпусом D. Стильная, с окантовкой вокруг деки, из качественного цельного дерева: красное – для грифа, черное – для струнодержателя и грифной накладки. Я читаю название фирмы и не могу поверить своим глазам. Это «Мартин». Настоящий «Мартин», премиум-класса. И... быть не может! Неужели это...

Я с трепетом провожу пальцами по струнам, извлекая чистейший и плотный живой звук, и поднимаю на Дастина еще один изумленный взгляд. Это невероятный инструмент!

– Лестерс, – слабым голосом спрашиваю я. – Ты понимаешь, что совершил *преступление*?

– Не понял, Франки, – честно признается он и хмурится. – Если что – я ее не воровал. А купил.

– Я не об этом! Это же «Мартин». «Мартин», понимаешь?! Она произведена под индексом СЕО!

– И что? – ничего не понимает Дастин.

– Это значит, что она выпущена ограниченным тиражом! Их в мире штук пятьдесят, не больше. И такие гитары должны быть у крутых музыкантов, а не у начинающих!

– Это номер тридцать четыре, – вставляет Лестерс довольным тоном. – Там подписано, под дыркой на передней деке.

Резонаторное отверстие дыркой еще никто при мне не называл! Я безумно возмущена и готова высказать Лестерсу все, что думаю о его отношении к *такому* инструменту, но чувство восхищения гитарой затмевает все.

Я беру еще один аккорд, наслаждаясь звучанием. Гитара удобная, отстроенная, дает отличный резонанс и крутые обертона. Играть на ней – одно нескончаемое удовольствие. Объемный звук, большой динамический диапазон, настоящий полет души.

Забываясь, я играю одну из своих вещей, услышанных не так давно по Небесному радио, и музыка мягко наполняет комнату, заставляя время замереть на месте. Мелодия становится воздухом. Я вдыхаю ее и выдыхаю. Она насыщает мою кровь и душу.

Дастин сидит рядом и вглядывается в мое лицо, словно запоминая его выражение, мимику и даже взгляд. А когда я заканчиваю, хлопает мне. На его лице – восторг.

– Санни Ховард, ты слишком крута, – говорит он. – Ты вся состоишь из музыки. Я восхищен.

Я улыбаюсь и не хочу выпускать «Мартин» из рук.

– С тебя просто можно «списывать» эмоции. Ты для меня – находка.

Он касается губами моей щеки.

– Эта гитара – просто чудо, – говорю я. – Ты должен относиться к ней так бережно, будто она из хрусталя. Понял?

– Постараюсь, – отвечает он.

– И раз ты стал хозяином *такого* инструмента, мы будем заниматься крайне интенсивно! – обещаю я. – Ты научишься слышать *настоящие* красивые звуки. Итак, начнем наш первый урок. Первое время у тебя будут болеть пальцы и появятся мозоли, – предупреждаю я. – Но это ничто по сравнению с тем удовольствием, которое ты получаешь при игре.

Дастин смотрит на меня кисло – кажется, играть на гитаре прямо сейчас он не очень-то и хочет. Но во мне загорается преподавательский огонек.

– Начнем сразу с практики. Бери гитару, – велю я. – Будем учиться ставить руки. Запомни, Лестерс, – этому ты должен уделить максимальное внимание. Это фундамент. Неправильно поставленные руки – конец всему. Так, малыш, бери ее. И запоминай. Правой извлекают звук. Левая должна плотно обхватывать гриф, при этом большой палец должен быть параллельно ладам...

Я учу Дастина основам – правильно сидеть и держать инструмент. В конце концов, он берет гитару, приосанивается, принимает вид профессионала и... начинает хаотично бить по струнам, изображая из себя рок-звезду. Даже головой начинает трясти.

– Ты что делаешь?! – ору я, вырывая «Мартин». – Не смей так поступать! Ты же ее испортишь! Расстроись!

– Да все в порядке, крошка. Верни гитарку. Я хочу побыть рок-звездой! – Дастин явно вошел в роль развязного музыканта и тянется ко мне, за что получает подзатыльник.

После нескольких попыток забрать гитару и поцеловать меня, Дастин успокаивается, правда, только после того, как я разрешаю ему сделать последнее. И мы продолжаем урок.

– Так, рок-звезда, начнем с самых легких аккордов. Будешь перебирать их в такой последовательности, в какой я тебе скажу.

– Что такое аккорды? – невинно хлопая глазами, спрашивает Дастин. Я тяжело вздыхаю. Из моей памяти выпало то, что люди, далекие от музыки, не знают даже простейшего. И я снова начинаю объяснять и одновременно показывать.

Когда Дастин берет гитару в руки во второй раз, оказывается, что теперь он обхватывает гриф правой рукой, а левой пытается взять аккорд.

– Тебе удобно? – словно невзначай спрашиваю я, думая, что он неправильно взял инструмент.

– Ну да, а что? – удивляется Дастин.

– Возьми гитару по-другому. Гриф – в левую руку.

– Какая разница? – пожимает он плечами. – Я же амбидекстр. Мне все равно.

– Ах, да, как я могла забыть, – вздыхаю я. – Ты же уникальный.

– Можно сказать и так, – делано скромно подтверждает Дастин.

– Можно, но не будем. Обхвати гриф левой рукой и запомни это. Так ты должен будешь брать гитару *всегда*.

Мы продолжаем.

То ли из меня получается не слишком хороший педагог, то ли Дастин специально выводит меня из себя, но я постоянно злюсь, а он смеется. К музыке Дастин явно относится несерьезно, и, скорее, его веселит наше занятие, чем реально чему-то учит. Заканчивается все тем,

что Дастин просто бежит от меня по всей гостиной, резво перескакивая через диван и кресла. Настроение у него отменное.

– Слушай, Лестерс, как ты собрался играть рок-музыканта, если даже не можешь взять простой аккорд?! – гневно спрашиваю я и кидаю в него подушкой.

– Ты отвратительный препод, рыжая! – подушка летит в меня обратно и попадает прямо в лицо. Я произношу пару нецензурных слов.

– Черт, я не хотел! – выдыхает Дастин, глядя на меня.

– Я тебя сейчас убью! – кричу я и снова бросаюсь за ним в погоню. Он останавливается около шатра на террасе, и я запоздало понимаю, что Дастин просто выманил меня. Наверняка урок наскучил ему.

Я подхожу к нему близко-близко и сама не понимаю, как мы вдвоем оказываемся на одеялах. Меня тянет к этому человеку, хоть порой он ужасно бесит, а его, судя по всему, с не меньшей силой тянет ко мне. В каждом прикосновении – трогательная нежность. В каждом поцелуе – ненасытное упоение. В каждом вдохе – эмоции.

Я не знаю, любовь ли это. Но я точно знаю, что это коктейль из доверия, огромной симпатии, желания и хрупкой теплоты, что окутывает нас обоих. Один на двоих.

...А потом мы просто сидим и едим растаявшее мороженое, деремся ложечками за клубнику и в шутку обмазываем им друг друга. Смотрим на огни города, как на звезды. И болтаем. Сначала Дастин расспрашивает меня о встрече с тетей и братом. А потом наступает моя очередь задавать вопросы.

– Как прошел день? – спрашиваю я, вытирая с его щеки каплю растаявшего мороженого. Дастин делает непонятный жест.

– Был насыщенным. Конференция, встреча по поводу сценария – моя компания хочет добиться кое-каких изменений, съемки, день рождения.

– Чей день рождения? – спрашиваю я без задней мысли.

– Дианы, – нехотя отвечает Дастин.

Во мне моментально вспыхивает пламя.

И я снова вспоминаю ее мать.

– Ты был на дне рождения Дианы Мунлайт? – мягким тоном уточняю я. И Дастин понимает, что что-то не так.

– Она тебе не нравится, – он не спрашивает, а утверждает.

– А тебе, видимо, *очень* нравится, – отчего-то злюсь я.

– Диана неплохой человек.

– Диана – твоя фанатка, которая от тебя без ума! – фыркаю я.

– С чего ты взяла? – морщится он.

– С того, что прекрасно помню, как она на тебя смотрела. Как на супергероя. Слушай, скажи мне честно, – сержусь я. – Что между вами?

– Ничего, – пожимает плечами Дастин.

– Правда?

– Правда.

– Тогда почему я постоянно вижу ее рядом с тобой? – щурюсь я.

– Эй, Франки, – устало говорит Дастин – эта тема ему не очень нравится, – я мог бы просто соврать тебе и сказать, что был на дне рождения какого-нибудь продюсера, о котором ты никогда и не слышала. А я сказал тебе правду. Не люблю ложь.

Я нахожу его слова рациональными. И ценю за откровенность.

– Ты нравишься ей.

– Я многим нравлюсь, – пожимает он плечами. – Лучше заранее скажи, когда будет второй урок?

Мы договариваемся на свободный для обоих день, и я даю ему домашнее задание.

– Ты плохой ученик, Лестерс, – добавляю я. – Но гитара у тебя – самая лучшая из всех, что я видела в своей жизни.

– Тогда давай меняться, – вдруг предлагает он.

– Что ты имеешь в виду? – хмурюсь я.

– Ты мне свою гитару, а я тебе – эту.

Я звонко смеюсь.

– С ума сошел? Я представляю, сколько может стоить эксклюзивный «Мартин» из ограниченной партии. Нет.

– Да. Не спорь.

– Я не принимаю такие дорогие подарки.

– Это не подарок. А бартер, глупая ты рыжая голова, – ласково гладит меня по лицу Дастин. – Кстати! Подарок! Я сейчас.

Он вскакивает и убегает, а через минуту возвращается с огромной белой подарочной коробкой, которую несет с видимым трудом. Бант на ней тоже гигантских размеров. А улыбка на лице Дастина крайне подозрительная.

– Это тебе, Франки, – бухает он коробку на пол прямо передо мной.

– Там что, человек? – с опаской спрашиваю я. Размеры впечатляют.

– Не совсем, – ухмыляется. – Ты распаковывай, распаковывай.

И он снова делает себе коктейль, смешливо поглядывая на меня.

Я с трудом сдираю бант, открываю крышку и вижу... еще одну коробку. А в ней – еще одну. И еще. И еще...

В каждой коробке обнаруживается новая – только меньшего размера. И это просто какое-то издевательство, правда, надо признать, веселое. Я не могу сдержать смех, а Лестерс комментирует каждое мое действие.

В конце концов, я дохожу до самой маленькой коробочки – совсем крохотной. И, открыв ее, нахожу там цепочку с золотым кулоном в форме солнца, заключенного в круг. Я удивленно разглядываю подарок – это тонкая и кропотливая работа.

– Спасибо, – тихо говорю я. – Это так... неожиданно. Но безумно мило.

– Я решил быть романтичным до самого конца! – объявляет Дастин и добавляет: – Знала бы ты, сколько часов мы запаковывали это вчера ночью. И все для тебя, рыжая. Повернись.

Он берет украшение в свои пальцы, поднимает мои волосы и осторожно надевает цепочку с кулоном на шею.

– Как ты все это придумал? – спрашиваю я.

– Мне помог один человек, – признается Дастин. – Майкл.

– Майкл? – приподнимаю я бровь. – Наверное, он знаток девушек.

– Скорее, знаток парней, – усмехается Лестерс. – Майкл из другой команды.

– Мне ревновать? – интересуюсь я, дотрагиваясь до солнечного кулона, висящего теперь на моей груди поверх футболки.

– Не стоит. – Дастин склоняется ко мне, кладет руки на талию и целует в плечо.

– Я собственница, – предупреждаю его я, наслаждаясь прикосновениями.

– Я тоже собственник.

Его губы скользят по моей шее вверх, снова спускаются вниз, к ямкам над ключицами, касаются их. Дастин – сама нежность.

Я поворачиваюсь к нему и обнимаю, привычно уже прижимаясь щекой к его груди. Это так странно – я сама себя не узнаю. И прекрасно – чувства к этому человеку дарят мне крылья.

Эта ночь – одна из самых чудесных в моей жизни. Закутавшись в одеяла и обнявшись, мы смотрим на ноутбуке новые серии любимого обоими сериала, хрустим попкорном, пьем «Колу», шутим и просто наслаждаемся друг другом. Время бежит быстро – оно словно пуля,

вылетевшая из пистолета. И я и глазом моргнуть не успеваю, как наступают предрассветные сумерки.

Серия прерывается на самом интересном моменте – у ноутбука садится батарея, и он гаснет.

– Черт! – раздосадованно восклицает Дастин. – Сейчас схожу за зарядкой.

– Не уходи, – мне совершенно не хочется отпускать его.

– Боишься темноты? – спрашивает он весело. – Верить, что в ночи разгуливают ведьмы? Ничего, Франки, твой рыцарь всегда с тобой.

– Рыцарь? – насмешливо переспрашиваю я и беру его за кулон-пулю, чтобы притянуть поближе к себе. Наши губы соприкасаются, и кажется, что между ними проносятся электрические разряды. Мои пальцы бегут по его щеке, убирают жесткие темные волосы за висок, поглаживают скулу.

– Докажи, что ты – мой, – шепчу я.

Однако не даю ему сказать ни слова – закрываю рот поцелуем. Это настоящее искушение – и для него, и для меня. Я не контролирую себя и упиваюсь ощущениями. Мне кажется, что я лечу.

Я снова оказываюсь у Дастина на коленях, пытаюсь уронить на спину. Между нами завязывается короткая борьба, в ходе которой я оказываюсь внизу, а Дастин нависает надо мной. Однако его рука, согнутая в локте, возле моей головы – пальцы ласково перебирают волосы. Вторая упирается в пол, касаясь моего предплечья. Дастин смотрит на меня внимательно – в его глазах я без труда читаю с трудом сдерживаемое желание быть со мной. И осознание этого росчерком молнии пронзает меня, вызывая еще большее влечение к нему. Влечение, которое вот-вот перерастет в вождление.

– Ты точно уверена, что ты хочешь, чтобы я это доказал? – спрашивает Дастин тихо.

Я обхватываю его за шею.

– Да, – говорю я, закрываю глаза и снова его целую – жарко и настойчиво, вкладывая всю свою нерастраченную нежность.

Это какое-то безумие.

Прекрасное безумие.

Я срываю с него футболку – моя, смятая, уже валяется на полу.

Я знаю, что Дастин на пределе. Но и сама едва сдерживаюсь, закусывая губу. Каждое его прикосновение к моей обнаженной коже заставляет дыхание и пульс учащаться. А когда он целует меня чуть ниже солнечного сплетения, прокладывая дорожку еще ниже, моя спина выгибается – я просто окончательно перестаю себя контролировать.

Дастин хотел, чтобы я научила его играть на гитаре, а я хочу, чтобы он *научил меня любить*.

Мне кажется, что я целую небо. Сквозь облака, солнечные лучи и звезды. Мое небо. Акварельное, безбрежное, хрупкое. Самое прекрасное.

Возможно, небо – не только музыка. Небо – это еще и любовь.

Происходящее между нами сводит меня с ума.

Логика пропадает. Мыслей нет. Остаются лишь чувства – оголенные, как провода.

В какой-то момент я понимаю, что полностью сосредоточиться на ощущениях мне что-то мешает. Словно сквозь пелену я слышу, как громко и назойливо звонит телефон. Мой телефон.

Этот звонок похож на крик. И этот крик не прекращается.

В меня словно ударяет током, я вздрагиваю и пытаюсь подняться, освободиться от рук Дастина.

– Не бери, – просит он.

Я бы и рада, но звонок не прекращается. Тьму громко разрывает песня известной рок-группы.

– Надо взять, – беспокоюсь говорю я. Наше личное волшебство куда-то пропало, превратилось в искры и растворилось в сумерках. Лишь в голове остается серебряный туман, из-за которого мысли все еще нестройные.

– Окей, – соглашается Дастин – кажется, он сильно раздражен, что нас прервали. – Разговаривай. Я – на кухню. Воды не осталось.

Он легко целует меня в нос и уходит, а я наконец беру телефон в руки.

– Да.

– Санни Ховард? – уточняет незнакомый женский голос.

– Верно.

– Мэган Винтер и Эштан Винтер – ваши родственники?

У меня холодеют кончики пальцев. Не знаю, что случилось, но нехорошее предчувствие захлестывает с головой. Словно в лицо плеснули ледяной водой.

– Да, – быстро говорю я. – Что случилось?

– Мэган и Эштан Винтеры попали в аварию и в данный момент находятся в отделении неотложной хирургической помощи Нью-Корвенского медицинского центра, – поясняет женский голос. В нем – ни капли эмоций. Холод исчезает. Вместо него меня накрывает горячая волна – такая обжигающая, что я чувствую жар на своих щеках и лбу.

Я не верю, что слышу это.

– Что... Что с ними? – спрашиваю я, не узнавая свой собственный голос. В этом голосе почти нет жизни.

Сквозь вату я слышу, что состояние Эша и Мэг критическое и сейчас им оказывают помощь. Подробнее обо всем я смогу узнать только у лечащих врачей. Все тем же чужим механическим голосом я уточняю адрес, натягиваю футболу и убегаю в прихожую с одной лишь единственной мыслью, что мне нужно успеть. Успеть попасть в медицинский центр, до того как... Как произойдет что-то страшное.

Что может быть еще страшнее?..

– Дастин, – говорю я, оглядываясь по сторонам, – его нигде нет. – Дастин?..

Я хочу, чтобы мой голос был громким, но с губ срывается лишь хрип.

– Дастин, – в третий раз зову я его, но он словно пропал. И я, понимая, что дорога каждая секунда, открываю входную дверь и покидаю его квартиру. Спускаюсь в лифте, бегом пересекаю совершенно пустой холл, выскакиваю на улицу и бросаюсь к дороге с поднятой рукой в надежде поймать такси. На улице – раннее утро, еще виден серп безликой луны, а тусклое солнце только-только начинает подниматься из-за неровного горизонта. Воздух сырой – как перед дождем, но ветра нет и душно. Людей тоже почти нет, да и на дороге машин непривычно мало. Дикая пробка начнется лишь через несколько часов. Однако мне везет – попадается свободное такси, и я сажусь на заднее сиденье, называя адрес. Темнокожий водитель недовольно на меня смотрит – ехать довольно далеко. Но, видя мое бледное лицо, оттаивает.

– Что-то случилось? – спрашивает он.

– Авария, – одними губами отвечаю я. Меня начинает потряхивать. И жар внутри все растет и растет. Но пока я не могу в полной мере прочувствовать случившееся – словно еще не верю в это.

– Пробок еще нет, – говорит водитель, – постараюсь побыстрее домчать, мисс.

Я благодарно киваю головой. И мы летим вперед по темным еще улицам.

Нет слез, нет боли – все это еще впереди.

В груди лишь чувство необъятной пустоты.

И страх.

Я смотрю в окошко. Ветки режут сизое небо. Огней мало – какие-то уже не горят, а какие-то – еще. Здания кажутся смазанными – словно стекло передо мной мутное и грязное. Меня отчего-то подташнивает.

Все как в тумане.

Я не помню, как оказываюсь на территории огромного Нью-Корвенского медицинского центра, раскинувшегося на целый квартал. Помню лишь то, как рассчитывалась с водителем картой и только на третий раз набирала верный пин-код. И помню стойку в холле, за которой сидели улыбочивые медсестры, которые спрашивали, чем могут помочь.

В себя я прихожу в комнате ожидания отделения неотложной хирургической помощи. Где-то там, за толстыми стенами, продолжают оперировать Эштана и Мэг. Что с ними, я по-прежнему не знаю – знаю лишь то, что их состояние «критическое». И если когда я была с Дастином, время мчалось как ненормальное, то теперь оно замедлило бег. Каждая минута – пытка. К тому же время я могу видеть только на огромных часах в виде табло – телефон разрядился.

В какой-то момент я чувствую, как мое сознание начинает плыть, но говорю сама себе, что сейчас не время раскисать – нужно держать себя в руках. Я хлопаю себя по щекам. Потом встаю и на ватных ногах иду в туалет, где плескаю в горящее лицо холодную воду, надеясь прийти в себя. Я обязана держаться. Если не я, то кто поможет моим родным? Дорин? Я дико сомневаюсь.

Перед тем как выйти из туалета, я смотрю сквозь узкое окно на серо-голубое туманное небо. И прошу – пожалуйста, не забирай их у меня.

Иначе я останусь совсем одна.

Пожалуйста.

Уходя, я держусь за кулон в виде солнца.

* * *

Дастин говорит Санни, что уходит на кухню за водой, но на самом деле он просто стоит там, положив обе руки на столешницу и опустив голову. Его сердце все еще колотится как сумасшедшее. И он с трудом выравнивает дыхание.

Санни Ховард слишком сильно влечет к себе. Будто солнце. Чертово рыжее солнце. И он хочет заполучить это солнце в свое единоличное пользование.

Почти получил.

Дастин закрывает глаза и вспоминает ее ласковые прикосновения, теплые губы, тронутую загаром нежную кожу... Вспоминает ее медовые глаза, в которых столько пламенной нежности, что кажется, в ней можно утонуть. Если бы не проклятый звонок, они могли бы закономерно закончить эту ночь в постели. И понимание, что он был бы у нее первым, заставляет Дастина усмехнуться и сильнее сжать пальцами край столешницы.

Эта мысль заводит его не меньше, чем поцелуи с рыжей бестией. И когда только из Франкенштейна Санни Ховард успела стать бестией?

Но возможно, звонок был в тему. Дастин понимает, что слишком торопит события. Может быть, если девчонка опасается мужчин и не подпускает к себе никого из-за детских страхов, то стоит подождать? В конце концов, Санни Ховард нужна ему не для того, чтобы уложить в кровать и уйти за горизонт. Она нужна ему потому, что без нее Дастин просто не может.

Да, не стоит торопиться. Пусть она привыкнет к нему.

Он должен успокоиться.

Дастин на полную мощность открывает кран и плескает в лицо ледяной водой. Из-за ее шума он не слышит голоса Санни. А когда возвращается на лоджию, понимает, что девушки нигде нет.

Сначала Дастин думает, что Санни играет с ним и спряталась, и он обходит весь дом, заглядывая под кровати и открывая все шкафы. А потом понимает, что Санни в квартире нет. Она убежала. Или *сбежала*?

Может быть, он все-таки напугал ее?

Дастин, хмурясь, звонит Санни, однако ее телефон выключен. Всю ночь. И весь следующий день.

*...И закат, как букет хризантем,
Я держу, не пускаю на волю.
В этой тьме и бессмысленной боли
Я и солнце угаснем совсем.*

Глава 7

Платье с чугунным кружевом

У мечты нет срока годности.

Но иногда ею все же можно отравиться.

Диана задумчиво смотрит на платье, которое ей предстоит надеть сегодня вечером. Глубокого сапфирового цвета, с кружевом ручной работы и необыкновенно изысканной вышивкой, легкое, струящееся, женственное – оно должно было покорять с первого взгляда.

Идеальный крой, дорогое кружево, безупречное качество. Громкое имя дизайнера.

Изящно и эксклюзивно.

Однако Диане это платье не нравится. Это не ее стиль.

Это не ее жизнь.

Платье сшили по заказу матери еще за полгода до торжества. И Эмма уверена, что оно сидит на дочери идеально. Вот только Диана так не считает. Кожаная куртка, простая футболка под нее и джинсы нравятся ей гораздо больше. Однако выбора у нее нет.

Свой день рождения Диана ненавидит. На ее памяти он прошел отлично лишь один раз, когда она отмечала его с Николь и парнями в каком-то шумном прокуренном баре в Дьявольском квартале³. Тогда действительно было весело. Они пили, смеялись, танцевали, шли по ночи, обнявшись, и пели – до тех пор, пока к ним не подъехала патрульная машина. От полицейских пришлось спасаться бегством. И это было первое правонарушение в жизни Дианы. Затем они зашли еще в один бар, где она напилась впервые в жизни. А потом ночевала у Николь, соврав матери, что готовится к сдаче группового проекта у сокурсницы.

Остальные дни рождения протекали по стандартной схеме. Роскошное место проведения торжества, в убранстве которого мать удостоверяться заранее, тщательно выбирая дизайнера. Огромное множество гостей, которых нужно встречать с приклеенной к лицу улыбкой. Вечерние наряды и дорогие украшения, которые должны были поразить воображение приглашенных. Выступление со сцены – с обязательной благодарностью всем присутствующим и родителям. И невероятные скукота и усталость. Хотя отличия все же были: вместо очередного фешенебельного ресторана мать иногда выбирала закрытый яхт-клуб или элитный отель, а однажды, когда Диане было лет двенадцать, ее день рождения праздновался на Багамах. Туда именинницу и ее гостей доставил личный самолет Мунлайтов.

Этот день рождения не станет исключением.

Сегодня выбор Эммы пал на ультрамодный ВИП-клуб, который она арендовала на целый день. Глупо, скучно и однообразно.

Диана касается кружева на платье – оно кажется мягким и даже воздушным, но на ощупь твердое и колючее. Материал не слишком приятен. Надевать это платье у нее нет никакого желания, хотя прическа и макияж уже готовы. Да и сам праздник вот-вот начнется – через час начнут прибывать гости.

Единственное, что ее радует – на дне рождения будет Дастин Лестерс.

Звонит телефон, и Диана не сразу отвечает на звонок – номер незнакомый. А когда все же принимает его, слышит голос Брайана. Единственного человека из «Стеклянной мяты»,

³ Дьявольский квартал — исторический район Нью-Корвена с большим количеством старинных зданий, который на сегодняшний день считается местом приверженцев различных неформатных течений в искусстве, а также студентов. Знаменит большим количеством недорогих баров и клубов. Назван в противовес Ангельскому кварталу, который имеет богемный статус – в нем расположено большое количество картинных галерей искусств, модных кофеин, бутиков.

который знает, почему Макс Уолтер работает с ними, вместо того чтобы заниматься группой «Связь с солнцем». Группой, в которой поет Санни Ховард.

Ненавистная Санни Ховард.

Диана не жалеет о том, что сделала. Никогда не будет жалеть.

Обвела отца вокруг пальца.

– С днем рождения, Ди, – говорит Брайан тихо, и она слабо улыбается. Не забыл. Для нее это важно.

– Спасибо, – отстраненно отвечает она, не желая выдавать эмоций. Он что-то спешно желает ей – знает, что им нельзя общаться. Но поздравить все-таки рискнул.

– То, что ты сделала для нас... – вдруг произносит Брайан с какой-то затаенной болью в голосе. – Черт, Ди, я никогда этого не забуду. Не знаю, что равноценного сделать взамен.

– Ничего. Это была моя плата, – в ее голосе все так же царит прохлада.

– За что? – не понимает Брайан.

Диана не отвечает, но улыбается.

За то, что они дали ей возможность почувствовать себя *счастливой* и показали *настоящую* жизнь. За то, что они приняли ее такой, какая она есть. За то, что не ходили вокруг на цыпочках и не церемонились. За то, что были безразличны к богатству и власти ее семьи.

За то, что она стала их *другом*.

– С группой все хорошо? – спрашивает Диана. Если сначала она боялась, что правда раскроется и отец обо всем узнает, то теперь успокоилась. Будь, как будет.

– Все отлично. Мы записываем альбом на студии «Биг-Скай Рекордс» и скоро будем...

– Отлично, – перебивает восторженную речь Брайана девушка. Она хочет попроситься, но все-таки задает еще один вопрос, который безумно тревожит ее: – Они вспоминают обо мне?

– Никогда и не забывали, – после паузы откликается Брайан. – Только считают тебя предательницей.

– Так и есть, – все так же равнодушно говорит Диана, но ее ресницы опущены, и пульс на шее частит.

– Но я же знаю, что это не так! – восклицает Брайан.

– До свидания, – отвечает она и отключается.

Ей хочется плакать. Громко, навзрыд, но она сдерживается. Просто стоит и смотрит на свое шикарное сапфировое платье, висящее в одной из гостевых комнат клуба. Она смирилась с тем, что у нее больше нет голоса, с тем, что упустила шанс по-настоящему заняться музыкой, и даже с тем, что у Дастина Лестерса дома был чей-то красный лифчик.

Она стоит так до тех пор, пока в комнату не заходит Эмма Мунлайт – она само совершенство: от кончиков ногтей до кончиков туфель.

– Диана, – мать сводит идеальные брови к переносице. – Почему ты еще не готова?

– Сейчас, – роняет Диана. А мать присматривается к ее рукам – на внутреннем сгибе локтя видны следы от порезов.

Эмма хватая дочь за запястье и рассматривает ее кожу. Понимает, что та сделала это специально.

– Что это такое? – спрашивает она.

Диана молчит.

– Что это, я спрашиваю?

Диана поднимает глаза к потолку.

– Ты хочешь попасть в психбольницу? – выдыхает разгневанная Эмма. Диана молча на нее смотрит. Ей все равно.

– Имей в виду, Диана Эбигейл Мунлайт, если ты продолжишь в том же духе, я закрою тебя в подходящем учреждении, – грозит Эмма. Она не понимает, что движет дочерью. И уверена, что все делает для ее счастья. Сейчас Эмма активно ищет девушку, которая смогла бы

петь вместо Дианы. Конечно, та рыжая мерзавка была идеальным вариантом, но она посмела отказаться. Однако Эмма не опускает рук – борьба за наследство в самом разгаре. Только дочь, кажется, совершенно не понимает ее – то режет себе кожу, как ненормальная, то рассказывает дикие вещи о себе и Кристиане Уилшере. Это все заставляет Эмму ужасно нервничать. Теперь вместо одного раза в неделю она посещает своего психотерапевта дважды.

Эмма вспоминает его советы и меняет тактику – обнимает Диану, но так, чтобы не задеть уложенные в высокую прическу волосы и не испортить макияж.

– Возьми себя в руки, дорогая, – шепчет Эмма, глядя дочь по спине. – Все получится. Скоро ты станешь знаменитой певицей. И покажешь своему отцу, чего стоишь. Мы подвинем Валери и Аарона, обещаю. Слышишь?

– Я ничего не хочу, – отвечает Диана.

Эмма отстраняется, держа ее за предплечья.

– Я же сказала, что найду девушку с потрясающим голосом, чтобы она первое время пела за тебя, пока ты будешь восстанавливаться.

– Не нужно. Мне это не нужно.

– Боишься, что ее голос будет не похож на голос этой рыжей девки? – спрашивает Эмма. – Все будет в порядке, моя девочка, мы ищем похожий вокал.

– А если я хочу, чтобы меня заменила только она? – насмешливо спрашивает Диана. Ей отлично известно, что Ховард никогда не согласится на это. Она не продаст свой голос.

И Диана уважает ее за это. Ненавидит и уважает. Хотела бы презирать – но не может.

– Что-о-о? – вытягивается лицо Эммы. – Издеваешься?

«Это ты надо мной издеваешься», – тоскливо думает Диана. Она уже решила для себя, что по возвращении отца все ему расскажет. И плевать. На все плевать.

– Одевайся, – велит Эмма. – Хорошо, что на платье рукава, не видно будет этого безобразия. И я не шучу, когда говорю про психиатрическую клинику, – напоследок цедит она. – Жду тебя через десять минут. Кстати, не забудь надеть эти серьги. Один из моих сегодняшних подарков.

Мать кладет на стол бархатную коробочку и покидает комнату. И снова оживает телефон – Диана нехотя берет его и видит, что звонит отец.

Трубку она поднимает не сразу.

– С днем рождения, дочь, – слышит она далекий голос Николаса. Их с отцом разделяют тысячи километров и десяток часовых поясов. Диана даже и не мыслит, что он мог бы приехать на ее день рождения. Дела отца всегда стоят выше семьи. Хотя, если бы это был Аарон, отец, возможно, еще подумал бы над возвращением... Ревность в который раз касается сердца Дианы холодными когтями.

Николас ничего не желает – вместо этого он в директивной форме объясняет Диане, какой она должна быть и что должна сделать, чтобы не посрамить славное имя Мунлайт.

– Надеюсь, что ты не подведешь меня, – говорит напоследок отец. – Не хочу, чтобы единственная дочь меня разочаровала. На тебя появились большие надежды.

Он все еще считает, что она изумительно поет.

– Хорошо, папа, – тихо произносит она.

– Ты уже выбрала квартиру? – спрашивает Николас. – Я хочу, чтобы ты стала самостоятельной. Пора выходить из-под крыла матери. На твой счет переведена некоторая сумма – распорядись ею по своему усмотрению. Не отказывай себе ни в чем, но будь осмотрительна.

Диана уже знает об этом – видела. Это огромная сумма.

– Жду, когда вы начнете работать с Уолтером. Интересны результаты, – продолжает отец. А Диана вдруг решается.

– Папа, я хотела тебе сказать... – Однако продолжить она не успевает – связь обрывается. То ли технические неполадки, то ли отец опустил трубку.

В слепой и внезапно нахлынувшей ярости Диана опрокидывает столик. А потом, взяв себя в руки, все-таки вставляет в уши серьги с сапфирами и бриллиантами и надевает платье. Оно роскошно и сидит на ней как влитое. Только кружева ужасно жесткие, особенно на груди – словно чугунные. Они царапают кожу. И каждое движение приносит Диане дискомфорт.

Не показывая этого, она спускается в огромный зал, в котором все готово для того, чтобы праздновать ее день рождения. Диана готова быть королевой этого вечера. Несмотря ни на что, даже на чугунные кружева. Только зачем, она и сама не знает.

Все идет по заранее написанному сценарию.

Именитые гости. Улыбки. Пожелания.

Вспышки камер приглашенной на вечер прессы.

Улыбки. Объятия. Поцелуи в воздух около щеки.

Бокалы с шампанским. Compliments. Подарки.

И снова улыбки – от них болят мышцы.

А в кожу впиваются чугунные кружева.

Все словно во сне, в зыбком неясном тумане. И Диане кажется, будто она играет в каком-то сюрреалистичном спектакле.

Живая музыка, живые цветы и неживые люди. Стук каблучков дорогих туфель, звон бокалов и смешанные воедино роскошные парфюмерные композиции, от которых тошнит. Родственники, которым до Дианы нет дела. Отвратительные друзья отца по бизнесу, которые будут готовы закидать камнями их семью, стоит Николасу отступить. Так называемые подружки, которые жаждут попасть в круг общения самой Дианы. Сияющие молодые люди в безупречных костюмах, мечтающие, чтобы она обратила на них внимание. Им плевать на нее, но стать зятем Николаса Мунлайта – это честь. Честь и огромные возможности.

Сцена – с нее нужно благодарить присутствующих. Цветы, аплодисменты. Блеск софитов. Блеск драгоценностей. Блеск алчных глаз.

Улыбки, улыбки, улыбки. Фальшивые, неестественные, наигранные.

Бал монстров.

В какой-то момент Диана словно выныривает из сна и приходит в себя. Она стоит на втором уровне, на ажурном балкончике, вдалеке от всех – люди ужасно надоели. И смотрит вниз, на огромный полутемный зал со столиками, из которого лучи прожектора то и дело выхватывают чьи-то лица, заливая фиолетовым, зеленым или лимонным светом.

Монстры.

Диану передергивает от отвращения – то ли к ним, то ли к самой себе. И она залпом выпивает бокал шампанского, не чувствуя его вкуса.

Королевой вечера она себя тоже не чувствует.

Диана чувствует себя ничтожеством. Ее самооценка, как и всегда, нестабильна: то летит вверх, то падает вниз.

За весь вечер искренне она улыбается лишь несколько раз.

Первый – когда встречает Дастина. Он выглядит потрясающе в своем смокинге и уложенными набок черными волосами. Он галантно обнимает ее, едва касаясь, но Диана чувствует идущее от него тепло.

– Рада видеть тебя, – говорит ему Диана, обнимая в ответ. Она удерживает свои руки на его плечах чуть дольше, чем того требует этикет. То, что Дастин пришел поздравить ее, для Дианы многое значит. Она готова терпеть чугунное кружево. И все что угодно готова терпеть ради их встреч. Жаль, он снова стал с ней холоден. Возможно, из-за того, что она больше не поет ему.

Унизительные воспоминания о том, что вместо нее на том проклятом вечере была Санни Ховард, сродни оплеухе. Диана ненавидит думать об этом. Но вспоминает постоянно. Мучает себя этими мыслями. И только боль отгоняет их.

– И я рад видеть тебя, – отвечает он. – Ты прекрасна, Диана. Настоящая принцесса.

– А почему не королева? – спрашивает она, не отрывая взгляда от его лица.

– Ты слишком юна для этого звания, – подмигивает ей Дастин. Диана немного болтает с ним ни о чем, не желая отпустить от себя, но ей приходится сделать это. Мать неодобрительно смотрит – гостей, которых стоит лично поприветствовать, еще много.

– Надеюсь, мой подарок понравится тебе, – говорит напоследок Дастин. Его подарок – картину известного японского мастера живописи – она оставила в своей комнате. Повесила рядом с картиной «Дом на краю неба».

Второй раз Диана искренне улыбается, когда к ней подходит Елена. Они уже общались, но обменялись лишь короткими приветствиями.

Елена пришла с Аароном, и старший брат был показательно холоден – так же, как и отец. То ли подражает ему, то ли виноваты гены, и они просто похожи. Хотя Аарон не поскупился на подарок – презентовал элитной марки часы с бриллиантами. Естественно, выполненные на заказ. Скорее всего, этим занималась Елена – она знает Диану куда лучше брата.

Сейчас Елена одна. И уж кто выглядит как настоящая королева – так это она. Елена не только красива и безупречна в выборе своих нарядов и украшений. Она умеет подать себя – с некоторой отстраненностью, но без высокомерия. Возможно, все дело в ее титуле – настоящая графиня. Возможно, это ее личное качество, выработанное с годами.

А еще Елена умна. Слишком умна, чтобы быть просто светской леди.

Глядя на невестку, Диана понимает, почему отец и брат выбрали ее.

Идеальная женщина. И напоминает Снежную королеву в своем закрытом вечернем платье сдержанного бледно-василькового цвета с благородной белоснежной отделкой, декорированной сверкающими камнями.

– Как дела? – спрашивает Елена. Она прекрасно понимает, что чувствует Диана. И та знает это.

– Отвратительно, – признается Диана. – Хочу домой.

– Потерпи еще немного, – тихо говорит Елена и вежливым кивком здоровается с проходящим мимо пожилым гостем. Диана механически повторяет за невесткой, показывая напускное гостеприимство.

– Где Аарон?

– Откланялся, – с усмешкой отвечает Елена. – Что-то срочное по работе. Просил еще раз поздравить тебя с днем рождения и извиниться, что ему пришлось срочно покинуть праздник.

Диана знает, что это ложь. И благодарна Елене за то, что та создает видимость братской заботы.

– Передай ему – ничего страшного, я все понимаю, – произносит она с полуулыбкой и вдруг неожиданно для себя спрашивает: – Как ты с ним живешь?

Елена молчит – улыбается одними глазами. Диана не понимает, почему она это терпит. И как мать терпит отца.

Диана бы так не смогла.

– Я видела Кристиана, – в какой-то момент говорит Елена. – Он выглядит отлично, но мало улыбается. Вы так и не помирились?

– Жаль, я не могу вышвырнуть его отсюда вон, – морщится Диана. Кристиан, как и все остальные представители семейства Уилшеров, здесь, в клубе. Они даже не взглянули друг на друга. Пока его родители поздравляли ее, он просто-напросто растворился в шумной толпе. Больше Диана его не видела. И видеть не хотела. После того что он устроил, после того как унизил ее при Дастине, она ненавидела его еще больше – всем своим сердцем.

Сегодня ночью ей снилось, что они полураздетые лежат в ее кровати. Целуются. Она – сверху. А он смотрит на нее абсолютно пьяными глазами и обнимает так нежно, что ее сердце плавится.

Во сне не было злости и обиды. Были проклятая нежность и желание быть вместе. Когда Диана проснулась, щеки и губы ее горели – словно Крис и правда целовал ее. После этого она едва уснула. А ненависть к Уилшеру, казалось, стала еще больше.

– А ты с ним жестока, – продолжает Елена.

– Заслужил, – отрезает Диана.

И как назло, в это же время она видит Кристиана внизу, у одного из столиков с пирамидой из бокалов шампанского. Он обнимает какую-то светловолосую девушку – кажется, это дочь одной из материнских подружек. Крис что-то шепчет ей на ухо, а та смеется и делает вид, что смущается.

Подонок! Диана смотрит на него с презрением и отворачивается, чувствуя, как тошнотворные кружева все сильнее впиваются в ее кожу. Присутствие Уилшера ее невероятно раздражает.

– Это похоже на ревность, – вдруг задумчиво молвит Елена.

– Не хочу о нем говорить.

Елена переводит разговор на другую тему, а потом к ним подходят Эмма и несколько гостей. Минут десять спустя Елена растворяется в толпе, а Диана спускается вниз – она вновь вынуждена искусственно улыбаться и принимать фальшивые поздравления. Дастина она нигде не видит. Зато встречается с сыном Элинор Фелпс. Он приехал вместо матери со своей подружкой – той, которая знает Санни. Ричард, как назло, снова вспоминает ее «потрясающий вокал». И выражает надежду, что еще не раз услышит его.

В какой-то момент Диана решает передохнуть в гостевой комнате, где остались ее вещи. Она вновь поднимается на второй уровень – уже по другой лестнице – идет по коридору – звуки ее шагов тонут в мягком ковре. Она хочет, чтобы этот вечер закончился как можно скорее. Кожа под кружевом саднит, а ноги устали в узких туфлях на каблуках.

Однако до своей комнаты Диана не доходит. В коридоре неожиданно появляется парень – кажется, его зовут Уилл – и буквально тащит ее в кальянную, где собралось больше дюжины ее сверстников и сверстниц. Они слишком устали от общей тусовки, поясняет Уилл и добавляет, что внизу «одни старики». Диана слишком поздно замечает среди них и Кристиан – развалился в кресле, а на его коленях – все та же блондинка. Так и льнет к нему, словно кошка. Но уйти Диана уже не может – слишком странно это будет смотреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.